

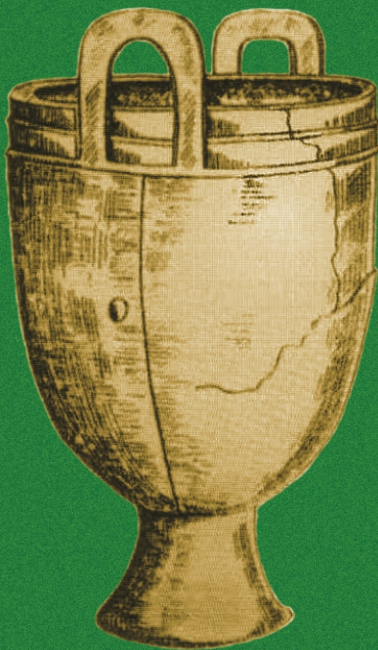
ISSN 2619-1229

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

TURKOLOGICAL STUDIES

Том 1, № 2
Vol. 1, No. 2

2018

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Журнал основан в марте 2018 года

2018, том 1, № 2

ISSN 2619-1229

Международный научный журнал

Учредитель: Фахрутдинов Раиль Равилович

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77–73017 от 06.06.2018.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия». **Адрес издателя:** 420111, г. Казань, ул. Кремлёвская, 10/15.

Почтовый адрес редакции: 420008, Россия, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117. Тел.: +7(843) 221-33-21.

E-mail: turkologystudies@gmail.com

Сайт: <http://turkological-studies.ru>

Подписка и распространение: редакционная подписка

Дата выхода выпуска в свет: 29.08.2018.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 500 экз.

Заказ 5/10. Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета.

Адрес типографии: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.

Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за содержание публикаций.

Редакционно-издательская группа

Л. Ф. Абзалов (ответственный секретарь) – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

А. В. Фахрутдинова (научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Е. В. Витоль (ответственный за выпуск) (г. Казань, Россия)

Главный редактор

Р. Р. Фахрутдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Шеф-редактор

Р. Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии

Э. К. Хабибуллина – кандидат филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Редакционная коллегия

А. Г. Ситдинов – доктор исторических наук, доцент, член корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)

Р. Р. Замалетдинов – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)

И. Э. Ярмакеев – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор (г. Мадисон, США)

И. А. Гилязов – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)

И. М. Миргалеев – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия)

В. В. Трепавлов – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)

И. В. Зайцев – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)

А. Н. Гаркавец – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

А. В. Сафарян – кандидат исторических наук, профессор (г. Ереван, Армения)

Ильяс Топсакал – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)

Хайати Девели – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)

Ильяс Кемалоглу – Ph.D. (история), доцент (г. Стамбул, Турция)

Распространяется бесплатно

© Тюркологические исследования, 2018

TURKOLOGICAL STUDIES

Journal was founded in March 2018

2018. Vol. 1, No. 2

ISSN 2619-1229

International Scientific Journal

Founder: Rail Fahrutdinov

Registered by the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate number: ПИ № ФС 77–73017. Date of registration: 06.06.2018

Periodicity: 4 issues per year (quarterly)

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage".

Address: 10/15, Kremlevskaya street, Kazan, 420111.

Editorial address: 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, M. Mezhlauka str., 3, of. 117, Tel.: (843) 221-33-21.

E-mail: turkologstudies@gmail.com

Website: <http://turkological-studies.ru>

Subscription and distribution: editorial subscription

Signed for printing: 29.08.2018. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16. Conventional printing plates 10. Print run: 500 copies. Order: 5/10. Printed at Kazan University Press printing house.

Address: 420008, Kazan, 1/37, Professor Nuzhin str. Tel.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.

Editorial office is not responsible for the contents of publications.

Editorial and Publishing Group

L. Abzalov (Executive secretary) – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

A. Fahrutdinova (Scientific editor) – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)

E. Vitol (Responsible for the release) (Kazan, Russia)

Depute Editor in Chief

R. Khajrutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

Chief-Editor

R. Fahrutdinov – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

Chairman of the Editorial Board

E. Khabibullina – Ph.D. in Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

Editorial Board

A. Sitdikov – Doctor of History, Associate Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)

R. Zamaletdinov – Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

I. Yarmakeev – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)

Uli Schamiloglu – Ph.D. (History), Professor (Madison, USA)

I. Gilyazov – Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)

I. Mirgaleev – Ph.D. in History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

V. Trepavlov – Doctor of History, Professor Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

I. Zaytsev – Doctor of History, Professor Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A. Garkavets – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

A. Safaryan – Ph.D. in History, Professor (Yerevan, Armenia)

Ilyas Topsakal – Doctor of History, Professor (Istanbul, Turkey)

Hayati Develi – Doctor of Philology, Professor (Istanbul, Turkey)

Ilyas Kemaloglu – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

Distributed free of charge

© Turkological Studies, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	5
Гаркавец А.Н. Иссыкская руническая надпись: новое чтение	5
Moshe Grinberg. Janibeg's Last Siege of Caffa (1346–1347) and the Black Death: The Evidence and Chronology Revisited	19
Тимохин Д.М. Хорезмийское завоевание Южного Кавказа и его последствия	33
István Zimonyi. The Historical Role of the Golden Horde in the Silk Road and in Eastern Europe	51
Миргалеев И.М. "Кара таварих" Утемиша-хаджи как источник по истории тюрко-татарских государств	58
Хайдаров Т.Ф. «Моръ и глад» на территории Руси и в Золотой Орде (X – первой половины XIV вв.)	73
Хапизов Ш.М., Абдулмажидов Р.С. Государство Сарир в эпоху Золотой Орды и государства Хулагуидов (XIII–XIV в.)	101
Хамидуллин Б.Л. «Борьба с пятью казанскими народами»: значение взятия Казани 1552 г. и Казанская (Первая Черемисская) война 1552–1557 гг. в трактовке С.М.Соловьева	114
Хасавнех А.А. К вопросу о биографии поэта-суфия XIX века Абульманиха Каргалый	126
Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Валеев Р.М. Первый этап научного путешествия Н.Ф. Катанова в Восточный Туркестан (10 июля – 16 октября 1890 г.)	141
Булатова М.Р. Лексика курмантауского говора татарского языка (психо-физиологическая характеристика человека)	153
НАСЛЕДИЕ	159
Отрывок из сочинения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» (Ф.Ш. Нуриева, Э.Г. Сайфетдинова, И.Р. Галиулина)	159
РЕЦЕНЗИИ	167
Тишин В.В. Рецензия на книгу: Бураев А.И. Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 207 с.	167
ХРОНИКА	181
Гиниятуллина Л.С. Круглый стол «Татарское владычество: итог»	181

C O N T E N T

ARTICLES	5
Garkavets A. The Old Turkic Inscription From the Issyk Kurgan: New Reading	5
Moshe Grinberg. Janibeg's Last Siege of Caffa (1346–1347) and the Black Death: The Evidence and Chronology Revisited	19
Timokhin D. Khorezm Conquest of the South Caucasus and its Consequences	33
István Zimonyi. The historical role of the Golden Horde in the Silk Road and in Eastern Europe	51
Mirgaleev I. "Kara Tavarikh" by Utemish-Hadji. List of Rizaetdin Fahretdin	58
Khaydarov T. Epidemics and Mass Famine in Russia in the Territory of Rus and the Golden Horde (X – the First Half of the 14 Century)	73
Khapizov Sh., Abdulmazhidov R. The State Sarir in the Era of the Golden Horde and the State of the Khulaguids (13–14 Centuries)	101
Khamidullin B. "The Struggle With the Kazan Five Peoples": the Value of the Capture of Kazan in 1552 Kazan (First Cheremis) war 1552–1557. In the Interpretation of S.M. Soloviev	114
Khasavnekh A. On 19 Century Sufi Poet Abulmanih Qarghaly's Biography	126
Martynov D., Martynova Yu., Valeev R. The First Stage of N.F. Katanov Scientific Journey to the Eastern Turkestan (July 10 – October 16, 1890)	141
Bulatova M. The Lexical Peculiarities of the Kurmantau Subdialect of the Tatar Language (Psycho-Physiological Characteristic of a Person)	153
LEGACY	159
Fragment From Mahmud al-Bulgari's Work «Nahj al-Faradis» (F. Nurieva, E. Sayfetdinova, I. Galiullina)	159
REVIEWS	167
Tishin V. A Review of the Book “Ancient Turks of Mongolia (Reconstruction of Anthropological Composition According to Sculptural Figures)” by A. Buraev	167
CHRONICLE	181
Giniyatullina L. The Round-Table: "Tatar Rule: Yoke"	181

СТАТЬИ

УДК 811.512.1

ИССЫКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ: НОВОЕ ЧТЕНИЕ

А.Н. Гаркавец

Казахский научно-исследовательский институт культуры

г. Алматы, Казахстан

qurpchaq@gmail.com

Резюме. *Цель:* установить язык и раскрыть содержание рунической надписи на серебряной чаше из сакского захоронения V–IV вв. до н. э.

Материалы исследования: Новое чтение рунической надписи на серебряной чаше из Исыкского кургана основано на тщательном анализе письменных, графических и случайных штрихов. Случайные риски нанесены в самое разное время и потому затерты не в одинаковой мере. Графические выполнены за два раза и процарапаны острым предметом. Письменные знаки нанесены одновременно закругленным острием ножа путем надавливания по дуге от себя к краю чаши. Углы и зигзаги часто закруглены. Многие штрихи сделаны в несколько приемов и зачастую повторно. Порядок письма – справа налево. Сначала написана строка у края чаши, затем – посередине, обе – в направлении к месту крепления отвалившейся ручки. Текст занимает место, не поврежденное коррозией. Левее средней строки имеется несколько параллельных пробных рисков разной высоты и не на одной линии. Письмо этой надписи в основном тождественно древнетюркскому. По содержанию это поминальная фраза, и ее запись произведена на чаше покойного при захоронении.

Результаты и научная новизна: Установлено направление письма и на основе древнетюркского рунического алфавита предложено новое чтение надписи, ранее неубедительно читавшейся 28 авторами на 6 языках.
Транскрипция: Qïz-er, ičïŋ, oqu-sünügü čezib, / kōčü aŋsağ. *Перевод:* Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копья, / будем поминать кочёвку.

Ключевые слова: Исыкский курган, саки, руническое письмо, тюркский язык.

Когда раскопки дважды разграбленного кургана были уже практически закончены и бульдозеристы, огорченные неудачей, уже собирались уходить, неумный начальник отряда Бекен попросил не торопиться и пройти еще пару раз, сбоку. Случай или воля небес – вскрылось второе, боковое захоронение,

как потом выяснилось, соперничающее с усыпальницей Тутанхамона. О находке тут же позвонили в Алма-Ату Кималю Акишеву, руководителю экспедиции и автору подробного описания этого бокового захоронения [1] на могильнике из 80 опустошенных курганов. Вскоре весть о сенсационной находке стала достоянием всей страны.

Габит Мусрепов, написавший сценарий кинофильма «Кыз-Жибек», связался со съемочной группой и предложил использовать бутафорию с тюркской руникой. По книге Сергея Ефимовича Малова нанесли небольшую надпись на стелу. Украсили рунами посох старейшины. И даже первым кадром фильма пошло его название в рунах. К этому приложили руку редактора фильма – молодые писатели Аскар Сулейменов и Олжас Сулейменов. По ходу дела Олжас попытался понять надпись на серебряной чаше размером 75–77×22 мм, воспользовавшись только что вышедшим «Древнетюркским словарем». И 31 октября 1970 года опубликовал свое понимание в «Комсомольской правде» и местных газетах: “Сын хана в двадцать три (года) умер, имя и слава (народа) обратились в прах / иссякли”. Одним словом, казахи неистово воодушевились, почувствовав себя народом с великой тысячелетней культурной традицией.

Сорок лет спустя Бекен – теперь уже маститый археолог-аксакал Бекмуханбет Нурмуханбетов, основатель Иссыкского музея, перекопавший тысячи тонн земли своим совочком, вспоминая эти события, подытожил: “Наконец мы поняли, что за человек был этот Алтын Адам. Он же воин! Иссыкский воин! Царевич! А его головной убор – не остроконечная шапка саков-тиграхауда (букв. “в остроконечных шапках”) наскальной Бехистунской надписи Дария, а остроконечная корона. Царская. Значит, была уже государственность. Не случайно на нашем гербе крылатые тулпары-единороги с его короны. Он собрал нас в час независимости. Он по праву – наш символ”. Что касается выражения “царская шапка”, то, без сомнения, это – ссылка на персидское **шах-и куле** ‘шапка шаха’ и одновременно – на общенациональный праздничный головной убор казахских невест и молодых, называемый **саукеле**. Эта высоченная конусообразная шапка в идеале столь же богато украшена и тоже красного, царского цвета. Подобный убор носят и кыргызки, называя его еще более созвучным словом **шөкүлө**. Принят он отчасти у каракалпаков, алтайцев и ближайших родственников и соседних народов. То есть именно там, где обитали загадочные саки-тиграхауда.

Не прошло много времени, как в сторону Олжаса понеслись письма от критиков, о чем он напомнил в эссе «Аз и Я»: “...авторы восприняли наше сообщение, прочтение и выводы как результат незнания «очевидных», «твердоустановленных» положений, как-то: орхоно-енисейское письмо возникло не раньше V-VI веков нашей эры на основе одного из позднейших иранских вариантов арамейского письма. Эта дата подтверждается незыблемыми в тюркологии авторитетами; следовательно, Иссыкскую надпись никак не можно относить к тюркским рунам, скорее всего чаша с надписью

занесена из стран, применявших арамейское письмо, вероятно, из Ирана, и случайно попала среди утвари в курганный захоронение. Таким образом, содержание надписи не должно отражать ситуацию, т. е. не эпитафия. Следует ожидать, что надпись содержит ираноязычный или семитский текст”.

Так и случилось. Венгерский лингвист Янош Гарматта в 1999 г. прочел ее по-ирански – на хотано-сакском диалекте:

za/m/-ri ko-la/m/ mi/m/-vam-vam-va pa-zam pa-na de-ka mi/m/-ri-to
na-ka mi pa-zam vam-va va-za/m/-na vam

Чаша должна содержать виноградное вино, добавлена приготовленная пища, [пусть да] приумножится для смертного.

Затем туда добавлено приготовленное свежее масло [2, с. 411–412].

Свои иранские чтения предложили Селахи Дикер и Эдуард Хуршудян, а Ф. Хамори прочел по-венгерски [3].

Сергей Рябчиков – на славянском:

**p(i)-u-r-u v(e) n-r v(e) l-e-sh
s-e v(e)-e-r A-n-i p(e)-u-t n-b-e-u**

Сказочная лошадь, в, в ярости, стремление

Огонь, небесная тропа; поворачиваться, это пожар/верх; небо.

Игорь Сергеевич Кузнецов прочел эту эпитафию с помощью “влесовицы” и перевел так:

И бых ище Арсатану Пещуру, хто весь зря узащан, т. е. и был еще Арсатан Пращур, хто весь зорко защищал.

Его подход поддержал Валерий Алексеевич Чудинов, а Галина Григорьевна Котова дала свою не менее изощренную интерпретацию:

Бох ИЩё АКСАУХАНУУ ПИЩУ СИУСн ХУХ

ХаЗяИН УЖАЩАН

“БОХ ЕЩЁ АКСАХАНУ ЗАБОТУ СЕСЬ ГРОХНУЛ,

ХОЗЯИН УЖАСНУЛСЯ” или “БОХ, ЕЩЁ ПЕЧАСТЬ ОБ АКСАХАНЕ,
так НЫНЕ

ГРОХНУЛ, ЧТО ХОЗЯИН УЖАСНУЛСЯ”.

Линию тюркских чтений повёл наш крупный специалист в области руники Алтай Сарсенович Аманжолов [4]. Вот его чтение 1971 и следующих годов:

H4T42N(2)(C

T T H J K F I N T Y S A Y T X Y

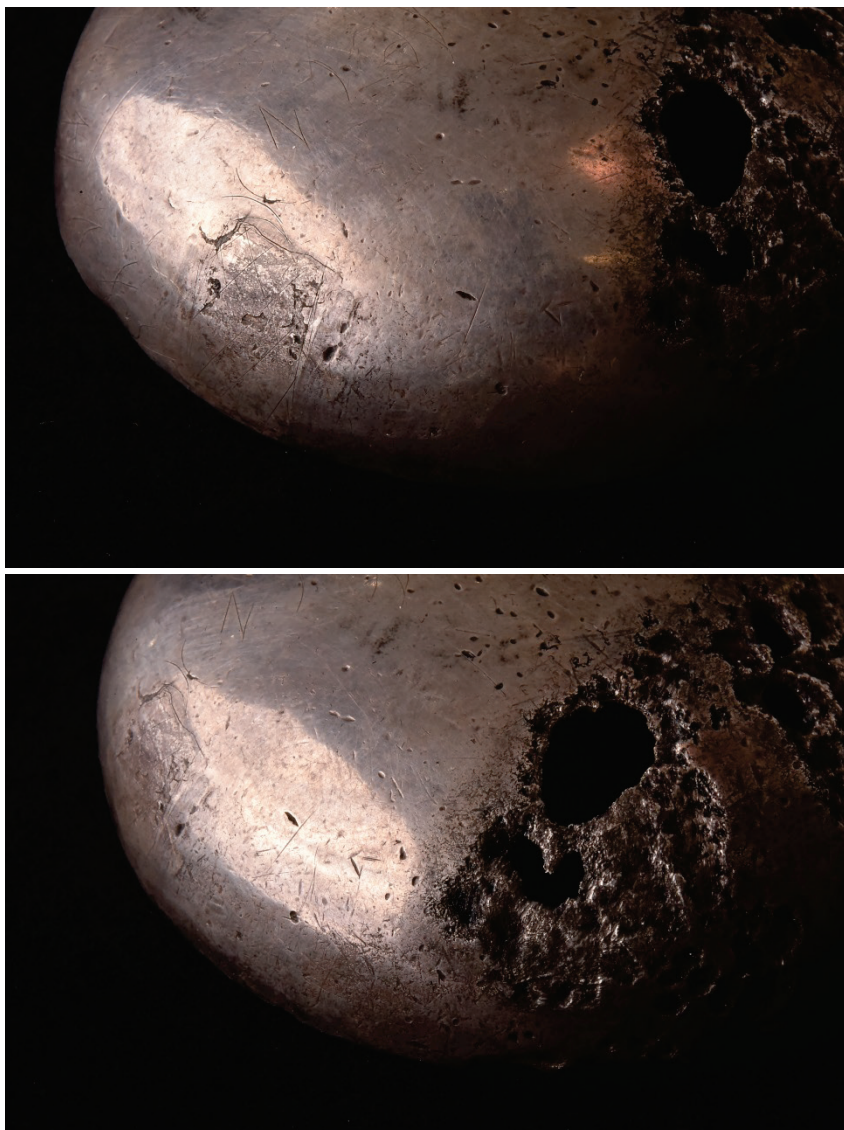
$${}^a\gamma a \text{ s}^a\eta a \text{ o}\check{c}uq = A\gamma a, \text{ sa}\eta a \text{ o}\check{c}uq!$$

"Старший брат, тебе (этот) очаг!"

b^äz čök boq^un içr(?)ä^uz^uq ...i = Bez, cök! Boqun içrä [r?] azuq! ...i

"Чужой, опустишь на колени! [Да будет] у поколения пища!"

Чтение А.С. Аманжолова принял и несколько модифицировал Насимхон Рахмонов:

Azuq, ochuq at atsar, ash azaq,
Utashta qan asu
Если пища и родина будут далеко,
друг останется внизу или Уташта хан станет хозяином.

Еще одно чтение предложено на сайте Рустама Абдубаитовича Абдуманпова «Центральноазиатский исторический сервер», читается справа налево сверху вниз и тоже вверх ногами:

нч ʌ ʋʌ N(ʌ)(
ʌʌʌ ʌʌʌ ʌʌ ʋʌʌ ʌʌ ʋʌ ʌʌ

OĞA SeN ANg İÇ SaK
SöZ eReNg öGüNç SƏS-üNİ eRiR ÜZƏ
Сак, испей ты клятву во имя народа!
Слово донесет голос и славу восхваления эрена на небеса.

Вариант:

Сак, испей ты клятву именем (своего) народа!
Слово (данное при клятве) вознесет голос и славу восхваления эрена на небеса.

Еще один вариант:

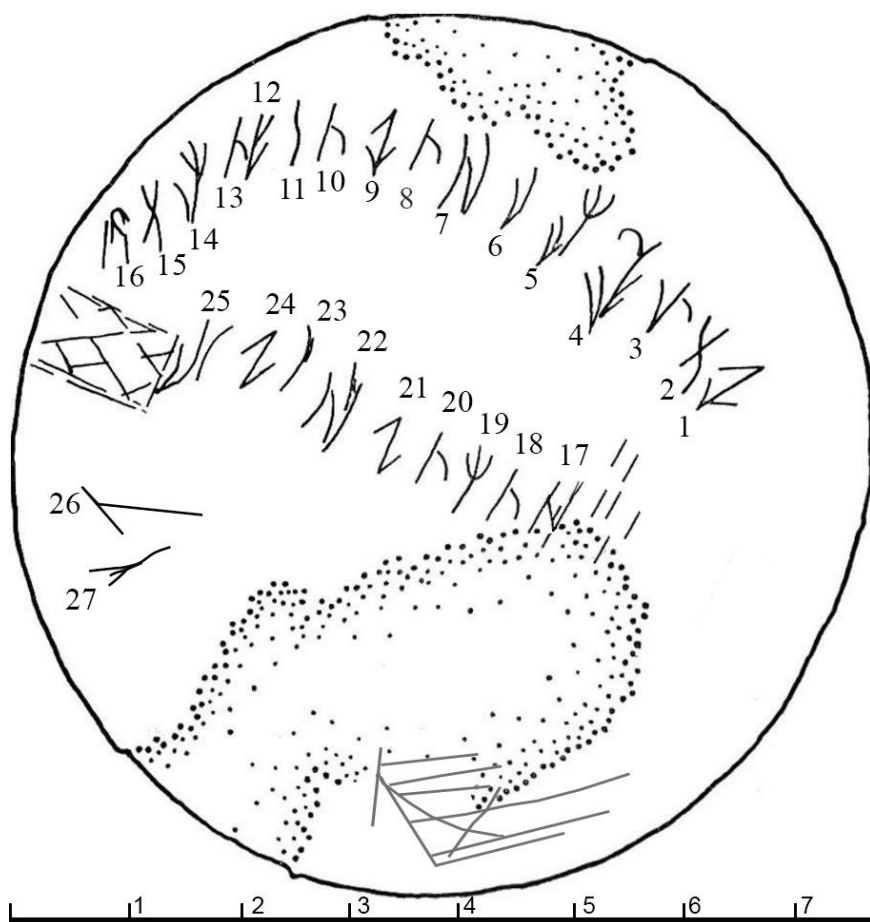
Сак, поклянись именем своего народа!
Клятвенно данное слово возносит голос хвалы и славу эрена на небеса.

В литературе и в интернете имеется немало и других толкований, и все они оспариваются как неубедительные по причине бросающейся в глаза неестественности.

Мне чтение тоже не очень удавалось, пока не посчастливилось исследовать саму эту чашечку воочию, с лупой. Затем – по снимкам высокого разрешения, выполненным фотографом Национального музея РК Канатом Кудайбергеновичем Мусиным с моей помощью.

Скрупулезное исследование артефакта показало, что надпись наносилась не штихелем, а закруглённым концом лезвия стального ножа и не процарапывалась, а продавливалась, причем правой рукой и от себя, не в один прием и не вполне уверенно. Это видно по характеру бороздок, они извилисты и прерывисты, вытесняемый металл сдвинут преимущественно влево и вперёд. Острые углы и зигзаги букв, типичные для надписей в виде насечек и резьбы, превратились в плавные дуги поворотов ножа. Еще одна важная техническая

деталь – неоднократные попытки нанести одни и те же элементы. Надпись производилась на месте захоронения, буквально на колене. Чашечка малюсенькая, а нож большой и работа мелкая. Строку приходится загибать, буквы прыгают, перекашиваются, промежутки становятся меньше, текст уплотняется. Из-за этого элементы символов зачастую дублируются. Да еще помимо воли возникают странные завитушки, словно неопытный гравёр делал это чуть ли не впервые в жизни. Многое из этого хорошо просматривается на прорисовке Кималия Акишева 1978 года. Прорисовка уточнена нами в отношении не показанных ранее штрихов внизу (один из элементов внизу посередине А.С. Аманжолов принял за букву *i*) и слева, и первой буквы нижней строки, начертание которой, как я понимаю, содержит доработку и двойную правку. Правее нее на разном расстоянии друг от друга имеется еще несколько пробных вертикальных прямых коротких штрихов. Здесь изображение намеренно увеличено. Реальный размер показан шкалой в сантиметрах.

Геометрически правильный рисунок слева сверху имеет одно назначение. Это – намеренно процарапанное для лучшего сцепления место крепления отпавшей ручки, на что указывают следы окарины. Сама ручка для

ношения чаши на поясе могла быть сделана из другого металла в виде перстня с плоской прямоугольной печаткой.

Царапины слева посередине и рисунок внизу образовались случайно в ходе пользования. Все их разной глубины тонкие черточки заметно заложены, одни больше, другие меньше, а значит появились они не одновременно.

Рельеф надписи, напротив, однороден в целом и в частности и в равной мере лишь немного потёрт, вероятно, во время очистки.

Отбросив технические поправки и учтя перемены в написании символов к эпохе орхоно-енисейских рунических памятников, мы получили две довольно чёткие строки, идущие против часовой стрелки. Первая – ближе к краю чаши, вторая – по центру. Строки мы набрали внешне несколько отличающимися стандартными тюркскими руническими символами шрифта Öztürk, иногда зеркальными или перевернутыми, но авторские версии правой буквы нижней строки все-таки пришлось перерисовать.

Определившись с направлением письма, к нашему собственному удивлению, мы ясно прочли, как по учебнику, следующий древнетюркский текст, который как бы сам собою перевёлся на украинский и русский языки:

**Qız-er, için, oqu-sünügü čezib,
köčü aṅsağ**

То же самое казахской кириллицей:

**Қыз-ер, ішін, оқу-сүнүгү чезіб,
көчү аңсағ**

Дівчино-герою, випий, коли ми, відторочивши стріли-списи,
поминатимемо кочівлю

Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копья,
будем поминать кочёвку.

И в переводе на казахский:

Қыз-ер, ішін, оқ-сүнүгү шешіп,
көшті аңсақ (еске түсірсек).

Перевод на татарский Ильнура Мидхатовича Миргалеева:

Кыз-ир, эчең, ук-сөңге чишеп,
күчне аңсақ (аңга китерсек).

По своему строю это ритуальное обращение представляет собой лаконичное стихотворение из трёх ритмических групп в 2, 3 и 2 двухсложных стопы. Первый слог каждой стопы – короткий, второй – долгий, что-то вроде ямба античной силлабической метрики. В укладу ритму в слове **sünük (süñük)** ‘копьё, пика’, выступающем в винительном падеже, редуцирована группа **nü: sünügü**.

Впечатляет изящество грамматики. В этой эмоционально прочувствованной и абсолютно выверенной по содержанию фразе, символизирующей высокую премудрость единства мира живых с миром усопших, каждая частица несёт максимальную смысловую нагрузку. Обращение кратко, без междометий и притяжательных формантов. Призыв к общению через совместное испытание освященного напитка передан не грубо-императивно вроде **ич** ‘пей’, а более интимно, как накоротке обращаются к кому-то одному в кругу присутствующих, выделяя его из многих: **ичиң** ‘выпей вот ты’.

Пауза.

Далее – мир живых. Они отягощены бременем оружия, постоянных войн и мирской суеты. Снова винительный падеж оформлен аффиксом, что придает оттенок определенности: **оку-сүнүгү** ‘вот эти стрелы и копья, о которых ты знаешь’. Не абстрактное **ок-сүнүк** ‘всякие стрелы и копья’, а конкретные тяготы собравшегося народа, который, освободившись от повседневных уз тривиальной жизни, может посвятить какое-то короткое время общению с дорогим человеком, безвременно покинувшим этот мир. И далее – ключевое слово **көч** ‘кочёвка’, переход в другую область, а может – и в другой мир. Тоже в оформленном аффиксом винительном падеже. То есть не кочёвка вообще, а та конкретная перекочёвка, когда любимый человек покинул мир живых и перекочевал со своим скарбом в инобытие. Завершается поминальный стих утраченным многими современными тюркскими языками глаголом **ан-** ‘вспоминать, напоминать, поминать’ в условной форме первого лица множественного числа, объединяющей мир живых в едином порыве вселенской скорби по усопшим.

Но поначалу на языке вертелся османский вариант с арабским союзом не из тенгрианской, а из совсем другой – исламской эпохи:

قز ار اچيڭ اوق و
سونگو چزب
کوچو آڭساغ

В турецкой транскрипции:

**Qız-er, içiñ, oğ u süngü çekib,
köçü añsağ.**

На современном турецком:

**Kız-er, için, ok ve süngü çözüb,
göçü ansak.**

С этой надписью перекликается поминальное выражение, услышанное мною от тюркоязычных греков-урумов Северного Приазовья на кыпчакском и на огузском наречиях:

Ічкенім сінсін – бойуна сінсін / Ічтігім сінсін – жанына дэгсін
Пусть впитается моё питьё – пусть (моё слово) достигнет его души.

Это древнее тюркское речение, пережившее тысячелетия, отражает изменение взгляда на загробный мир. Покойному уже не ставят в могилу продукты, посуду и вещи, которыми он пользовался. Плоть обратилась в прах. Поминающие обращаются к его бессмертной бесплотной душе, отделившейся от тела. В более древнем кыпчакском варианте ещё неразделимо – **бой** ‘тело; рост; сущность, душа’, в огузском – **жан** ‘дух, душа’, по-персидски.

Я счастлив, что надпись наконец прочлась, так легко и естественно. И лишь одна мысль не даёт мне покоя. Какая вдохновенная сила направляла руку автора надписи, чтобы он на оставленной для усопшего чаше выбрал именно эту часть, которая более чем за две тысячи лет не подверглась коррозии? Ведь вся остальная поверхность кесушки вокруг надписи изъедена до дыр, а изумительный по своей духовности и поэтической красоте стих совершенно не затронут, словно написан недавно. И вспоминаю, что и знаменитый кыпчакский письменный памятник «Кодекс Куманикус», невзрачный, написанный на бумаге, чуть ли не один-единственный уцелел – посреди кучи отсыревших, истлевших и превратившихся в кирпичи пергаментных фолиантов Петрарки в заброшенной на столетия кладовке. Поразительно! Как в этих строках из 90/91-го псалма Давида в кыпчакском переводе 1575 и 1580 годов:

¹ Kim dā tīnīptir boluşluğundan / ¹Kim ki dā turuptur boluşluğuna
Biyiktäğiniñ, kölegäsi tibinä Teñriniñ köktä tīngay... ⁷Tüßsün / Tüşkäylär yanıñdan
seniñ miñlär da tümänlär oñuñdan / sayıñdan seniñ, ki saña nemä / ħaysı ki saña heç
nemä yovuxlanmagaylar

¹ Живущий с помощью / при поддержке Всевышнего под сенью Бога-Тенгри покоится... ⁷Пусть падёт рядом с тобою тысяча, и десять тысяч справа от тебя, но к тебе не приблизятся.

Поразительно и другое. Выходит, и в IV веке до нашей эры в Великой Степи, в том числе среди ираноязычных саков, тюркский был языком межнационального общения, а для большинства ее обитателей – и родным, как и во времена «Слова о полку Игореве», Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло!

И еще один вопрос. Его ставили многие с самого начала. Центральное, собственно царское, дважды ограбленное захоронение археологами не было

инвентаризовано и не описано. А при усопшем, похороненном в боковом склепе, не было лука со стрелами, типичного для мужчины-воина, но была туалетная сумочка с зеркальцем и кусочком красной краски, да еще бусы: 10 бусин из сердолика (одна крупная круглая, остальные очень мелкие) и 16 из пасты. Да и золотые бляшки не цельно золотые, а лишь обернуты золотой фольгой. Потому предполагалось, что это член семьи царя и не “алтын адам”, а “алтын мадам”. Надпись подтверждает второе. Кстати, кое-что подобное обнаружено в могильнике Акбейит неподалеку от Каркаралинска, где погребена 10-11 летняя сакская принцесса: при ней были золотые серьги с бирюзой и литая золотая гривна, а в ее косметичке, обтянутой кожей, лежало похожее бронзовое зеркальце. Вспоминается и головной убор 40-45-летней сакской царицы из Урджарского района Восточно-Казахстанской области – он тоже представляет собой саукеле. Но оружия ни при той, ни при другой не обнаружено.

Если анализ ДНК покажет, что иссыкский скелет принадлежит все-таки юноше, а не девушке-батыру, то выходит, что надпись была адресована некой иной тюркоязычной Томирис и что ритуальная чаша из ее могилы попала в иссыкское боковое захоронение уже как бы не по изначальному адресу. Тем более, что и золотые перстни, приплюснутые, дабы не сползали с тонких пальцев нашего загадочного усопшего, скорее всего, тоже были трофейными – с чужой, более крупной руки.

Остаются неразрешенными и другие сомнения: когда и кто именно нанес звучащую довольно по-турецки древнетюркскую надпись, из какого металла сделан инструмент для письма, адекватно ли прочитаны все символы и пр.

Одно из них касается группы штрихов 26+27. Не попытка ли это написать для пробы на еще одном свободном от коррозии месте слово *sl* (іс “пей, выпей”), причём не с принятой в данной надписи повернутой на 180° буквой *i* (*L*), а с обычной, как в Древнетюркском словаре 1969 года?

Имеется вопрос в отношении знака для *ŋ* (7 и 22). Поскольку в орхон-енисейских и других памятниках он отсутствует, мы транслитерируем его имеющейся буквой *n* шрифта *Öztürk* для звука *n*₂. В шрифте *Segoe UI Historic* есть более похожая и более зигзагообразная ее разновидность: *ⁿ*. Если последнюю рассечь наискось слева-сверху через центр направо-вниз, получится ровно две буквы, похожих на ту, что в нашей надписи обозначает *ŋ*, только поменьше: *ⁿ*^N. Может быть, все-таки нам стоило отойти от рунического набора символов и ради наглядности воспроизводить ее родственной греческой буквой *N* или производной от нее тождественной латинской *N* без засечек?

Мне порою также кажется, что слишком уж легко вкуче с повторными штрихами мною были отброшены и “завитушки” внизу некоторых букв. А вдруг это не помарки, а однозначные символы, помещенные в позицию

нижнего индекса? Ведь они и вправду напоминают буквы, употребленные в этом тексте самостоятельно. Попробуем их воспроизвести:

В этом варианте чтение меняется:

**Qïz, egir ičïŋ, oqu-sünügü čezib,
köčü aŋsağ**

Дочка, выпей айр, когда мы, отторочив стрелы и копья,
будем поминать кочёвку.

Вместо эпитета “герой” имеем название ритуального напитка из корня аира болотного, называемого еще татарским зельем, который шаманы использовали для достижения транса. По наблюдениям наркологов, доза корня аира в 5 см вызывает эйфорию и по действию равна амфетамину, а в 25 см – это уже психоделик, сопоставимый с современным наркотиком экстази. В результате – видоизменение сознания, в данном случае – иллюзия сверхъестественного контакта между мирами. Может нет, а может и да, если писавший обращался к этой девушке не как батыру и герою, а просто советовал испить конкретный чудодейственный напиток в момент, когда близкие объединятся для общения с ней на границе бытия и инобытия.

Однако мы вряд ли узнаем, что было в чаше на самом деле, потому что наши археологи, привезя скарб к себе домой в Алма-Ату, поступили с ней, как аккуратная хозяйка со случайно подгоревшей любимой кастрюлькой, – тщательно очистили от грязи и серебряные чаши, и золотые пряжки-бляшки, соскребли с них ржавчину, вымыли дочиста кухонными средствами и довели до блеска чем попало, дабы – “О чудо!” – поразить их невообразимым допотопным сиянием сбежавшихся родственников.

Список литературы

1. Акишев К. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978.
2. Harmatta J. Languages and scripts of Graeco-Bactria and the Saka kingdoms // History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / Ed. J. Harmatta. Co-ed. B. N. Puri, G. F. Etemadi: UNESCO Publishing, 1996. P. 411–412.

3. Гасанов З.Г. Иссыкская посвятельная надпись // Эпиграфика Востока, XXXI. М., 2015. С. 34–59. Обзор чтений 28 авторов на полдюжине языков: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/30_Writing/CodexIssykInscriptionEn.htm.

4. Аманжолов А.С. 1) Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты // Вестник АН Казахской ССР, 1971, 12 (320), С. 64–66; 2) Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докт. дисс. Алма-Ата, 1975; 3) Генезис тюркского рунического алфавита. Алматы: Мектеп, 2003.

Сведения об авторе: Александр Николаевич Гаркавец – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Казахского научно-исследовательского института культуры Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), e-mail: qypchaq@gmail.com

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

THE OLD TURKIC INSCRIPTION FROM THE ISSYK KURGAN: NEW READING

A. Garkavets

Kazakh research Institute of Culture

Almaty, Kazakhstan

qypchaq@gmail.com

Abstract. The new reading of the runic inscription on the silver cup from the Issyk Barrow is based on a thorough analysis of written, graphic and random strokes. Random risks are inflicted at very different times and are therefore not wiped out in equal measure. The graphics are executed twice and scratched with a sharp object.

Written signs are applied at one time with a rounded edge of the knife by pressing along the arc from itself to the edge of the bowl. Angles and zigzags are often rounded. Many strokes are made in several receptions and often repeatedly. The order of the letter is from right to left. First, a line is written at the edge of the bowl, then in the middle, both in the direction to the place where the fallen handle was attached. The text takes place, not damaged by corrosion. To the left of the middle line there are several parallel test risks of different heights and not on the same line.

The characters of this inscription are basically identical to the ancient Turkic writing. In content this is a memorial phrase, and its recording was made on the cup of the deceased at the burial.

The text: Qız-er, içiñ, oqu-sünügü čezib, / köčü añaşğ.

The translation: Virgo hero, drink, when we, having untied arrows and spears, / will commemorate the migration.

Keywords: Issyk Kurgan, Saki, runic script, Turkish language

References

1. Akishev K. Issyk mound. Moskow: Iskusstvo, 1978. (In Russian)
2. Harmatta J. Languages and scripts of Graeco-Bactria and the Saka kingdoms // History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / Ed. J. Harmatta. Co-ed. B. N. Puri, G. F. Ettemadi: UNESCO Publishing, 1996. P. 411–412. (In Russian)
3. Gasanov Z.G. Issykskaya posvyatitel'naya nadpis' // Epigrafika Vostoka, XXXI. M., 2015. C.34–59. A review of readings of 28 authors in half a dozen languages: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/30_Writing/CodexIssykInscriptionEn.htm.
4. Amanzholov A.S. 1) Runopodobnaya nadpis' iz saksского zakhroneniya bliz Alma-Aty // Vestnik AN Kazakhskoy SSR, 1971, 12 (320), s. 64–66; 2) Materialy i issledovaniya po istorii drevnetyurkskoy pis'mennosti. Avtoreferat dokt. diss. Alma-Ata, 1975; 3) Genezis tyurkskogo runicheskogo alfavita. Almaty: Mektep, 2003. (In Russian)

About the author: Alexander N. Garkavets – Dr. Sci. (Philology), Chief Scientist, Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan), e-mail: gypchaq@gmail.com

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

**JANIBEG'S LAST SIEGE OF CAFFA (1346–1347)
AND THE BLACK DEATH:
THE EVIDENCE AND CHRONOLOGY REVISITED¹**

Moshe Grinberg

The Hebrew University

Jerusalem, Israel

levant17@mail.ru

Abstract. *Research objective:* to investigate historical reality behind the supposed Tatar bombardment of Caffa by the plague-infected cadavers of their comrades-in-arms, and to clarify the chronology of this and other Golden Horde's sieges of Caffa during Janibeg's reign (1342–1357), as well as of the Black Death's spread from the Jochid realm to Europe.

Research materials: the chronicle of Gabriele de Mussis, a Genoese chronicle, Venetian diplomatic documents, Franciscan travellers' accounts (more as cultural background), and rich secondary literature on these topics.

Results and novelty of the research: the event under discussion attracted much attention of historical research, especially those specialized in military history, who saw it even as the first or one of the first acts of biological warfare in the human history. Some researchers doubted this story, but without much argumentation. *The novelty of the research* is in an attempt to provide more detailed argumentation against the reality of this event, which is examined from different angles: source-study, chronological, cultural, and military. Additionally, the research tries to define the chronological framework of the event, which was allegedly occurred during Janibeg's last siege of Caffa, as well as to clarify the chronology and causes of the Black Death's spread from the Golden Horde to Europe. *The results of the research* allow to put the events under discussion in a much clearer chronological framework; to explain some of the reasons behind the rapid spread of the plague to the Eastern Mediterranean, and from there – to the

¹ The research leading to these results has received funding from the European Research Council under the European Union's Seventh Framework Programme (FP7/2007-2013) / ERC grant agreement n° 312397.

This article was originally written as part of one of the chapters of my thesis work written in English for a master's degree at the Hebrew University in Jerusalem, which was not eventually included in the final edition of the work. For the present publication in the form of an article, it has been significantly revised and supplemented. There is also a Russian version of this paper, which I submitted for publication, too. This version is a later one, and some small supplements were added to it.

rest of Europe; and to lend a more solid and diverse evidential base for rejecting the reality of the story of the alleged act of the Tatar¹ “biological warfare” against Caffa’s defenders.

Keywords: Caffa, Crimea, Black Sea, Genoa, Venice, Italy, Italian maritime republics, Golden Horde, Tatars, Janibeg, Gabriele de Mussis, Black Death, plague, siege, war, biological warfare.

In the mid-fourteenth century, the whole Eurasian continent underwent one of the largest natural catastrophes in its history: a global-scale pandemic outbreak of the plague, known as the Black Death. Since the major part of this continent was included directly or indirectly into the *Pax Mongolica*, the Mongol-led realms of the *Pax* were badly affected by this catastrophe as well². The Golden Horde, or the Ulus of Jochi, one of these largest realms, was not an exception³.

By this period, the Golden Horde, ruled by the Jochid Khan Janibeg (r. 1342–1357), was at war with the Italian maritime republics – Venice and Genoa, – which had their colonies on the northern littoral of the Black and Azov Seas in that epoch. This conflict originated in the so-called “crisis of Tana” in September 1343, when in Tana⁴ (present-day Azov at the Don River’s mouth) a Venetian noble killed one of the Tatar merchants, and this led to the pillaging and massacre of the Italians, who were in Tana. The escaping colonists fled on ships [9, pp. 75–76, 79–80; 10, p. 187; 13, pp. 122–123]. All Italians were banished from Tana for five years [28, p. 34]. This did not satisfy the Horde’s authorities, who began to destroy systematically the Italian colonies in the region. By the period under discussion,

¹ Here and below the ethnonym “Tatars” means all the Turkic nomadic and urban population of the Golden Horde. Not to be confused with modern nations and ethnic groups bearing the same name. Simply defined, without going into the problem of the language of the elite and the clerical language of the Ulus of Jochi (see a brief description of the different views on this subject in the article of I. Vásáry [36, pp. 62–63], the word “a Tatar” is an equivalent of the word “a Turkic-speaking citizen (subject) of the Golden Horde” in this article.

² A summary of the Black Death’s development in Europe is to be found in O. Benedictow’s comprehensive study [3]. For the history of the plague in the Middle East, see M. Dols’ study [7].

³ The best and quite a rare summary of the Black Death in the Golden Horde is presented in U. Schamiloglu’s article [27], see also his summary in Russian [25]. For more generalized study on this topic, see N.D. Russev’s article [23], see also a historiographical review by T.F. Khajdarov [15]. More comprehensive and detailed studies of the subject are yet to be appeared. Most recently, another summarizing study by U. Schamiloglu appeared [26]; it examines the (negative) influence of the Black Death upon the Golden Horde. I saw it quite accidentally several minutes after I had almost accomplished this paper. So, I have acquainted with it only briefly yet, but the relevant passage from his article will be mentioned below.

⁴ Parts of this city were occupied by Genoese and Venetian colonies in this period through the agreements with the khans of the Golden Horde.

only one major Italian colony – Genoese Caffa (present-day Feodosiya on the south-eastern coast of the Crimean Peninsula), – being both a commercial center and a stronghold, survived. It, however, experienced several sieges by numerous Tatar armies. The last of them, more correctly its most famous episode, will be explored in the present article.

This episode, mentioned only in an Italian contemporary source, which will be examined below, is connected to the appearance of the plague in the Crimea, and subsequently at the walls of Caffa in 1346. When the Black Death had arrived at this locality and struck the besieging army, the Tatars began to hurl their deceased comrades-in-arms to the city. This caused a major epidemic in Caffa, which nevertheless did not surrender. The Horde's army, boring heavy losses through the plague, was forced eventually to raise the siege¹. However, the sick inhabitants of Caffa spread the infection further by sea, causing, in fact, the Black Death in Europe. This is a brief retelling of those tragic events, as they appear in the aforementioned source. Scholars' opinions of this story are divided. Some of them trust it almost unreservedly [12, p. 305; 17, pp. 202–203; 21, p. 219; 23, p. 221; 38, pp. 973–974; 39, pp. 13–15]²; others doubt, but those who doubt resort only to medical or historical-medical argumentation, ignoring other contexts [3, pp. 51–54; 8, p. 37; 30, ch. 1.3; 31, ch. 5]³. Their main reason is that such a

¹ In fact, Gabriele de Mussis does not mention the lifting of the siege, but since he does not mention Tatar invasion in the city following the bombardment, we can reasonably conclude that it was not of much benefit to the besiegers, who were subsequently forced to leave. This is exactly how the sense of de Mussis' narration is conveyed by W. Heyd [10, p. 196]. This detail hints at quite incoherent, possibly compiled, content of his narrative.

² One of these researchers, T. May, even displays great power of imagination to fill up the insufficient information in the single source and draw a picture how such a bombardment would have been looked in reality. It is better to be quoted: "It may have been a fine day for a Genoese merchant as they sat outside a tavern in Kaffa, drinking wine made from the grapes grown in region and perhaps snacking on caviar from a local sturgeon. Certainly the siege lay outside but it seemed unlikely that the Mongols would destroy the town as they reaped a tremendous amount of revenue from the trade that passed through Kaffa, although they had sacked Kaffa in 1298/9 and 1308. The fact that it was a port city meant that escape was relatively easy... Suddenly from out the clear blue sky an object falls and hits your table. Chunks of body, blood and pus from the buboes splatter over the area. It is not raining bodies but in order to dispose of the dead the Mongols decided to use them as trebuchet missiles..." I am still amused by his story, but do not consider that it has any link to historical reality.

Considering the other "supporters" of de Mussis' account, M. Wheelis alone provided more or less developed, albeit brief, argumentation in defence of his source. This is the reason why he is the most mentioned object of my critical notes in this paper.

³ Additionally, there are some scholars, who preferred to avoid completely all mention of the story of the bombardment [13, p. 123; 25, p. 687; 27, p. 448]. However, U. Schamiloglu has somewhat changed this approach, judging by his aforementioned new article, in which de Mussis is cited as a source describing real events at Caffa (at least, there were not raised doubts about reliability of this chronicler's information). See [26, pp. 329–330].

bombardment by bodies could not actually contaminate the city, because the plague was transmitted in other ways. In my opinion, we can and should doubt this story, even before applying to medical specialists. Not being such a specialist, I shall try to refute de Mussis' account, basing myself mainly on additional, non-medical considerations.

The first one is relating to the source base. As mentioned, there is the only source describing those events¹. Its author is Gabriele de Mussis (ca. 1280 – ca. 1356), a lawyer in Piacenza. As it was shown, yet in the 19th century, the author did not leave the city at that period and could not witness the events he described [10, p. 196, no. 1; 38, p. 972]². Moreover, this manuscript was discovered only in 1842 in the present-day Polish city of Wrocław (!) (at that time the former German (Prussian) city of Breslau). It is not even dated and has no references to other sources contemporary to its period, as well as it is not mentioned by them³. That means that this is an isolated source, and therefore its information needs some verification, at least, if we want to use it as an evidence base for any historical event. It should be even more suspicious, however, that such significant occurrences are mentioned in neither source else. Moreover, such terrific events usually generated legends, and Janibeg should have appeared in much darker colors in the European consciousness in this case.

The second argument is chronological. The motherland of the Genoese was attacked by the massive onslaught of the Black Death only at the beginning of 1348 [3, p. 92]. According to another Italian (Sicilian) contemporary source, written by Michele da Piazza (d. 1377), the contamination of Italy began from the Sicilian

¹ This source is written in Latin and titled as follows: “*Historia de Morbo sive Mortalitate quae fuit Anno Dni MCCCXLVIII*” (“History of the Disease, or the [Great] Dying of the Year of our Lord 1348”). In this article, I use its complete translation into English, made by R. Horrox [11, pp. 14–26].

² For the sake of fairness, it should be noted that O. Benedictow and R. Gottfried actually point to this fact and to the fact that the author too much trusted the stories of sailors or traders [3, p. 51; 25, p. 37]. O. Benedictow also believes that de Mussis could invent this story to explain the rampant epidemic among the faithful Christians – the inhabitants of Caffa [3, p. 52]. This version can partially claim the role of a historiographic interpretation of the source, but, in my opinion, it is still rather weak, because it again does not mention other contexts, neither analyzes the nature of the source and the circumstances of its discovery, but only emphasizes the religious identification of the chronicler. But the most vulnerable point of this version is the question why this reason did not hamper other Christian and Muslim chroniclers, who were witnesses of the pandemic of the plague, to paint its horrors among the adherents of either their (which was more frequent, as their environment where they had the opportunity to observe the events directly was usually of their own faith at that epoch) or other faiths and often explain them here and there with God's punishment.

³ For a brief information on the chronicler and his work, see [6, p. 59; 11, p. 14; 30, ch. 1.3; 38, p. 972].

port of Messina in October 1347 [1, p. 29, 11, p. 36]¹. Thus, there is a significant chronological gap between the pandemic outbreak in Caffa and the plague's spread further in Europe.

Thirdly, one of the recent researchers of this issue M. Wheelis argues that such warfare, its implementations and the medical knowledge behind were quite ordinary for that time [Wheelis, 2002, p. 973]. However, he has not shown any precedent of this warfare, further still of a nomad army, further still of a Mongol army². I consider such warfare very unusual for the nomads in general, and for the Mongols in particular. First, this kind of warfare contradicts our knowledge about the nomad behavior during the epidemics: they quit the contaminated area as soon as possible³. In addition, concerning the Mongols themselves, they were used to leave their fatally ill tribesmen alone, more than that, they marked the tent of the

¹ The contemporary Florentine chroniclers, the brothers Giovanni and Matteo Villani (Giovanni died from the plague in 1348, his brother Matteo continued his chronicle up to 1363 until falling victim to another outbreak of plague in Florence), also notice that the plague began from Sicily. See [1, p. 20; 37, p. 453]. It is interesting that both Michele da Piazza and Matteo Villani record that these were Genoese galleys which brought the epidemic to this island. The former chronicler notes that the galleys numbered twelve, but does not indicate from where they came. The latter does specify that they sailed from the Black Sea, but the number of the arrived ships was four only from the total eight that were stationed in this sea. Although some features of their stories are in accordance with de Mussis' account, it is important that they mention no siege of Caffa, not to speak of any bombardment of the city. This not only casts doubt on de Mussis' story, but possibly also indicates that these Genoese galleys came to Sicily *after* the events described by de Mussis (i. e. after the siege of Caffa).

² This is not his fail, as in his other article, where he depicts the origins of the bacteriological warfare, M. Wheelis points to the sole documented episode in the human history, which preceded chronologically to the Caffan events (1340, that is almost simultaneously). It occurred in France during the One Hundred Years' War, and included possibly the hurling of horse carcasses to the fortress. Another episode possibly took place in Bohemia during the Hussite wars (1422, that is one hundred years later), and this time there were indeed thrown human cadavers to the besieged city, not infected, however. The source base of both cases does not allow claiming the fact of their occurrence unequivocally. See [39, pp. 10–16]. Anyway, the Caffan event appears to remain the only *described* example of using infectious human corpses to spread the disease intentionally during the war throughout the Middle Ages and even later, if it indeed happened. It obviously had had no precedent. Thus, his consideration that “this was probably not the only, nor the first, instance of apparent attempts to transmit disease by hurling biological material into besieged cities” [38, p. 973] is not confirmed by his another study. In this other study, he is more careful about de Mussis' account, admitting his problematical nature, but still trusting him as a chronicler [39, p. 14].

³ Even more so, nomads used to migrate away as they detected sick rodent community nearby. Understandably, they were moved by a superstition that it brings a bad luck, but this superstition appears to have a firm rational behind. See [18, pp. 137–138].

sick pointing to others not enter in [5, p. 12]¹. Moreover, the funeral rites, customs and beliefs of the Mongol and Turk nomads in that period clearly contradicted such kind of a warfare².

Finally, the way that de Mussis describes the event raises questions as well. After the massive strike of the plague, the Tatars “lost interest in the siege” [11, p. 17]. So, hurling of the corpses of the deceased to the city we can consider as a pure revenge. The author describes the suffering of the city henceforth, because of this warfare. A part of his further story is better to be quoted [ibid., pp. 18–19]:

“As it happened, among those who escaped from Caffa by boat were a few sailors who had been infected with the poisonous disease. Some boats were bound for Genoa, others went to Venice and to other Christian areas. When the sailors reached these places and mixed with the people there, it was as if they had brought evil spirits with them: every city, every settlement, every place was poisoned by the contagious pestilence, and their inhabitants, both men and women, died suddenly.”

Primarily, we see that the city was apparently much deserted. It is not so clear why the vengeful Tatars did not try to burst into this largely deserted city in order to raze it to the ground. Why did they prefer dying under the city walls, throwing the corpses over them instead of storming furiously these walls? Furthermore, we do not see any mention of Messina in Sicily, to which Genoese sailors had brought the disease before, according to another Italian source. In sum, the account of Gabriele de Mussis is very questionable, controversial at the least.

¹ Moreover, as this source written by Plano Carpini testifies, “none of those who are present at his death can enter the orda of any chief or the Emperor until the new moon.” Carpini’s fellow traveler and also a Franciscan friar, Benedict Poliak, reports of a period of nine months for violators [20, pp. 92–93]. The prohibition is confirmed by William Rubruck, who points to one-year period as the ban’s term [22, pp. 94, 219].

² P.O. Rykin, who summarized the narrative sources of the funeral practices of the Mongols in the imperial period (13th–14th centuries), argues convincingly that the Mongols (as well as the Turks) *were buried* in that period, and not left in the steppe. Leaving corpses in this manner (an open inhumation) was introduced much later but prevails until nowadays (it is enough to remember the film “Urga – territorija ljubvi” [“Urga – the Country of Love”] by N.S. Mikhalkov. P.O. Rykin claims that then (in the imperial period) leaving corpses unburied meant disrespect for the dead and was negatively valued. See [24, pp. 268–269]. It is confirmed by the archaeological studies of the Golden Horde, revealing a clear picture of burials of either pagan or Muslim residents. For a summary, see Vasil’ev, [35, pp. 149–161, esp. p. 158; also 34, pp. 39–51]. Moreover, the Horde’s army apparently consisted a certain number of Muslim soldiers and emirs, with their Islamic rigorous ritual of burial, a brief description of which with the local peculiarities see at [34, pp. 35–38]. One can safely conclude that the execution of the order described in de Mussis’ account would have been very problematical even in probably very disciplinary Tatar troops. By the way, such an order would have been very problematical in any army of that period. It is not occasional that the other recorded order of hurling human corpses (of the besiegers) to the besieged city was delivered perhaps by a Polish prince of Lithuanian origin, who commanded foreign Czech heretical (Hussite) troops [39, pp. 15–16].

As long as it remains the only source of the Horde's "biological warfare" at Caffa's walls, we can reasonably suspect the authenticity of the event. For me, the picture of the agonizing Tatars, stubbornly staying at the city's walls and hurling thousands of cadavers of their comrades-in-arms, seems unrealistic and unreliable¹.

Despite the questionable character of de Mussis' account, there is no doubt about the principal place of the Crimean Peninsula in the further spread of the plague, both to the Christian and Muslim parts of the Mediterranean world [3, pp. 60-63, 69–70; 7, pp. 51–52; 38, p. 974]. As cited, de Mussis clearly linked the spread of the plague in Europe to the Tatar siege of Caffa. This claim is refuted even by some researchers that generally support his account, such as M. Wheelis [38, p. 974]². To clarify this, we must previously clarify the chronology of the pandemic spread. Let return to the chronology of the pandemic spread in Caffa. O. Benedictow asserts that the plague was slowly developing in the city in the early winter of 1347.³ With the weather's warming in the following spring (of 1347), the epidemic exploded, compelling many of Caffan inhabitants "to flee in panic" [3, p. 61]. One of the most famous witnesses of the plague in the Islamic world, the Syrian chronicler and poet of the Mamluk epoch, Ibn al-Wardi, informs us that the plague struck the Golden Horde in Rajab 747/October-November 1346 [7, p. 51; 27, pp. 449, 455, no. 29]. M. Dols points out that only after this pestilent disease arrived at the Crimea and Byzantium [7, p. 51]. Thereby, we should support O. Benedictow's version and conclude that the plague struck Caffa most likely in the spring of 1347.

Now we should follow of the pandemic chronology in the Mediterranean world. As mentioned, the plague appeared in Sicily in October 1347. Reasonably, it had already appeared in the Eastern Mediterranean. In July 1347, the pestilence was recorded in Constantinople [3, p. 61]⁴; a little later, in the early autumn of the same year the plague reached Alexandria on the southern Mediterranean coast [3, p. 63; 7, pp. 57–60], and simultaneously struck Trebizond on the southern Black Sea coast [3, p. 61; 7, p. 63]. About the same time, the disease was transmitted

¹ For M. Wheelis, this is a realistic picture and he emphasizes that there "could have been involved many thousands of cadavers" [38, p. 973]. Since it is unlikely that the Horde had too many catapults (or trebuchets), it should have taken many days. All this time, the Horde's army was patiently throwing the bodies of its soldiers, not attempting to assault the hatred city, to flee from the vigorous danger, or even to revolt against the desecration and disrespect to their perished comrades-in-arms. I think it is a highly improbable picture.

² The researcher refuted Mussis' description on the chronological grounds. Cf. J. Aberth [1, p. 13], who did not distinguish here a chronological problem.

³ S.P. Karpov also considers the beginning of that winter as the time when the plague first appeared in Caffa, adding to this city the city of Tana as well [14, p. 225].

⁴ Some other researchers [1, p. 13; 2, p. 394; 14, p. 225] date the Black Death's arrival at this city to the spring of 1347. That dating does not contradict Benedictow's opinion, since this opinion presumes that it took usually seven-eight weeks for epidemic development before the plague was identified.

to Cyprus [8, p. 42]. Thus, it can be argued that the contamination of the Mediterranean world began by the summer of 1347, while most of the infectious contacts took place in the early autumn of 1347.

By this period, however, the political situation in the Black Sea region was changed, since the Italian maritime republics had apparently reached armistices with the Golden Horde [4, pp. 212, 214; 10, p. 188; 19, pp. 208, 213]. It can be suggested that the trade routes from the Golden Horde had reopened as well. We should remember that because of the embargo, a large volume of unutilized goods was accumulated inside the Horde [4, pp. 213-214]. So, there is no surprise in the renewed trade activity despite the plague – the merchants aspired to trade off those goods¹. This is an additional striking example how the trade facilitated the plague². In sum, the peace rather than the war was an unwitting assistant of the pandemic diffusion.

Returning to the chronology of the siege of Caffa, it is necessary to determine previously the total number of the Horde's sieges of this city. This is not a simple task, because the sources are scarce and the scholars' opinions diverge again. But from sporadic mentions in Italian sources, it can be suggested that there had been two more sieges before 1346³. Subsequently, this one was supposedly the

¹ According to Matteo Villani [37, p. 453], Italian ships arrived at Sicily from the Black Sea, Byzantium, and Levant (Syria), while aspiring to escape the plague and *return home with their merchandise* (so, it is quite likely that these were the same Genoese ships that came to Messina). It seems that they hoped to transport the acquired goods (and maybe to acquire some merchandise on the way) before the plague would reach themselves, but the pestilence was faster.

² M. Dols considers merchant fleet to be very effective transportation of the plague. Its ships carried infected rats; and merchandise and foodstuffs on board, and especially furs, popular in Mamluk Egypt, transmitted easily infected fleas [7, p. 57]. This opinion is shared by J. Aberth, too, who assumes that the territory of Italy could also be infected through the transportation of furs [1, p. 13]. Yet, in addition to luxury goods, ships also transported living essentials, grain, in particular, from the contaminated areas of the northern Black Sea region. Thus, not only the greed, but also trivial hunger forced people to forget precautions and their fear of the epidemic [14, pp. 225–226]. Moreover, the grain shortage was apparently so serious that the Venetian Senate, even before the truce with the Golden Horde (in April 1347), ordered its merchants to come back and participate in the grain trade with the territories under the control of Janibeg, despite the Senate's own ban on trade with such territories (also mentioned, by the way, in this decree) [32, p. 60; 33, p. 336].

However, the most effective epidemic agent was possibly a man. The most salient example of this is probably the arrival of a large slave ship from the Black Sea region to Alexandria. By its arrival, the personnel on board: the crew, slaves and merchants, had been mostly died, the rest of them died in the harbor. See [7, p. 60; also 3, p. 63]. O. Benedictow doubts the figures of al-Maqrizi, who told the story, but the tendency is nevertheless clear.

³ The first siege, which is briefly described in the Genoese chronicle by the brothers Stella, took place in February 1344 [29, p. 135; see also 10, p. 188]. This siege is frequently referred to in the historical literature; it badly ended for the besieging troops, because the Genoese destroyed their siege machines in a night foray. The second attempt to take Caffa

third Tatar siege of Caffa¹. I suggest that the third campaign against Caffa took place in the winter of 1346–1347, since the winter period was preferred by the Horde's army for military campaigns [16, pp. 41–45]. Thus, the campaign matches chronologically with the pandemic spread in the region (of Crimea). This in no way means the “responsibility” of the besieging Tatar army for contaminating Caffa. Perhaps, the first ones who fled from there were the besiegers, and only then they were followed by the besieged (but to different destinations, of course). Additionally, the way of infecting the city, as proposed by de Mussis, should be doubted as well. Certainly, there were more ways to introduce plague bacteria into the city.² Similarly, there were much more ways to transmit the plague to Europe than the described one in de Mussis' account³.

References

1. Aberth J. (ed.) *The Black Death: The Great Mortality of 1348–1350: A Brief History with Documents*. Boston, Bedford/St. Martin's Publ., 2005. xv + 199 p.
2. Bartsocas C. Two Fourteenth Century Greek Descriptions of the 'Black Death'. *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 1966, vol. 21/4, pp. 394–400.

in the summer of 1245 is mentioned in a document of the Venetian Senate [33, pp. 333–334; see also 32, p. 57]; this one is almost devoid of historians' attention, at least, I have seen it only here: [9, pp. 83–84]. These researchers suggested that the city paid a ransom this time; I doubt this, because Janibeg wanted its submission probably more than its tribute, in my opinion. Therefore, I assume that this siege was simply unsuccessful, too. On the other hand, it is even more likely that this campaign was only a demonstration of power and did not involve a prolonged siege; at least, the reports of the aforementioned sources speak about the threat from the Golden Horde's army led by Begliaribeg Moghul Buga (d. 1361) rather than about its real actions. In fact, the description of the actual military operations at Caffa during the last two sieges (according to my chronology) remains outside the scope of the known sources of this period (if we admit that the chronicle of de Mussis is unreliable).

¹ The Italian researcher G. Petty Balbi also mentions three sieges of Caffa by the Horde's troops, but she refers the last third siege to 1349. Unfortunately, she does not cite sources to support her assumption. See [21, p. 219]. I am deeply grateful to Dr. Francesca Fiaschetti for her translation of this section in the mentioned article.

² M. Wheelis argues that since the spread of the plague in Caffa was unlikely through the rodent population nearby, the version of de Mussis' account (catapulting corpses) is more credible [38, p. 974]. However, there were many additional ways of man-to-man contagion between the besiegers and the besieged, such as through battles, captives, negotiations, and even trade. Another way, which seems plausible for me, is that the deserted Tatar camp was pillaged by the Caffan inhabitants. This version takes into consideration as the standard nomad behavior during the epidemics, so the standard soldiers-burgers behavior after the besiegers leave. This is valid only if the Horde's troops quitted immediately after breaking the epidemics, since the city's defenders would have been afraid to enter in the literally infectious cemetery, into which the camp would have been turned otherwise.

³ This time I should agree with M. Wheelis, who suggested this [38, p. 974].

3. Benedictow O. *The Black Death, 1346–1353: The Complete History*. Woodbridge, UK, Boydell Publ., 2004. xvi + 433 p.
4. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Transl. by S. Willcocks. Leiden/Boston, Brill Publ., 2012. vi + 321 p.
5. Dawson C. (ed.). *The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. A Nun of Stanbrook Abbey (transl.). New York, Sheed and Ward Publ., 1955. xxxix + 246 p.
6. Derbes V. De Mussis and the Great Plague of 1348. A Forgotten Episode of Bacteriological Warfare. *Journal of the American Medical Association*, 1966, vol. 196/1, pp. 59-62.
7. Dols M. *The Black Death in the Middle East*. Princeton, Princeton University Publ., 1977. xvii + 390 p.
8. Gottfried R. *The Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe*. New York, Free Press/ London, Collier Macmillan Publ., 1983. xvii + 203 p.
9. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kolleksijsja zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii* [Collection of the Golden Horde Documents of the 14th Century from Venice: Source Study]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2002. 276 p. (In Russian).
10. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au moyen-âge*. Vol. 2. Leipzig, Otto Harrassowitz Publ., 1886. 799 p. (In French).
11. Horrox R. (ed. and transl.). *The Black Death*. Manchester, Manchester University Publ., 1994. xiv + 364 p.
12. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Pearson Longman, Publ., 2005. xxxiv + 414 p.
13. Karpov S.P. Krizis Tany 1343 g. v svete novykh istochnikov [The Tana Crisis of 1343 in View of New Sources]. *Vizantijskij Vremennik* [Byzantine Annals], 1994, vol. 55 (80), pt. 1, pp. 121–126. (In Russian). Available at: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/55a/52918>.
14. Karpov S.P. Krizis serediny XIV v.: nedootsenennyj povorot? [The Crisis of the mid-14th Century: An Underestimated Turn?]. Litavrin G.G. (ed.). *Vizantija mezhdu Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy kharakteristiki* [Byzantium between the West and the East. An Attempt of Historical Specification]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1999, pp. 220–238. (In Russian).
15. Khajdarov T.F. Istoriografija epidemii “Chernoj smerti” na territorii Ulusa Dzhuchi (1814–2016) [Historiography of the Epidemic of “Black Death” on the Territory of the Ulus of Jochi (1814–2016)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2017, vol. 5/1, pp. 164–192. (In Russian).
16. Kushkumbayev A.K. Kljuchevye printsipy mongol'skoj voennoj strategii XIII-XIV vv. [Key Principles of the Mongolian Military Strategy in the 13th-14th Centuries]. Kushkumbayev A.K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego*

naslednikov: Sbornik nauchnykh statej [The Warfare of the Ulus of Jochi and Its Heirs: Collection of Academic Essays]. Astana, Foliant Publ., 2012, pp. 38–71. (In Russian).

17. May T. *The Mongol Conquests in World History*. London, Reaktion Books Publ., 2012. 319 p.

18. McNeill W. *Plagues and Peoples*. Garden City, New York, Anchor/Doubleday Publ., 1976. xii + 340 p.

19. Papacostea Ș. “Quod non iretur ad Tanam.” Un aspect fondamental de la politique génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle. *Revue des études sud-est européennes*, 1979, vol. 17/2, pp. 201–217. (In French).

20. Painter G. (transl. and ed.). The Tartar Relation. Skelton R., Marston T., Painter G. (eds.). *The Vinland Map and the Tartar Relation*. New Haven/London, Yale University Publ., 1965, pp. 20–106.

21. Petti Balbi G. Caffa e Pera a metà del Trecento. *Revue des études sud-est européennes*, 1978, vol. 16/2, pp. 217–228. (In Italian).

22. Rubruck W. *The Mission of Friar William of Rubruck: His journey to the Court of the Great Khan Mongke, 1253–1255*. P. Jackson (transl.), P. Jackson, D. Morgan (eds.). London, Hakluyt Society Publ., 1990. xv + 312 p.

23. Russev N.D. Beznosaja privratnitsa epokh: “Chernaja Smert” na Zapade i Vostoke Evropy [The Noseless Doorkeeper of Epochs: The Black Death in the West and East of Europe]. *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoy indoevropejskoj istorii* [Stratum: Structures and Catastrophes. Collection of Symbolic Indo-European History]. St. Petersburg, Nestor Publ., 1997, pp. 220–239. (In Russian). Available at: <https://www.e-anthropology.com/Katalog/Istoria/Stratum+Plus.+1997+gray.aspx>

24. Rykin P.O. Kontseptsija smerti i pogrebal'naja obrjadnost' u srednevekovykh mongolov (po dannym pis'mennykh istochnikov) [The Concept of Death and the Funeral Rites of the Medieval Mongols (According to Written Sources)]. Berezkin Ju.E., Pavlinskaja L.R. (eds.). *Ot bytija k inobytiu: Fol'klor i pogrebal'nyj ritual v traditsionnykh kul'turakh Sibiri i Ameriki: Sbornik statej* [From Being to Otherness: Folklore and Funeral Ritual in Traditional Cultures of Siberia and America: Collection of Essays]. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences: Kunstkamera Publ., 2010, pp. 239–301. (In Russian). Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-172-5

25. Schamiloglu U. Chernaja smert' i ee posledstvija [The Black Death and Its Consequences]. *Istorija tatar s drevnejshikh vremen. V semi tomakh. T. III: Ulus Dzhuchi (Zolotaja Orda) XIII – seredina XV v.* [The History of Tatars from Ancient Times: In Seven Volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde) in the 13th – the mid-15th Centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 686–690. (In Russian).

26. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2017, vol. 5/2, pp. 325–343.

27. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of the Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asia Survey*, 1993, vol. 12/4, pp. 447–457.

28. Skrzhinskaja E.Ch. Istorija Tany [The History of Tana]. Skrzhinskaja E.Ch. (ed. and transl.). *Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii italo-russkikh svyazej v XV v.* [Barbaro and Contarini on Russia: To the History of Italian-Russian Relations in the 15th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 29–64. (In Russian).

29. Stella Georgius, Stella Iohannis. *Annales Genuenses*. Ed. by G. Petti Balbi. Bologna, 1975. (In Latin).

30. Supotnitskij M.V. *Biologicheskaja vojna. Vvedenie v epidemiologiju iskusstvennyh epidemicheskikh protsessov i biologicheskikh porazhenij: monografija* [Biological Warfare. Introduction to the Epidemiology of Artificial Epidemic Processes and Biological Lesions: Monograph]. Moscow, Kafedra/Russkaja panorama Publ., 2013. 1136 p. (In Russian). Available at: <http://supotnitskiy.ru/book/book8.htm>

31. Supotnitskij M.V., Supotnitskaja N.S. *Ocherki istorii chumy: v 2-kh kn.* Kn. I: *Chuma dobakteriologicheskogo perioda* [Essays on the History of Plague: In Two Volumes. Vol. 1: Plague of the Pre-Bacteriological Period]. Moscow, Vuzovskaja kniga Publ., 2006. 468 p. (In Russian). Available at: <http://supotnitskiy.ru/book/book3.htm#1>

32. Thiriet, F. (ed. and transl.). *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*. Vol. 1: 1329–1399. Paris-The Hague, Mouton & Co Publ., 1958. 246 p. (In French).

33. Thomas G. (ed.). *Diplomatarium Veneto-Levanticum; sive, Acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia*. Vol. 1: a. 1300-1350. Venice, Sumptibus Societatis Publ., 1880. xxvi + 356 p. (In Latin).

34. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoj Orde: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde: Historical and Archaeological Research]. Astrakhan, Astrakhan University Publ., 2007. 191 p. (In Russian).

35. Vasil'ev D.V. *Islamizatsija i pogrebal'nye obrjady v Zolotoj Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie)* [Islamization and Funeral Rites in the Golden Horde (Archaeological and Statistical Research)]. Astrakhan, Astrakhan University Publ., 2009. 179 p. (In Russian).

36. Vásáry I. Mnogojazychie i kul'turnye vzaimodejstvija v Zolotoj Orde [Multilingualism and Cultural Interactions in the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2017, vol. 5/1, pp. 56–73. (In Russian).

37. Villani G., [Villani M.]. *Novaja khronika, ili Istorija Florentsii* [The New Chronicle, or the History of Florence]. M.A. Jusim (ed. and transl.). Moscow, Nauka Publ., 1997. 551 p. (In Russian).

38. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa. *Emerging Infectious Diseases*, 2002, vol. 8/9, pp. 971–975. Available at: https://wwwnc.cdc.gov/eid/article/8/9/01-0536_article

39. Wheelis M. Biological Warfare before 1914. E. Geissler, J. van Courtland Moon (eds.). *Biological and Toxin Weapons: Research, Development, and Use from the Middle Ages to 1945*. Oxford, Oxford University Publ., 2003, pp. 1–34.

About the author: Moshe Grinberg – a graduate (M.A.) of the Hebrew University in Jerusalem (the Faculty of Humanities, an individual program on the history of Russia and Inner Asia) (The Hebrew University, Mt. Scopus, Jerusalem 9190501, Israel). E-mail: levant17@mail.ru.

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

**ПОСЛЕДНЯЯ ОСАДА КАФФЫ (1346–1347)
ХАНОМ ДЖАНИБЕКОМ И ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ:
К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВ
И О ХРОНОЛОГИИ**

*Моше Гринберг
Еврейский Университет
Иерусалим, Израиль
levant17@mail.ru*

Резюме. *Цель исследования:* исследовать историческую достоверность предполагаемой татарской бомбардировки Каффы заражёнными чумой трупами своих соратников, прояснить хронологию этой и других осад Каффы войсками Золотой Орды во время правления хана Джанибека (1342–1357 гг.), а также хронологию распространения Чёрной Смерти из Улуса Джучи в Европу.

Материалы исследования: хроника Габриэля де Мюсси, другие итальянские хроники, венецианские дипломатические документы, отчеты путешествий францисканских монахов (в качестве культурного фона) и богатая исследовательская литература по данным темам.

Результаты и новизна исследования: обсуждаемое событие привлекло широкое внимание со стороны историков, и некоторые из них даже рассматривали его как первый или один из первых актов биологической войны в истории человечества. Другие исследователи сомневались в этой истории, но без достаточной или при помощи излишне односторонней (медицинской)

аргументации. *Новизна исследования* заключается в попытке представить более широкий спектр аргументов против достоверности этого события, которое рассматривается с разных точек зрения: источниковедческого, хронологического, культурного и военного. Кроме этого, исследование пытается определить хронологические рамки данного (пусть и вымышленного) события, которое, предположительно, произошло во время последней осады Каффы армией Джанибека, а также уточнить хронологию и некоторые из путей распространения Чёрной Смерти из Золотой Орды в Европу. *Результаты исследования* позволяют рассматривать обсуждаемые события в гораздо более чётких хронологических рамках; объяснить некоторые причины быстрого распространения чумы в Восточном Средиземноморье, а оттуда – в остальную Европу; и предоставить более солидную и разнообразную доказательную базу для отказа в достоверности рассказу о татарской “биологической войне” против защитников Каффы.

Ключевые слова: Каффа, Крым, Черное море, Генуя, Венеция, Италия, итальянские морские республики, Золотая Орда, татары, Джанибек, Габриэль де Мюсси, Черная смерть, чума, осада, война, биологическая война.

Сведения об авторе: Моше Гринберг – выпускник (магистр) Еврейского Университета в Иерусалиме (гуманитарный факультет, индивидуальная программа по истории России и Центральной Азии) (Еврейский Университет, гора Скопус, Иерусалим 9190501, Израиль). E-mail: levant17@mail.ru.

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

ХОРЕЗМИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Д.М. Тимохин

Институт востоковедения РАН

г. Москва, Российская Федерация

horezm83@mail.ru

Резюме. *Цель исследования:* Хорезмийское завоевание Южного Кавказа не обладает большим количеством специальных исследований, хотя само по себе данное событие фигурирует во многих работах по истории средневекового Южного Кавказа. Цель данной статьи не просто предложить сжатое описание и анализ данного исторического события и его последствий, но и продемонстрировать вовлеченность в него представителей кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака, как на стороне хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, так и на стороне Грузинского царства.

Материалы исследования: автор стремился использовать весь массив доступных письменных источников, среди которых можно выделить три группы – арабо-персидские, грузинские и армяноязычные исторические источники.

Результаты исследования и научная новизна: одним из важных результатов исследования следует признать реконструкцию хорезмийского завоевания Южного Кавказа на основе широкого круга исторических источников, а также выделение важнейших последствий данного события. Кроме того, выделены и структурированы важнейшие причины начала хорезмийского вторжения в регион, что отсутствует в большинстве отечественных и зарубежных исследований.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Джалал ад-Дин Манкбурны, Грузия, Дешт-и Кыпчак, кочевые тюркские племена, исторические источники.

Монгольское вторжение в пределы Южного Кавказа в лице отрядов Субэдэя и Джебэ, несмотря на определенные военные успехи, существенно не изменило политическую и военную обстановку в регионе, поскольку монгольские войска быстро покинули эти земли. Однако в 1225 году последний хорезмшах, Джалал ад-Дин Манкбурны и его военные силы предпринимают военную кампанию с целью включить Южный Кавказ в состав собственного государства. В свою очередь монгольские войска под

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-01-50028-ОГН.

командованием Чингиз-хана в 1219 году нанесли сокрушительный удар державе хорезмшахов-Ануштегинидов, разгромили основные военные соединения и крупнейшие города Хорезма, Хорасана и Мавераннахра, огнем и мечом прошли по территории современного Афганистана. Джалал ад-Дин Манкбурны, получив власть от своего отца, Ала ад-Дина Мухаммада, в 1220 году, попытался организовать сопротивление монгольской угрозе, но в итоге был разбит армией Чингиз-хана на реке Инд в 1221 году и бежал на территорию Северной Индии. После неудачной попытки закрепиться в этом регионе, Джалал ад-Дин Манкбурны с небольшими силами покидает Индию в 1224–1225 гг. и начинает формирование собственного государства первоначально из земель, входивших некогда в состав Хорезмийской державы и незатронутых еще монгольским вторжением – в первую очередь, территорий Кермана и Фарса. После покорения Западного Ирана и столкновения с Багдадским халифом ан-Насиром, Джалал ад-Дин Манкбурны начинает планомерное подчинение Южного Кавказа и сопредельных регионов. В отличие от упомянутых выше Джебэ и Субэдэя, последний хорезмшах предполагал закрепиться на Южном Кавказе всерьез и надолго, в связи с чем формирует на завоеванных территориях собственный административный аппарат, чеканит монеты и прочее. В этой статье мы предполагаем сформировать краткий обзор его военной и политической деятельности в регионе и выделить важнейшие последствия данного явления для истории Южного Кавказа и сопредельных регионов. Отдельное внимание нами будет уделено тюркским военным формированиям, принимавшим участие в этом завоевании, как на стороне Джалал ад-Дина Манкбурны, так и на стороне его противников.

Хорезмийское завоевание и господство на Южном Кавказе в 1225–1231 гг. обладает специфической историографической базой, в составе которой мы не видим большого количества специальных исследований данной научной проблемы. С одной стороны, описания хорезмийского присутствия в регионе можно встретить в многочисленных работах по средневековой истории Южного Кавказа эпохи монгольского нашествия [1; 4; 5; 9; 10; 13; 14; 15; 17; 19; 23; 26; 28; 35; 39; 41; 42; 43; 51; 52], однако, как уже говорилось выше, среди отечественных работ специальное внимание этому факту было уделено лишь в классической работе З.М. Буниятова [18] и в составе исследования Г.В. Цулая [38]. Нельзя не отметить и того факта, что не лучшим образом дела обстоят и в зарубежной историографии, где максимальное количество информации по этой проблеме содержится в работах по истории династии Ануштегинидов или в исследованиях, посвященных личности последнего хорезмшаха, которых также немного [44; 46; 47]. Историографический парадокс заключается в том, что хорезмийское присутствие на Южном Кавказе в 1225–1231 гг. не является малоизученной проблематикой, однако при этом специальных исследований данного вопроса, как уже отмечалось выше, существует в мире крайне ограниченное число. В связи с этим мы

надеемся, что представленная статья в какой-то степени восполнит эту лакуну.

Хотелось бы кратко обозначить источниковую базу данного исследования, в составе которой можно выделить три группы памятников – арабо-персидские, грузинские и армяноязычные исторические источники [1, с. 310–314; 17, с. 55, 194; 33, с. 31–32; 34, с. 88–97]. В составе первой группы исторических сочинений отметим труды Ибн ал-Асира [12; 39], ан-Насави [6] и Джузджани [45], а так же более поздние сочинения Джувейни [25], Рашид ад-Дина [36] и Мирхонда [49; 50]. Все упомянутые авторы в большей или меньшей степени отражают в своих трудах процесс завоевания хорезмийскими войсками Южного Кавказа, указывают этапы и характерные черты этого события, а также дают описание державы хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Среди грузинских исторических источников для данного исследования наибольший массив информации содержится в «Столетней хронике» или анонимном «Хронографе» XIV в. [8; 38]. В более сокращенной версии эта же информация будет представлена и в сочинении Парсадана Горгиджанидзе «История Грузии» [22; 31, с. 64–65]. Безусловно, памятники средневековой грузинской историографии обладают большим объемом уникальной информации по интересующей нас научной проблеме, которая по тем или иным причинам отсутствует в арабо-персидских исторических сочинениях. Благодаря привлечению сведений из обеих групп исторических источников мы можем, таким образом, представить две разные точки зрения относительно формирования хорезмийского государства и военных действий войск Джалал ад-Дина Манкбурны. Среди армяноязычных источников отметим сочинения Киракоса Гандзакеци «История» [20; 21], «Летопись» епископа Степаноса [11], «Летопись» Себастици [11], а также сочинения Григора Акнерци (инока Магакии) [29], Вардана Вардапета [11], Мхитара Айриванеци [37]. История хорезмийского присутствия на Южном Кавказе в 1225–1231 гг. в армяноязычных памятниках, как и в грузинских исторических текстах, предстает как череда кровавых завоевательных набегов, истощивших регион перед лицом монгольской угрозы.

После краткого обзора источников и историографии, хотелось бы дать краткую характеристику политической ситуации в пределах Южного Кавказа на момент вторжения на его территорию войск хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Земли этого региона входили в состав нескольких крупных государственных образований, из которых наибольшим политическим влиянием и территориями обладали Грузинское царство и государство атабеков Азербайджана. Кроме того, на Южном Кавказе располагались государство Ширваншахов [13; 17] и полунезависимый Арран, а так же ряд территорий, входивших в сферу влияния Аййубидов. На роль политической силы, которая могла бы объединить всю территорию Южного Кавказа, долгое время претендовало Грузинское царство, однако в период правления Георгия IV

(1213–1223 гг.) из-за внутренних проблем и вторжения монгольских отрядов под руководством Джебэ и Субэдэя (1220–1221 гг.) влияние этой державы несколько ослабло. Во время правления преемницы Георгий IV, царицы Русудан (1223–1245 гг.), Грузинское государство вновь пытается претендовать на единоличное доминирование в регионе и вновь сталкивается с внешней угрозой, о которой подробно будет сказано в этой статье. Накануне хорезмийского вторжения Грузинское царство продолжало попытки, если и не объединения всего региона под собственной властью, то, по крайней мере, активно вмешивалось в жизнь собственных соседей. Арабский историк, Ибн ал-Асир, пишет об этом следующее. «В сведениях предшествующих лет мы уже говорили, что натворили грузины в землях ислама – Хилате и его округах, Азербайджане, Арране, Арзане Рума, Дербенде Ширвана и в тех областях, которые прилегают к их стране, говорили о том, сколько они пролили крови мусульман, сколько разграбили их имущества и сколько захватили городов. Ежедневно в этих землях мусульмане подвергались унижению и бесчестию. Грузины совершали на них набеги, нападали на них и забирали все, что хотели из их имущества» [12, с. 375].

Теперь необходимо кратко описать обстоятельства появления Джалал ад-Дина Манкбурны и его военных сил в пределах Южного Кавказа и указать причины этого исторического события. После вторжения войск Чингиз-хана на территорию Хорезма и захвата Хорасана и Мавераннахра в 1219–1220 г., Джалал ад-Дин попытался оказать сопротивление противнику, но был разбит в сражении на реке Инд в 1221 году. Затем последовала неудачная попытка закрепиться в Северной Индии [6, с. 135], после чего он вынужден был покинуть этот регион и вернуться в пределы бывшей Хорезмийской державы в 1224 году [12, с. 369; 36, т.1, кн. 2, с. 239; 48, р. 425;]. Сумев первоначально закрепиться в Кермане и Фарсе и заручиться поддержкой эмиров собственного брата Гийас ад-Дина [6, с. 142–143], Джалал ад-Дин делает центром новой державы город Исфахан, откуда начинает активно вмешиваться в дела Западного Ирана [6, с. 141]. Несмотря на то, что власть хорезмшаха в отдельных землях в этот период следует признать чисто номинальной, речь в первую очередь о Кермане [6, с. 140; 25, с. 295; 36, т.1, кн. 2, с. 239], это не помешало ему начать новую войну с багдадским халифом, ан-Насиром, за земли Хузистана и Ирака Персидского [18, с. 163]. Несмотря на то, что военные действия хорезмшаха в ходе этой войны были вполне успешными, окончательно ликвидировать для себя угрозу со стороны халифа Джалал ад-Дин Манкбурны не сумел, да и, по всей видимости, не имел на тот момент для этого достаточно ресурсов [48, р. 427]. После этой войны Джалал ад-Дин принял решение о начале новой экспансии и на этот раз в пределы Южного Кавказа, чему можно выделить несколько причин. Во-первых, очевидная политическая слабость одного из государств этого региона, атабеков Азербайджана, при правлении атабека Музаффар ад-Дина Узбека (1210/1211–1225 гг.),

который, фактически, отошел от власти: «Жена Узбек-хана, а она – (Малика), дочь султана Тогрула ибн Арслана ибн Тогрула ибн Мухаммада ибн Малик-шаха находилась в Табризе. Она (фактически) управляла страной своего мужа, который был занят собственными удовольствиями – едой, пьянством и игрой в азартные игры» [12, с. 373]. В результате этого земли государства атабеков Азербайджана становились лакомым куском не только для Грузинского царства [6, с. 155], но и для хорезмшаха Джалал ад-Дина. Во-вторых, хорезмийская экспансия может объясняться и неудачами более ранних проектов хорезмшаха, и попыткой вернуть влияние в регионе, которым хорезмийцы обладали в годы правления Ала ад-Дина Мухаммада [12, с. 373]. Ну и напоследок можно отметить, что военная экспансия Джалал ад-Дина в этом направлении могла быть выгодна его союзникам в Малой Азии и на Ближнем Востоке: «Султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I принял посла Хорезмшаха с большим почетом. Цель посольства, казалось, была достигнута: были установлены дружеские отношения между обоими султанами, и они скрепили свою дружбу браком сына Кей-Кубада I – Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II (1236–1245 гг.) с сестрой правителя Шираза атабека Абу Бакра ибн Саада (1226–1260 гг.) родственницей Джалал ад-Дина» [18, с. 165]. Также союзные отношения были налажены с владельцем Дамаска ал-Маликом ал-Муаззамом и правителем Ирбиля Музаффар ад-Дином Гек-Бори [18, с. 165]. Указанным правителям могло быть выгодно и ослабление Грузинского царства, и вовлечение хорезмшаха в борьбу за Южный Кавказ, что обезопасило бы их собственные земли, да и сильная держава Джалал ад-Дина Манкбурны могла рассматриваться как надежный щит против монгольской угрозы.

Одну из указанных выше причин озвучивает в своем тексте ан-Насави, описывая первые шаги хорезмийской экспансии в направлении Южного Кавказа, а именно захват Джалал ад-Дином города Марага и прилегающих территорий. «После того как Йиган Таиси стал нести службу [вассала], а Ирак был освобожден от тех, кто сеет смуту и управляет нечестно и недостойно, султан направился в Азербайджан. Когда он приблизился к нему, Шараф ал-Мулк получил письмо от жителей Мараги, побуждавших султана к решению идти туда, чтобы освободить их от того позорного гнета, который им пришлось испытать, от произвола важных господ, [правивших] государством, и [от] власти женщин. [Они терпели] еще от того, что грузины вцепились когтями в нее (Марагу), а также из-за слабости их владетеля – атабека – в защите своей неприкосновенности и обороне своего владения. Тогда султан устремился к ней и вошел в нее, не встретив сопротивления. Пробыв в ней несколько дней, он отправил оттуда кади Муджир ад-Дина 'Умара ибн Са'да ал-Хорезми в качестве посла к владетелю ар-Рума и владетелям аш-Шама с письмами, содержащими уведомление о том, что он овладел областями Азербайджана и острием своих зубов вырвал те [области], в которые вцепились было клыки грузин. Это были два его аргумента перед

господом его! Он уведомлял их о том, что он намерен совершить набег на грузин, подвергнуть их разорению и опустошению и показать им, что в доме есть хозяин. И в основу [писем] было положено начало дружелюбия» [6, с. 155]. Таким образом, как минимум одна из приведенных причин хорезмийского вторжения на Южный Кавказ получила свое подтверждение в исторических источниках.

Подчинение территорий государства атабеков Азербайджана для Джалал ад-Дина Манкбурны прошло, за исключением восстания в Табризе, без существенных военных усилий [12, с. 373; 6, с. 156]. Тем не менее, захват данного государственного образования и включение новых земель в состав собственной державы был озвучен союзникам Джалал ад-Дина [46, р. 101], а Грузинское царство вместо слабого в политическом и военном смысле соседа, получило агрессивного правителя, жаждущего новых территорий. Однако в отношении того, кто первый начал военные действия в составе корпуса источников имеются определенные разногласия. Разумеется, в грузинских и армяноязычных памятниках в качестве агрессора выступает последний хорезмшах, хотя тут стоит отметить любопытную особенность – в качестве первого объекта нападения источники выделяют Гянджу (Гандзак), находившийся в пределах Аррана, который в свою очередь все еще являлся частью государства атабеков Азербайджана [11, с. 23, 34; 38, с. 122] и, если принимать во внимание данные арабо-персидских памятников, захват этого города произошел после первого столкновения с грузинскими войсками [6, с. 163]. Со своей стороны, арабо-персидские авторы выставляют в качестве агрессора Грузинское царство [6, с. 157; 12, с. 376], а в более поздних памятниках можно встретить еще более любопытные объяснения этой войне: «...Грузин, этих нечестивых безбожников, охватило желание овладеть этой страной, вознамерившись в первую очередь изгнать султана и захватить область Табриза, а затем прийти в Багдад и посадить католика на место халифа и превратить мечети в церкви, а истинную веру в ложную» [25, с. 301].

Вне зависимости от того, кто на самом деле первым начал военные действия в 1225 году, грузинские войска были разбиты в битве при Гарни [6, с. 156–159; 11, с. 24, 33; 12, с. 375–376; 16, с. 115; 21, с. 149; 25, с. 300–301; 38, с. 122; 40, р. 483; 53, с. 75], однако из-за нового восстания в Табризе [12, с. 376] никаких существенных территориальных приращений Джалал ад-Дину эта победа не принесла, только часть войска была оставлена в грузинских землях для грабежа населения [6, с. 159–162]. После победы при Гарни и подавления восстания в Табризе хорезмийцами были подчинены земли Аррана, согласно ан-Насави [6, с. 163], а сам хорезмшах для укрепления власти в землях государства атабеков Азербайджана женился на супруге последнего атабека, Музаффар ад-Дина Узбека [48, р. 427]. Описывая дальнейшее подчинение территорий Грузинского царства Джалал ад-Дином Манкбурны невозможно обойти вниманием проблему присутствия кочевых

тюркских племен в пределах Южного Кавказа в эпоху монгольского нашествия. Не вызывает сомнений тот факт, что представители тюркских кочевых племен находились в хорезмийской армии Джалал ад-Дина Манкбурны, как в качестве простых воинов, так и на руководящих постах, и не только в военной, но и в административной системе, о чем свидетельствует, в частности, ан-Насави. «По просьбе посла он указал, чтобы Бадр ад-Дин Тутак ибн Инандж-хан, личный хаджиб (хаджиб ал-хасс) и военный наместник (аш-шихна) дивана, находился как свидетель при после, пока не будет возвращено все взятое имущество» [6, с. 206]. Факт присутствия представителей тюркских кочевых племен в армии Джалал ад-Дина Манкбурны особо отмечают и армяноязычные источники: «Вышеупомянутый северо-восточный народ, именуемый татарами, довел до крайности хорезмийского султана Джалал ад-Дина, разбил его войско и ниспроверг его страну. Его [самого] обратили в бегство в Агванк: он пришел в город Гандзак и захватил его. [Султан] собрал бесчисленное войско из персов, мусульман и тюрок и вторгся в страну армян. Узнав об этом, Иванэ сообщил грузинскому царю и стал собирать большое войско против султана» [21, с. 149].

Однако и на стороне противников хорезмшаха также выступают тюркские кочевые племена, что, впрочем, было давней практикой Грузинского царства, берущий свое начало в домонгольскую эпоху. Так, в «Картлис Цховреба», а точнее в той части этого памятника, который именуется «Житие царя царей» или «Житие царя царей Давида» (в более поздних списках) и является анонимным сочинением XII в. при описании жизни и деятельности царя Давида IV (1089–1125) указывается на данный факт. «Кипчаков же с их семьями расселил он в удобных для них местах; было их – боеспособных, отборных – сорок тысяч человек. Он полностью обеспечил их конями и доспехами. И еще было у него отборных слуг, наученных брани, пять тысяч человек, все – принявшие христианство, достойные доверия, испытанной доблести. И большинство кипчаков день ото дня становились христианами, и бесчисленное множество вступало в лоно Христово. Собрав их [кипчаков] и расположив по родам, он поставил над ними спасаларов и командующих. А также [были у него] войска со своего царства, отменные и оснащенные, на добрых конях, не знающие отступления в бою. Среди них – он сам, бесподобный военачальник и воин, похожий на героя древнего сказа о Кайхосро, предводительствовал ими. И начал он устраивать набеги на Персию, Ширван и Великий Сомхити. Не зная устали и не считая обременительным [это занятие], он держал их в порядке, делал все своевременно, управлял и распоряжался ими по своему великому разумению. И кто бы мог противостоять ему, либо идти на него с войной, либо поднять оружие против него?» [30, с. 190].

В связи с этим неудивительны указания источников на то, что и в грузинском войске, противостоящем Джалал ад-Дину во время второго его

нашествия на грузинские земли, присутствовали кыпчакские формирования. «Когда обстановка в Азербайджане упрочилась, Джалал ад-Дин вернулся в страну грузин, отправившись туда после окончания шестьсот двадцать второго и наступления этого года. Грузин к тому времени успели вернуться в нее, собрали своих воинов и воинов из соседних народов – аланов, лезгин, кипчаков и других – и объединились с ними в неисчислимое войско. Они разгорелись желанием борьбы и обольстились тщетными надеждами. Дьявол прельстил их победой, а все, что обещает дьявол – лишь обман. Джалал ад-Дин выступил навстречу им и устроил засады в нескольких местах. Столкнувшись, они вступил в бой. Джалал ад-дин обратил грузин в такое паническое бегство, что брат не заботился о брате, отец о сыне, и каждый думал лишь о себе. Со всех сторон на них обрушились мечи мусульман. Спаслись лишь немногие одиночки, что их можно не принимать во внимание. Джалал ад-Дин приказал воинам никого не оставлять в живых и убивать всякого, кого обнаружат. Они преследовали бегущих, убивая их» [12, с. 397]. Немного забегаая вперед, отметим, что будущих военных кампаниях хорезмшаха в пределах Южного Кавказа ситуация повторялась, однако в труде Джувейни мы видим описание сражения, где Джалал ад-Дину удалось переманить тюркские отряды грузинской армии на свою сторону, а точнее заставить их не участвовать в сражении на стороне противника. «Когда подошло грузинское войско, воины султана вынули свое оружие, а султан взошел на высокую гору, чтобы лучше рассмотреть врага. Справа он увидел двадцать тысяч воинов с кифчакскими знаками и знаменами. Вызвав Кошкара, он дал ему хлеб с солью и послал его к кифчакам напомнить им об их обязательстве перед ним. В правление его отца их заковали в цепи и подвергли унижениям, и он своим посредничеством спас их и ходатайствовал за них перед своим отцом. Разве, обнажив теперь мечи против него, они не нарушили свои обязательства? По этой причине кифчакское войско воздержалось от битвы и, тут же покинув поле боя, расположилось в стороне от остальных» [25, с. 311].

Очередная победа над грузинской армией позволила Джалал ад-Дину Манкбурны не только ликвидировать основные силы противника, но и начать в 1226 году осаду Тифлиса [12, с. 397], который был взят и предан разграблению, а огромные массы населения подверглось уничтожению [6, с. 168; 38, с. 124–125; 40, р. 488]. Несмотря на то, что территория Грузинского царства вновь подверглась жесточайшему разграблению со стороны хорезмийцев [6, с. 169], а в самом Тифлисе был поставлен наместник Джалал ад-Дина – власть хорезмшаха в Грузии была крайне непрочной. При этом центр самого хорезмийского государства в этот период был фактически перенесен из Табриза и Мараги, но не в завоеванный Тифлис, а в Гянджу, где в отсутствие Джалал ад-Дин и находился его везир, Шараф ал-Мульк, и откуда в действительности осуществлялось в это время управление хорезмийской

державой [6, с. 171–172]. Этот факт подчеркивает, что даже после взятия Тифлиса и нового разгрома грузинского войска сами земли Грузинского царства слабо контролировались хорезмийцами, а перенос столицы в Гянджу является еще одним тому доказательством. По всей видимости, удерживать завоеванные территории и укреплять свою власть непосредственно в этой части Южного Кавказа не входило в планы Джалал ад-Дина или же он считал, что добился окончательной победы над противником. Так или иначе, сосредоточив свое внимание на действиях вне пределов Южного Кавказа, хорезмшах потерял Тифлис [6, с. 171; 12, с. 388–389], а затем и контроль над всей территорией Грузинского царства. Лишь в 1228 году Джалал ад-Дин Манкбурны начинает военную кампанию с целью нового покорения грузинских земель [9, с. 232; 48, р. 427]. Царица Русудан и грузинская военная и политическая элита собрали все силы [38, с. 127], чтобы отбить новую хорезмийскую атаку и отстоять собственные земли: «было собрано войско, в которое вошли грузины, аланы, армяне, сариры, лакцы, кифчаки, сваны, абхазы, чанеты, сирийцы и румийцы, к которым присоединились мужи, закаленные в огне жизни и избранные в день битвы» [25, с. 310]. Однако военная удача была вновь на стороне Джалал ад-Дина, который не только сумел разбить противника, но и вновь разорил и предал огню Тифлис: «И как увидали (грузин) сторожевые султана, донесли ему. Он же будучи бесстрашным в бою вооружился, шел впереди (своего войска), и произошла война жестокая, и в начале схватки одолели грузины. Когда же разгорелся бой пуще, пало с обеих сторон неисчислимое множество людей, гневно глянул Господь на племя грузинское... и одолели войско царское и бежали от хорезмийцев. Султан же вновь вступил в Тбилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. Султан же вновь вступил в Тбилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. И разорял (хорезмшах) вышеупомянутые страны» [38, с. 127; 6, с. 225; 25, с. 311].

Однако и в этом случае со стороны хорезмшаха не последовало далеко идущих выводов и после победы он вновь отдает земли Грузии «на поток и разграбление» собственным войскам, вместо того, чтобы попытаться укрепить здесь свою власть и окончательно включить Грузию в состав собственного государства. Большая часть его армии была брошена на завоевание земель вне пределов Южного Кавказа, лишь отдельные и по всей видимости немногочисленные военные части оставались в землях Грузии, а также были брошены на покорение Ширвана [6, с. 193]. В итоге, к 1230-му году хорезмийская власть на Южном Кавказе становится номинальной, а перед лицом новой волны монгольской экспансии хорезмшах уже не сможет опереться на силы разоренного им региона, и даже когда в Гяндже против него будет поднято восстание, сам Джалал ад-Дин Манкбурны покинет с остатками своей армии Южный Кавказ, предварительно отдав приказ разграбить земли Аррана и Грузии [6, с. 286; 18, с. 184].

В конце данного исследования хотелось бы сосредоточить свое внимание на нескольких, с нашей точки зрения, ключевых моментах. Прежде всего, хорезмийское завоевание Южного Кавказа имело катастрофические последствия для региона, прежде всего Грузии, и существенно подорвало экономический и военный потенциал этих земель. Это отмечалось уже средневековыми историками: «Когда Джалал ад-Дин пришел, страна уже была разорена. Грузины начинают слабеть, затем Татары довершили разгром, как мы об этом рассказывали. И, наконец, Джалал ад-Дин, возвысившись, совершил против Грузии такие же подвиги!» [40, р. 492]. При этом нельзя не отметить, что в завоеванных землях Аррана, Ширвана и государства атабеков Азербайджана Джалал ад-Дином была выстроена система управления, налогообложения, чеканилась монета и поддерживался относительный порядок, в то время как в завоеванных грузинских землях мы видим лишь отдельные хорезмийские гарнизоны, сидящие в крупных городах и крепостях, а остальные территории не контролировались завоевателем и являлись объектом постоянного грабежа. С нашей точки зрения, такое отношение к этим территориальным приобретениям можно объяснять и незаинтересованностью в них Джалал ад-Дина, который мог рассматривать их лишь как средство обогащения собственного войска, и религиозным фактором – хорезмшах вполне справедливо мог считать, что от преимущественно христианского населения Грузии существенной поддержки он не получит и не пытался ситуацию изменить. Возможно и то, что все военные действия Грузинского царства проводились лишь с целью обезопасить территории Аррана, Азербайджана и Ширвана, которые формально подчинились уже отцу Джалал ад-Дина Манкбурны, Ала ада-Дину Мухаммаду, а земли непосредственно Грузии последний хорезмшах никогда не считал «своей землей» и не считал нужным тратить силы на укрепление своей власти в них. Последнее замечание кажется нам справедливым и в таком случае все военные кампании против Грузии, а главное последующие действия, а точнее «бездействие» хорезмшаха обретает некий смысл. Таким образом, Грузинское царство – лишь объект грабежа для хорезмшаха, а не новые земли его державы, военные действия против грузинских сил в большей степени вызваны желанием защитить собственные владения, а также возможностью дальнейшего безнаказанного грабежа этих земель.

Вторым важным моментом следует признать использование обеими сторонами конфликта, Грузинским царством и хорезмшахом Джалал ад-Дином, в ходе военного противостояния тюркских кочевых соединений. При этом в обоих случаях подобное представляется ни чем иным, как многолетней практикой включения этих племен в состав собственных армий в ходе тех или иных завоевательных походов. Однако хорезмийский опыт сотрудничества с кочевыми тюркскими племенами был с одной стороны гораздо богаче, а с другой – имел определенные отличия, поскольку

хорезмшахи активно включали представителей тюркской элиты в состав военной и административной системы. В этом отношении и Джалал ад-Дин Манкбурны не являлся исключением из правил, а приведенный выше эпизод с переговорами между ним и кыпчаками, в результате которых последние отказались участвовать в битве на стороне грузинского войска, демонстрирует большую значимость фигуры хорезмшаха для выходцев из пределов Дешт-и Кыпчака. При этом, с нашей точки зрения, грузинская сторона не могла не отдавать себе отчет в том, что рискованно использовать тюркские военные соединения против хорезмийской армии, однако, продолжая прибегать к помощи кочевых тюркских племен, военачальники и политические лидеры Грузии демонстрируют тем самым их важное значение для собственной военной системы.

Последний момент, на котором хотелось бы остановиться в конце данного исследования, касается особенностей описания хорезмийского завоевания и господства на Южном Кавказе в исторических источниках. Арабо-персидские историки преимущественно сосредотачивают свое внимание на победах Джалал ад-Дина Манкбурны, никак не комментируя те жестокости, которыми изобилуют его войны с Грузинским царством. Единственным, кто занимает более критическую позицию по отношению к последнему хорезмшаху и его деятельности на Южном Кавказе, является Ибн ал-Асир. Его критика действий Джалал ад-Дина во многом близка грузинской и армяноязычной историографической традиции, однако последние отличаются и крайне негативным отношением к Грузинскому царству, подчеркивая, что хорезмийская угроза является «Божьей карой» этому государству и его армии. Так, у епископа Степаноса мы видим следующий пассаж относительно битвы при Гарни 1225 года: : «...он (Джалал ад-Дин Манкбурны. – *Прим. авт.*) вторгся в страну армянскую, предал ее огню и мечу, разрушил и разорил страну. Но, встретившись с нашими армяно-грузинскими войсками в Араратской долине, остановился перед ними. Великий полководец Иване выставил [против него] 60 тысяч воинов. Но Божий гнев постиг их за беззаконие и отклонение от праведного пути. Не приняв бой под городком Гарни, без победы [врага] они обратились в бегство. И не от человеческих рук, невидимыми ангелами и бурей мечей они были низвергнуты в глубокие ущелья, где все погибли, а если некоторые и спаслись, то благодаря тому, что они спрятались в крепости Гегард» [11, с. 33]. Такого рода особенность армяноязычных текстов следует объяснять религиозными противоречиями между Грузинской и Армянской церковью, которая отобразилась в виде критики и подчеркивания «грехов» грузинского войска и их предводителей, за которые они и несли «наказание». Все это, впрочем, не смягчает критики действий последнего хорезмшаха в тех же армяноязычных памятниках.

Таким образом, в рамках данного исследования мы постарались предложить читателю краткий обзор хорезмийского завоевания Южного Кавказа,

в результате которого самое мощное государство данного региона, Грузинское царство, было ослаблено и обескровлено, и в качестве важнейшего последствия данного события следует признать будущую неспособность этой державы противостоять внешней агрессии. Фактически, во многом благодаря Джалал ад-Дину Манкбурны Южный Кавказ был без существенных военных усилий завоеван монгольскими войсками в 1230-ых годах. Горькая ирония заключается в том, что именно последнего хорезмшаха многие современники видели в качестве главного защитника от монгольской угрозы. Однако благодаря действиям именно Джалал ад-Дина Манкбурны Южный Кавказ и сопредельные регионы остались беззащитны перед лицом нового монгольского нашествия, а военные и политические просчеты хорезмшаха дорого стоили не только ему, но и многим правителям соседних с ним областей и регионов.

Список литературы

1. *Абемян М.* История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1948. Т.1. 527 с.
2. *Аветисян В.* Монгольское нашествие на Армению (XIII в.) // Московский институт востоковедения. Труды. М., 1939. Сб. 1. С. 125–143.
3. *Алексидзе З.Н.* Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии: Автореф... докт. ист. наук 07.22.02 / Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тб., 1983. 43 с.
4. *Али-Заде А.А.* Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII–XIV вв. // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 59–65.
5. *Али-Заде А.К.* Из истории государства Ширваншахов в XIII–XIV вв. // Известия АН Азербайджанской ССР. 1949. № 8. С. 78–110
6. *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1973. 450 с.
7. *Аннинский А.И.* История Армянской церкви (до XIX в.). Кишинев: Тип. М.Я. Спивака, 1900. 324 с.
8. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. со старогруз. Г.В. Цулая. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2005. 162 с.
9. *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (XI–XVII вв.). Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1959. 306 с.
10. *Анчабадзе Г.З.* Источниковедческие проблемы военной истории Грузии (Исследование грузинских исторических сочинений). Тб.: Изд-во Мецниереба, 1990. 256 с.
11. Армянские источники о монголах: извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна; [отв. ред. С.Д. Дылыков]. М.: Вост. лит., 1962. 155 с.
12. *ал-Асир, ибн.* «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. Ташкент – Цюрих: АН РУз, 2005. 595 с.

13. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку: Элм, 1983. 306 с.
14. Бабаян Л.О. Очерки историографии истории Армении эпохи развитого феодализма (IX–XIII вв.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. 392 с.
15. Бабаян Л.О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII – XIV веках. М.: Наука, 1969. 336 с.
16. *Багратиони, Давид*. История Грузии. Тб.: Мецниереба, 1971. 377 с.
17. Бунятов З. М. Азербайджан в VII–IX веках. Баку: Элм, 1989. 334 с.
18. *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М.: Наука, 1986. 247 с.
19. Галстян А.Г. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 166–186.
20. *Гандзакеци Киракос*. История / Пер. с древнеарм. Т.И. Тер-Григоряна. Баку: Элм, 1946. 302 с.
21. *Гандзакеци Киракос*. История Армении. / Пер.: Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 355 с.
22. *Горгиджанидзе, Парсадан*. История Грузии. / Пер. Р.К. Кикнадзе, В. С. Путуридзе. Тб.: Мецниереба, 1990. 182 с.
23. *Гусейнов Р.А.* Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье // Палестинский сборник. Л., 1970. Вып. 21: Ближний Восток и Иран. С. 185–198.
24. *Джавахов И.А.* История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века // Известия Императорской Академии наук. СПб.: Изд. Имп. Акад. Наук, 1908. Т. 2. № 5–6. С. 443–536.
25. *Джувейни*. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитонов. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
26. *Ибрагимов Д.* К истории государства Ширваншахов Азербайджана (1072–1382). // Азербайджанский государственный университет. История и философия. 1964. Вып. 4. С. 17–30.
27. *Иосселиани П.* Краткая история Грузинской церкви. СПб.: Типография А. Сычева, 1843. 155 с.
28. История Грузии. С древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / Сост. Н.А. Бердзенишвили, В.Д. Дондуа, М.К. Думбадзе, Г.А. Меликишвили, Ш.А. Месхиа. Тб.: Цодна, 1962. Т. I. 510 с.
29. История монголов инок Магакии / Пер. К.П. Патканова. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. 115 с.
30. Картлис цховреба: история Грузии / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси: Изд-во «АРТАНУДЖИ», 2008. 456 с.
31. *Кикнадзе Р.К.* Очерки по источниковедению истории Грузии: Парсадан Горджиджанидзе и «Картлис Цховреба». Тб.: Мецниереба. 1980. 200 с.
32. *Лебедев А.П.* Вселенские Соборы IV и V веков: Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. М.: Типография Л.О. Снегирева, 1879. 589 с.

33. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку: ЦИКА, 2005. 798 с.
34. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в.н.э.). Баку: Элм, 1986. 280 с.
35. Петрушевский И.П. Из героической борьбы Азербайджанского народа в XIII – XIV веках. Баку: Изд-во АзФАН, 1941. 62 с.
36. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. / Пер.: А.К. Арендс, Ю.П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров. М.: Ладомир, 2002. Т. 1–2. 340 с.
37. Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вердепетом Айриванским / Пер. К. Патканов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. 418 с.
38. Цулая Г.В. Джалал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. В.Н. Татищев и изучение русского летописания / Ред. Б.А. Рыбаков и др. М.: Наука, 1981. С. 112–128.
39. Agbal A. Tarih-i mawsalei-e Iran. Az jomlei-e Chingiz ta tashkil doulate Timuri. Tehran, 1939. Vol. I. 409 s.
40. Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849 - 1850. T. XIII – XV.
41. Boyle J.A. The Mongol world empire 1206-1370. London: Variorum Reprints, 1977. 316 p.
42. Brosset M. Histoire de la Georgie. SPb.: Imprimerie de L'Academie Imperiale des science, 1849. 284 p.
43. Cambridge History of Iran / Red. : J.A. Boyle. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Vol. 5. 732 p.
44. Dabir Seyagi M. Sultan Djalal ad-Din Horezmshah. Tehran, 1977. 210 s.
45. Djuzdjani. Tabakat-i Nasiri / Trad.: H. G. Raverty. Calcutta, 1960. Vol. 1–2.
46. Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosseilgügen und Horazmsahs (1038-1231). Wiesbaden, 1964. 192 p.
47. Kafesoglu I. Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092 – 1229). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1956. 317 s.
48. Kazvini, Hamdallah. Tarihi Guzide. / Trad.: Y. Le Strange. Paris, 1903. Vol. I. 732 p.
49. Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris: Typographie de FirminDidot Frères, 1841. 113 s.
50. Mirhond. La vie de Genghis-khan Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1840. 174 s.
51. Nasrhai-e tarihi / I. Hakemi. Tehran, 1971. 176 s.
52. Razi A. Tarihi Iran. Tehran, 1970. 940 s.
53. Tarihi-i al-i Saljuk dar Anatoli. Tehran, 1999. 168 s.

Сведения об авторе: Тимохин Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, e-mail: horezm83@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

KHOREZM CONQUEST OF THE SOUTH CAUCASUS AND ITS CONSEQUENCES

Dmitriy Timokhin

Institute of Oriental studies of the RAS

Moscow, Russian Federation

horezm83@mail.ru

Abstract. *Research objectives:* The Khorezm conquest of the South Caucasus does not have a large number of special studies, although this event appears in many works on the history of the medieval South Caucasus. The purpose of this article is not just to offer a concise description and analysis of this historical event and its consequences, but also to demonstrate the involvement of representatives of the nomadic Turkic tribes of Desht-i Kipchak, as on the side of the Khorezmshah Jalal ad-Din Mankburny, and on the side of the Georgian Kingdom.

Research materials: the author tried to use the entire array of available written sources, among which there are three groups – Arab-Persian, Georgian and Armenian-language historical sources.

Research results and novelty: one of the important results of the study is the reconstruction of the Khorezm conquest of the South Caucasus on the basis of a wide range of historical sources, as well as the selection of the most important consequences of this event. In addition, the most important reasons for the beginning of the Khorezm invasion of the region are identified and structured, which is absent in most domestic and foreign studies.

Keywords: South Caucasus, Jalal ad-Din Mankburny, Georgia, Desht-i Kipchak, nomadic Turkic tribes, historical sources.

References

1. Abegyan M. Istoriya drevnearmyanskoj literatury. Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1948. t.1. 527 s. (In Russian)
2. Avetisyan V. Mongol'skoe nashestvie na Armeniyu (XIII v.) // Moskovskij institut vostokovedeniya. Trudy. M., 1939. Sb. 1. S. 125–143. (In Russian)

3. Aleksidze Z.N. Problemy ideologii i kul'tury rannesrednevekovogo Kavkaza i Gruzii: Avtoref... dokt.ist.nauk 07.22.02 / In-t istorii, arheologii i ehtnografii AN GSSR. Tb., 1983. 43 s. (In Russian)
4. Ali-Zade A.A. Mongol'skie zavoovateli v Azerbajdzhane i sopredel'nyh stranah v XIII – XIV vv. // Voprosy istorii. 1952. № 8. S. 59 – 65. (In Russian)
5. Ali-Zade A.K. Iz istorii gosudarstva SHirvanshahov v XIII – XIV vv. // Izvestiya AN Azerbajdzhanskoj SSR. 1949. № 8. S. 78 – 110. (In Russian)
6. an-Nasavi. Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny / Per. Z.M. Bunyatov. Baku: EHIm, 1973. 450 s. (In Russian)
7. Anninskij A.I. Istoriya Armyanskoj cerkvi (do XIX v.). Kishinev: Tip. M.YA. Spivaka, 1900. 324 s. (In Russian)
8. Anonimnyj gruzinskij «Hronograf» XIV veka / Per. so starogruz. G.V. Culaya. M.: In-t ehtnologii i antropologii, 2005. 162 s. (In Russian)
9. Anchabadze Z.V. Iz istorii srednevekovoj Abhazii (XI – XVII vv.). Suhumi: Abhazskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1959. 306 s. (In Russian)
10. Anchabadze G.Z. Istochnikovedcheskie problemy voennoj istorii Gruzii. (Issledovanie gruzinskih istoricheskikh sochinenij). Tb.: Izd-vo `Mecniereba, 1990. 256 s. (In Russian)
11. Armyanskie istochniki o mongolah: izvlecheniya iz rukopisej XIII–XIV vv. / Per. s drevnearm., predisl. i primech. A.G. Galstyana; [otv. red. S.D. Dylykov]. M.: Vost. lit., 1962. 155 s. (In Russian)
12. al-Asir, ibn. «Al-Kamil fi-t-tarih» «Polnyj svod po istorii». Izbrannye otryvki / Per. P.G. Bulgakov, SH.S. Kamoliddin. Tashkent – Cyurich: AN RUz, 2005. 595 s. (In Russian)
13. Ashurbejli S. Gosudarstvo SHirvanshahov (VI–XVI vv.). Baku: EHIm, 1983. 306 s. (In Russian)
14. Babayan L.O. Ocherki istoriografii istorii Armenii ehpoi razvitogo feodalizma (IX–XIII vv.). Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1981. 392 s. (In Russian)
15. Babayan L.O. Social'no-ehkonomicheskaya i politicheskaya istoriya Armenii v XIII – XIV vekah. M.: Nauka, 1969. 336 s. (In Russian)
16. Bagrationi, David. Istoriya Gruzii. Tb.: Mecniereba, 1971. 377 s.
17. Bunyatov Z. M. Azerbajdzhan v VII–IX vekah. Baku: EhIm, 1989. 334 s. (In Russian)
18. Bunyatov Z.M. Gosudarstvo Horezmshahov-Anushteginidov 1097–1231 g. M.: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka, 1986. 247 c. (In Russian)
19. Galstyan A.G. Zavoevanie Armenii mongol'skimi vojskami // Tataro-mongoly v Azii i Evrope. M.: Nauka, 1977. S. 166–186. (In Russian)
20. Gandzakeci Kirakos. Istoriya / Per. s drevnearm. T. I. Ter-Grigoryana. Baku: EhIm, 1946. 302 s. (In Russian)

21. Gandzakeci Kirakos. Istoriya Armenii. / Per.: L.A. Hanlaryan. M.: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1976. 355 s. (In Russian)
22. Gorgidzhanidze, Parsadan. Istoriya Gruzii. / Per. R. K. Kiknadze, V. S. Puturidze. Tb.: Mecniereba, 1990. 182 s. (In Russian)
23. Gusejnov R.A. Irakskie Sel'dzhukidy, Il'degizidy i Zakavkaz'e // Palestinskij sbornik. L., 1970. Vyp. 21: Blizhnij Vostok i Iran. S. 185–198. (In Russian)
24. Dzhavahov I.A. Istoriya cerkovnogo razryva mezhdu Gruzij i Armenij v nachale VII veka // Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. SPb.: Izd. Imp. Akad. Nauk, 1908. T. 2. № 5–6. S. 443–536. (In Russian)
25. Dzhuvejni. CHingiz-han. Istoriya zavoevatelya mira / Per. E.E. Haritonova. M.: Magistr-Press, 2004. 690 s. (In Russian)
26. Ibragimov D. K istorii gosudarstva Shirvanshahov Azerbajdzhana (1072–1382). // Azerbajdzhanskij gosudarstvennyj universitet. Istoriya i filosofiya. 1964. Vyp. 4. S. 17–30. (In Russian)
27. Iosseliani P. Kratkaya istoriya Gruzinskoj cerkvi. SPb.: Tipografiya A. Sycheva, 1843. 155 s.
28. Istoriya Gruzii. S drevnejshih vremen do 60-h gg. XIX v. / Sost. N.A. Berdzenishvili, V.D. Dondua, M.K. Dumbadze, G.A. Melikishvili, SH.A. Meskhia. Tb.: Codna, 1962. T. I. 510 s. (In Russian)
29. Istoriya mongolov inoka Magakii / Per. K.P. Patkanova. SPb.: Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1871. 115 s. (In Russian)
30. Kartlis ckhovreba: istoriya Gruzii / Per. s gruz. yaz.; pod red. akad. R. Metreveli. Tbilisi: Izd-vo «ARTANUDZHI», 2008. 456 s. (In Russian)
31. Kiknadze R.K. Oчерki po istochnikovedeniyu istorii Gruzii: Parsadan Gorzhdzhanidze i «Kartlis Ckhovreba». Tb.: Mecniereba. 1980g. 200 s. (In Russian)
32. Lebedev A.P. Vselenskie Sobory IV i V vekov: Obzor ih dogmaticheskoj deyatelnosti v svyazi s napravleniyami shkol Aleksandrijskoj i Antiohijskoj. M.: Tipo-grafiya L.O. Snegireva, 1879. 589 s. (In Russian)
33. Mamedova F. Kavkazskaya Albaniya i albany. Baku: CIKA, 2005. 798 s. (In Russian)
34. Mamedova F. Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Kavkazskoj Albanii (III v. do n.еh. –VIII v.n.еh.). Baku: EHIm, 1986. 280 s. (In Russian)
35. Petrushevskij I.P. Iz geroicheskoy bor'by Azerbajdzhanskogo naroda v XIII – XIV vekah. Baku: Izd-vo AzFAN, 1941. 62 s. (In Russian)
36. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej. / Per.: A. K. Arends, YU. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. M.: Lodomir, 2002. T. 1–2. 340 s. (In Russian)
37. Hronograficheskaya istoriya, sostavlenneya otcom Mekhitarom, verdepetom Ajrivanskim / Per. K. Patkanov. SPb.: Tip. Akad. nauk, 1869. 418 s. (In Russian)

38. Culaya G.V. Dzhahal ad-Din v ocenke gruzinskoj letopisnoj tradicii // Letopisi i hroniki. 1980. V.N. Tatishchev i izuchenie russkogo letopisaniya / Red. B.A. Rybakov i dr. M.: Nauka, 1981. S. 112–128. (In Russian)
39. Agbal A. Tarih-i mawsalei-e Iran. Az jomlei-e Chingiz ta tashkil doulate Timuri. Tehran, 1939. Vol. I. 409 s.
40. Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. T. XIII–XV.
41. Boyle J.A. The Mongol world empire 1206–1370. London: Variorum Reprints, 1977. 316 p.
42. Brosset M. Histoire de la Georgie. SPb.: Imprimerie de L'Academie Imperiale des science, 1849. 284 p.
43. Cambridge History of Iran / Red. : J.A. Boyle. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Vol. 5. 732 p.
44. Dabir Seyagi M. Sultan Djalal ad-Din Horezmshah. Tehran, 1977. 210 s.
45. Djuzdjani. Tabakat-i Nasiri / Trad.: H. G. Raverty. Calcutta, 1960. Vol. 1–2.
46. Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosselgügen und Horazmsahs (1038–1231). Wiesbaden, 1964. 192 p.
47. Kafesoglu I. Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1956. 317 s.
48. Kazvini, Hamdallah. Tarihi Guzide. / Trad.: Y. Le Strange. Paris, 1903. Vol. I. 732 p.
49. Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris: Typographie de FirminDidot Frères, 1841. 113 s.
50. Mirhond. La vie de Genghis-khan Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris: Typographie de Firmin Didot Frères, 1840. 174 s.
51. Nasrhai-e tarihi / I. Hakemi. Tehran, 1971. 176 s.
52. Razi A. Tarihi Iran. Tehran, 1970. 940 s.
53. Tarih-i al-i Saljuk dar Anatoli. Tehran, 1999. 168 s.

About the author: Dmitriy Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: horezm83@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

THE HISTORICAL ROLE OF THE GOLDEN HORDE IN THE SILK ROAD AND IN EASTERN EUROPE

István Zimonyi

University of Szeged (SZTE),

Szeged, Hungary

zimonyi@hist.u-szeged.hu

Abstract. The term Golden Horde and the other designations needs further research to find the historical correct name for the north western *ulus* of the Mongol empire. Batu and his brothers became the greatest power within the Mongol empire and they decided to seat the Toluyid Möngke to the throne of the Great Khan. The Black Death brought fundamental changes, the Golden Horde survived it for another century. The age of the Golden Horde represent the dominance of the nomads in Eastern Europe after th Huns and Khazars. The Golden Horde was destroyed by Moscow principality which was the base for the Russian conquest of the Eurasian steppe. The historiographical concept of the Russians and modern successor state-nations of the Golden Horde had to be revised deviding the rewriting the history of the Golden Horde from modern national point of view.

Keywords: Ulus, Orda, Batu, dominance, nation-building, Khan.

Golden Horde is a misleading term used by the Russian chroniclers from the 16th century and it designates the north-western successor state of the *yeke Mongghol ulus* ‘Great Mongol Empire’ which was adapted in modern historiography¹. However the sources used the terms *Kök Orda* ‘Blue Horde’ and *Aq Orda* ‘White Horde’ as the eastern and western wings of the north-western successor state of Chinggis’ realm². It is widespread to use the term *ulus* ‘appanage’ from the common patrinomy of the ruling house founded by Chinggis Khan. The term *ulus* of Jochi ‘Jochi’s realm’ means that Chinggis Khan’s eldest son Jochi was assigned the western region of the empire, the Irtish valley. As Jochi died before his father, his sons inherited his *ulus*: the eldest son Orda, the second son Batu and the other 12 sons. The *ulus* of Orda represented the eastern half of the Jochids, while the *ulus* of Batu the western half. However the *ulus* of Shiban is also

¹ Hammer-Purgstall introduced the term [6]. The Golden Horde is also ambiguous, as it may refer to the whole territory of the heirs of Jochi from Irtish to Danube or to the *ulus* of Batu including the territory between the Volga/Ural and the Danube.

² Recently Uskenbay suggested that the Blue Horde was the Ulus of Orda and the White Orda was the Ulus of Shiban [15, pp. 355–382].

mentioned. Geographically the northwestern successor state is called *Dasht-i Qipchaq* ‘Kipchak Steppe’. Finally the Khanate of Kipchak is also in use denoting the dominant Kipchak population of the region. It is time to admit that the designation of this successor state is obscure and further studies are needed to find a correct name for the state-formation which played an important role in the history of Central Eurasia/Silk Road and Eastern Europe.

The *ulus* of Jochi was the territory between the Irtysh and Ural rivers, i.e. Kazak steppe before 1235. It was divided among the sons of Jochi. The Jochid princes of the eastern half were headed by Orda and those of the western half by Batu. Ögedei after the conquest of the northern China convoked a *quriltay* in 1235 to discuss the matter of western campaign against the powers of Eastern Europe adjacent to the *ulus* of Batu. So Batu was appointed as commander of the western campaign and among others, Güyük and Möngke later great khans and the genius general Sübetei accompanied him. The army under Batu conquered the Volga Bulgaria, the Kipchaks, the Rus’ principalities, the Alans and attacked the Hungarian Kingdom in 1236–1242. The western campaign came to an end due to the death of Ögedei at the end of 1241³. Batu became a ruler of a vast territory from the Danube to Yayıq/Ural rivers and even Orda acknowledged him as the actual lord of the *ulus* of Jochi. As for the other sons of Chinggis Khan, Ögedei received Jungaria, Chagatai got Semirechie and Mawarannahr, and Tolui inherited the heartland of the empire. In 1242 the *ulus* of Jochi between the Danube and the Irtysh was the largest comparing the *ulus* of Chagatai and the direct rule of the great khan including eastern Central Asia and northern China. Batu had decisive power in the Mongol Empire, his personal enemy, Güyük was elected as a great khan in 1246 and the clash seemed to be inevitable, only Güyük’s death in 1248 prevented the war between them. Then Batu called the *quriltay* in his territory and the Chinggisid princes offered the throne to Batu, who rejected perhaps due to his gout, and Batu nominated the Toluid Möngke which was accepted by the *quriltay* [2, p. 363]. Until the death of Batu in 1255/6 he can be regarded as a co-ruler of the Mongol Empire⁴.

³ The description of the western campaign cf. [20, p. 325–352].

⁴ Szilvi Kovács called my attention to the data of Rubruq, who visited both the courts of Batu and Möngke in 1254:

XXIII. (4) From the village I have mentioned we went eastward, close to the mountains above referred to, and from that point we entered among the subjects of Mangu Chan, who everywhere sang and clapped their hands before our guide, because he was an envoy of Baatu. For they show each other this mark of honor; the subjects of Mangu receive in this fashion the envoys of Baatu, and those of Baatu the envoys of Mangu. The subjects of Baatu, however, are the stronger, so they do not observe the custom so carefully [J: Baatu's people, however, give themselves rather more airs and are not as careful to observe the practice]. [18, p. 225; 14, p. 138].

[1, p. 204]

Möngke's conquest, the third wave of Mongol wars brought fundamental changes in the balance of power. Hülegü's campaign against the Middle East and Qubilai attack against the Song dynasty led to the formation of the Il-Khanate in Persia, Irak and Anatolia and the Chinese Yuan dynasty. In the 1260-s the four *ulus* became practically independent. The *ulus* of Jochi remained a stabile state in contrast with the Chagataid *ulus*. The Il-Khanate and Yuan dynasty were in close cooperation as both were ruled by Toluids and were put to the attacks of the Chagataids and Jochids. Allsen emphasized that Iran and China were the richest sedentary regions of the Mongol Empire, the Mongol elite moved to sedentary territory and had to find a compromise the local ruling elements to stabilize their rule, whereas the Batuids remained in the steppe and controlled the Russian principalities from there, and finally the Chinese and Islamic worlds represented

XXVIII (18) Then he began his reply: "As the sun sends its rays everywhere, likewise my sway and that of Baatu reach everywhere, so we do not want your gold or silver." [18, p. 251; 14, p. 174].

XXXIV. (5) And he added: "There are two eyes in the head; but though there be two, they have but one sight, and when one turns its glance there goes the other. You came from Baatu, and so you must go back by way of him." [18, p. 299; 14, pp. 237–8].

XXXVII. (6) After that, Baatu caused me to come into his presence, and had interpreted to me the letter Mangu Chan sends you. For Mangu had written to him that if he wished to add, strike out, or alter anything in them, he was to do so. [18, p. 314; 14, p. 257].

the leading civilizations of the medieval world⁵. It means that the Russian principalities belonging to the sphere of Byzantine civilization cannot be compared those of the China and Islamic world in 13th–14th centuries.

The Black Death in the mid-14th century due to the Mongol commercial network became catastrophic for the whole world from China via *ulus* of Jochi to the Middle East and Europe [11, pp. 447–457; 12, pp. 819–834]. The Il-Khanate and Yuan dynasty did not survive the crises, the death of Abu Sa'îd, in 1335, was the fall of the Il-Khanate, while the Yuan capital was captured by the forces of the founder of the Ming Dynasty (1368–1644) in 1368 and the last Great Khan and emperor of the Yuan dynasty had to move to Mongolia. The *ulus* of Chagatai and that of Jochi survived the crisis [3, p. 196]. The former revived under the rule of Timur and his successors. The *ulus* of Jochi faced the period of decay and chaos (*bulghaq*) between 1359 and 1380, but the khans from the Blue Horde could lengthen its existence for another century in spite of the devastating campaigns of Timur. In the middle of the 15th century the *ulus* of Jochi disintegrated forming successor states: Noghay Horde, the Great Horde, the Crimean and Siberian khanates, and the khanates of Kazan, Astrakhan and Kasimov and those of the Özbegs, Kazaks.⁶ Most of these khanates fell victim of the Moscowite conquests: In 1552 Kazan and in 1556 Astrakhan were conquered by Ivan IV; by 1600 the khanate of Sibir collapsed; Crimea was annexed in 1783, the Kazak Hordes were invaded gradually from 1730 to 1848, whereas the territory of Mawarannahr and Semirechie (Özbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan) were annexed between 1865 and 1868. The legacy of the Mongol Empire was taken by the Russian Empire in modern age conquering and subduing the territory of the *ulus* of Jochi and that of Chagatai, but the territory of Il-Khanate and Yuan dynasty, i.e. Persia and China remained outside the Russian conquest. It is worth mentioning that the settled civilizations south of the Eurasian steppe belt could not control the nomads for a longer period and the same is true for the nomads, even the Mongols could rule Persia and China for a century. The nomads of Eurasia were defeated from north, the Russian took possession first the forest zone north of the steppe and they were able to subdue and control the nomads from there.

As for the history of Eastern Europe, the great steppe empires, the Türk Khaganate and Mongol Empire and their successor states, i.e. Khazar Empire and the *ulus* of Jochi brought fundamental changes in its history. If the formation of Eastern Europe is regarded as a competition between steppe and forest for the dominance, the first nomadic empires of Eastern Europe, the Huns, the Avars, and the Khazars determined its history from the 4th to the 10th century. The Khazar

⁵ [1, p. 143]. The main civilizations were the Chinese, Islamic, India, Byzantium and Europe according to Lewis [10].

⁶ The classical works on the history of the *ulus* of Jochi: [13; 4; 16]. A new overview: [17, pp. 67–85].

Empire promoting the commerce between the Caliphate and Northern Europe started to control the communities living in the forest zone to acquire the most precious commodities (furs, honey, wax, slaves). This trade attracted the Rus' to Eastern Europe from Scandinavia. The Rus' centred on Kiev became a great power in the 10th century and finally put to an end of the Khazar Empire in 965. However the eastern zone of the Eastern European forest was under the control of a Khazar's successor state, the Volga Bulgars at the Volga-Kama region which embraced Islam in the beginning of the 10th century and was the centre of trade between the eastern Islamic lands and Northern Europe. After the fall of the Khazar Empire the Kipchaks/Cumans could consolidate the steppe zone by the end of the 11th century. There was a balance of power between the forest and steppe in the 11th–13th centuries. The Mongol conquest upset the balance of power as the Jochids organized the powers of Eastern Europe into a single political unit under Batu. The *ulus* of Jochi disintegrated in the second half of the 14th century and new regional political units emerged in the 15th century. The shift in balance of power allowed the Principality of Moscow to collect the Russian lands and became a strong new power which made possible to get rid of the Mongol rule. In the 16th century, the Russians had the upper hand of these successor states and the steppe had to capitulate.

The interpretation of the history of Jochi's *ulus* is an actual task. Halperin called the attention the importance to study the contemporary Russian sources concerning the attitude to the Tatars. The chroniclers representing the clergy of Orthodox Christianity were hostile to the Tatars/Mongols as the Tatars were pagans or Muslims. The authors of the Russian annals recorded the events avoiding the concept of Tatar suzerainty with the help of using the term custom for the forms of exercising power [5]. The Imperial and Soviet Russian historiography blamed the Tatars for wrecking the economy of Rus' principalities, isolating Russia from Europe, introducing servitude in political life, preventing the modernization of Russia.

After the fall of the Soviet Union new nation-building concepts appeared. The historians of Russian Federation in Moscow and St. Petersburg seem to avoid the former stereotypes and try to form a real picture on the history of Jochi's *ulus*. Tatarstan has a special status, as an autonomous republic of the Russian Federation, its sovereignty is limited, so they must cooperate and take account the viewpoint of Russia. The Tatar historiography made a great progress publishing several excellent books on the *ulus* of Jochi [7; 8; 9]. The Tatar nation regards the *ulus* of Jochi as a part of their national history. The Kazak nation became independent in 1991 and the *ulus* of Jochi and its successor state is a part of their national history. In both cases it must be considered that nations are products of the 19th–20th centuries and those ethnic communities from which the nations were formed are historically different categories and the nation cannot be projected to the Middle Ages. Historians of the steppe sometimes write histories from national point of view which is outdated in modern historical studies.

References

1. Allsen Th.T. Mongols as vectors for cultural transmission. In: Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age. Eds. N.Di Cosmo, A.J. Frank, P.B. Golden, Cambridge 2009, 135–154
2. Atwood Ch.P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Indiana University, Bloomington, 2004.
3. Beckwith Ch.I. Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton and Oxford 2009.
4. Grekov B.D: Yakubovskij A. Ju. Zolotaya Orda i ee padenie. Moskva-Leningrad 1950; 2-e izd. 1998.
5. Halperin Ch.J. The Tatar Yoke. The image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, 1985.
6. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest 1840.
7. Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordj). Ot Kalki do Astrahani. 1223–1556. Kazan, 2002.
8. Istoriya tatar s drevnejshih vremen v semi tomah. Vol.III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v. Kazan, 2009.
9. Istoriya tatar s drevnejshih vremen v semi tomah. Vol. IV. Tatarskie gosudarstva. XV–XVIII vv. Kazan, 2014.
10. Lewis A.R. Nomads and Crusaders. A.D. 1000–1368. Bloomington and Indianapolis 1988.
11. Schamiloglu U. The Golden Horde. In: The Turks. Ankara 2002. Vol. II. 819–834.
12. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the role of Disease in the History of the Golden Horde. Central Asian Survey 12. 4 (1993), 447–457.
13. Spuler B. Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland 1223–1502. Leipzig 1943.
14. The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253–55. Translated by W.W. Rockhill, London, 1900.
15. Uskenbay K. Ulusy pervyh Dzhuchidov. Problema terminov Ak-Orda i Kok Orda. Tyurkologicheskij Sbornik 2005, 355–382
16. Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven 1953.
17. Vásáry I. The Jochid realm: the western steppe and Eastern Europe. In: Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age. Eds N. Di Cosmo, A. J. Frank, P.B. Golden, Cambridge 2009, 67–85.
18. Wyngaert A. Sinica Franciscana. Itinera et Relationes Fratrum Minorum saeculi XIII. et XIV. B. 1. Quaracchi-Firenze 1929.
19. Zolotaya Orda v mirovoy istorii. A Multi-Authored Monograph. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 968 p. + 28 p. with colour insert.

20. Zimonyi I. The Mongol Campaigns against Eastern Europe In: Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies. Ed. Victor Spinei. Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi. XVI. Bucureşti–Brăila 2014, 325–352.

About the author: István Zimonyi – Dr. Sci., Professor, University of Szeged (SZTE), Department of Medieval Studies and Department of Altaic Studies (2, Egyetem Str., Szeged 6722, Hungary), e-mail: zimonyi@hist.u-szeged.hu

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

РОЛЬ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Иштван Зимони

Сегедский университет

г. Сегед, Венгрия

zimonyi@hist.u-szeged.hu

Резюме. Термин "Золотая Орда" и другие понятия требуют дальнейших исследований, чтобы найти исторически правильное название Северо-Западного улуса Монгольской империи. Бату и его братья стали создателями величайшей державы в составе Монгольской империи, и они решили возвести на трон великого хана Толуида Мункэ. Черная смерть привела к коренным изменениям, Золотая Орда пережила ее еще на столетие. Эпоха Золотой Орды олицетворяет господство кочевников в Восточной Европе после гуннов и хазар. Золотая Орда была разрушена Московским княжеством, которое стало основой для русского завоевания Евразийской степи.

Ключевые слова: улус, Орда, Батый, доминирование, государственное строительство, хан.

Сведения об авторе: Иштван Зимони – доктор наук, профессор кафедры алтаистики гуманитарного факультета университета Сегеда (Сегед, Венгрия), e-mail: zimonyi@hist.u-szeged.hu

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

«КАРА ТАВАРИХ» УТЕМИША-ХАДЖИ. СПИСОК РИЗАЭТДИНА ФАХРЕТДИНА

И.М. Миргалеев

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
dilnur1976@mail.ru*

Резюме. В статье анализируются два основных списка сочинения Утемиша-хаджи. Автор характеризует полный список «Кара тавариха», принадлежавший Ризе Фахретдинову. Значение этого произведения определяется тем, что оно было создано в ханстве, где правила джучиды и еще были свежи в памяти людей события, связанные с последними годами существования золотоордынского государства. А учитывая тот факт, что мы располагаем незначительным количеством собственных золотоордынских письменных источников, то такие цельные сочинения, где дается вся история джучидов, очень важны.

Ключевые слова: Утемиш-хаджи, Кара таварих, Чингиз-намэ, Джучиды, Шейбаниды, Золотая Орда.

В конце 2017 года нам удалось издать полную версию сочинения Утемиша-хаджи «Кара таварих» [16], известной как «Чингиз-наме». Издание осуществлено по единственной полной версии, по списку Ризаэтдина Фахретдина, оказавшегося в личном архиве Заки Валиди Тогана в Турции [10].

Сочинение Утемиша-хаджи под названием «Чингиз-наме» уже достаточно основательно вошло в историографию золотоордынских исследований, сам его труд имеет русское, турецкое, японское, узбекское и казахское издания [7, 8, 17, 18, 27, 28]. Татарским книжным издательством готовится и татарское издание. Однако этот труд долгое время использовался основываясь в основном только на неполный, так называемый, ташкентский список, не известно как попавший в Туркестанскую публичную библиотеку и впервые описанную В.В. Бартольдом [1, с. 158]. Исключением является книга М. Кафалы [23], который написал свою книгу и свою докторскую диссертацию, опираясь на полный список Ризаэтдина Фахретдина, названный им списком Заки Валиди Тогана. Известно, что Заки Валиди сам дал ему копию этой рукописи, прежде всего для написания докторской диссертации. В последние годы в Турции несколько раз был издан и сам Утемиш-хаджи [28], однако, только по изданию В.П. Юдина [18]. К сожалению, труд В.П. Юдина изобилует ошибками, на что обратили внимание авторы турецкого и японского издания.

Автор данного сочинения Утемиш-хаджи, сын маулана Мухаммада Дости происходил из влиятельной семьи, давно служивших шейбанидским ханам. Как известно, «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи написано в середине XVI в. в Хивинском ханстве на тюркском языке арабским шрифтом. В настоящее время известны только две рукописи «Чингиз-наме»: одна – неполная Ташкентская рукопись (Ташкентская рукопись носит название «Чингиз-наме» [Она была известна уже в XIX веке и вошла в каталог Е.Каля. См.: 14, с 52]), вторая находившаяся у З.В.Тогана и его учеников, – «Кара таварих»¹, последнее название еще не известно науке. Судя по обложке, оставленном переписчиком записи, эта рукопись была переписана в 1019 г. хиджры (26.03.1610–15.03.1611 гг.). На наш взгляд именно этот переписчик, живший в Волго-Уральском регионе, добавил и свой текст, небольшой раздел, имеющий отношение к правителю Сибирского ханства Кучуму и его сыновьям [9]. Недавно А.В.Беляков в своей статье, посвященной времени и месту написания «Продолжателя», пришел к выводу, что сочинение Утемиша-хаджи было известно и в Касимове, а «текст дополнений мог быть создан в окружении вдов царевича Алтаная в Ярославле в период с 1660-х по начало 1680-х.» [2].

К большому сожалению, авторграф не дошел до наших дней. В научный оборот, благодаря, прежде всего работе В.П. Юдина, введен неполный Ташкентский список этого сочинения². Хотя о полном списке ученым было известно уже давно. Представление о содержании полного списка исследователи могли иметь только через работу М.Кафалы.

Известный востоковед Миркасым Усманов рассказывал, что он несколько раз обращался к Исенбике Тоган с просьбой предоставить копию полного списка из архива его отца, однако безуспешно. Ученик Заки Валиди М.Кафалы, практически единственный ученый, работавший с полным списком, свою докторскую диссертацию, которая называется «История Улуса Джучи по Утемишу-хаджи» написанную еще в 1965 году издал только в 2009 году [24]. К минусам этой работы можно отнести отсутствие факсимиле отдельных списков и механическое объединение транскрипций обоих списков.

¹ На обложке этого списка рукописи отчетливо написано, что рукопись принадлежит Р.Фахрутдинову, что подтверждается упоминаниями и самого Р.Фахрутдинова и З.В. Тогана. Данная рукопись названа «Кара таварих» («Черная история»), т.е. в смысле древняя история или же неизведанная история. Однако оригинальное ли это название сочинения пока неясно.

² В.П. Юдин перевел это сочинение на русский язык. Однако в издании В.П. Юдина «Чингиз-наме» представлен как источник, содержащий сведения по истории казахского народа, хотя источник посвящен Золотой Орде, а казахское ханство образовалось позже, в XV веке, на обломках Улуса Чагатай и Улуса Джучи. Но учитывая крайнюю политизированность исторической науки в Советском союзе и негативное отношение к золотоордынской истории данное обстоятельство вполне объяснимо.

Название «Чингиз-наме» для сочинения Утемиша-хаджи дано условно. По полному списку она называется «Кара таварих», т.е. «Черная история». На наш взгляд название «Чингиз-наме» условно давалось всем историческим сочинениям по истории Чингиз-хана и его потомков. Например, исследуя данный источник, мы наткнулись и на уйгурское издание сочинения «Чингиз-наме» [26], но известный исследователь «Тарих-и Кашгар» О.Ф. Акимушкин [15] справедливо утверждал, что под этим уйгурским «Чингиз-наме» кроется не что иное, как «Тарих-и Кашгар», что нами также и было подтверждено. Возможно, Хаджи Нурхани, издатель уйгурского текста «Тарих-и Кашгар» назвал этот источник «Чингиз-наме» из-за того, что там есть небольшой раздел о Чингиз-хане и его сыновьях [11]. Уйгурский исследователь Омерджан Нури в личной переписке сообщил, что в рукописи, находящейся в Академии гуманитарных наук Хиндзианга (по номеру no. 002913) в начале рукописи написано «badi' al-zaman khanning chingiz nama kitabi», т.е. «Книга Чингиз-наме Бади ал-Заман-хана». По сообщению того же Омерджан Нури и другой список «Тарих-и Кашгар», хранящийся в Лондоне, также назван «Chingiz nama-yi Makhdum-i A'zam». Т.е. это опять же условное название сочинения, данное, скорее всего владельцем рукописи.

Имеется и переложенная в поэму «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина - обширное сочинение Шамс ад-дин Кашани, также названное «Чингиз-наме» [30]. Причем сам Шамс ад-дин Кашани сообщает (л. 6), что «Сборник летописей» Рашид ад-дина переложить в стихи в форме «баитов» поручил сам Рашид ад-дин и Газан-хан. Поэтому справедливо полагать, что название «Чингиз-наме» в этом случае данная поэма получила также от переписчика. В этом ряду можно назвать и анонимное татарское сочинение «Дэфтэре Чингиз-наме». Также интересным является сообщение Абулгази, который после описания труда «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина пишет, что этот труд перед ним и что «кроме нее передо мной готово еще 17 «Чингиз-наме», с которых я буду переписывать» [20, с. 32]. Здесь явно под 17 «Чингиз-наме» имеются разные исторические сочинения. На наш взгляд, Абулгази их называет «Чингиз-наме» из-за того, что они описывают как самого Чингиз-хана, так и правление его потомков. Возможно и из-за того, что эти сочинения могли быть посвящены правителям-чингизидам.

З.В. Тоган сообщает о том, что «рукопись получена мною от редактора татарского журнала «Шура» в Оренбурге от Ризауддина Фахруддинова и оказалась несравненно полнее ташкентской» (написано в апреле 1914 года (опубликовано в 1915 году) [4, с 18]. Безусловно, здесь речь идет только об ознакомлении с рукописью, так как на обложке рукописи, оказавшейся в конце концов все же у Заки Валиди Тогана написано: «Кара таварих. Устные сказания по истории улуса Джучи до половины XVI ого столетия. Ризаэддин бин Фахреддин. 19 нчы апрель 1919. Оренбург шәһәрәндә». Вполне возможно Р.Фахретдин сделал эту запись именно когда передавал эту рукопись Заки

Валиди. В 1920 году Заки Валиди покинул Россию. А вот написанная на обложке по-русски: «Устные сказания по истории улуса Джучи до половины XVI ого столетия» должны принадлежать Заки Валиди Тогану, так как Р.Фахретдин не писал по-русски.

Ризаэддин Фахретдин составлял список своих книг, которые не вернули ему (список называется «Гариять юлы берлэ бирелгэн китаплар» (Книги, отданные на время). Данный список в числе и других документов был передан его внуком Арсланом Шарафом в фонды Национального музея Республики Татарстан, где есть одно любопытное упоминание: «1927 ел, 26 декабрь. Зәкигә жибәрелгән иске тарих күчәрмәсе. Габделахат» (26 декабря 1927 года, отправлено Закию (Валиди) копия старого исторического сочинения. Габделахат (второй сын Р. Фахретдинова, здесь он упомянут в качестве отправителя). Выписка из архива Л.Ф. Байбулатовой «Арслан Шәрәф язмаларыннан»).

Известно, что в 1911 году все книги Ризаэддина Фахретдина были конфискованы жандармерией, возможно часть его библиотеки и осталось у него, в числе которых мог быть и сочинение Утемиша-хаджи, или же она попала в его архив между 1911–1914 годами. Также известно, что Р. Фахретдину, как издателю татароязычного исторического журнала «Шура» татары отправляли рукописи, которые хранились в их семейных архивах¹. Поэтому

¹ Судя по тому, что на странице журнала «Шура» был ответ некому читателю по поводу его вопроса, касаемо «Чингиз-наме», вполне возможно, что именно таким образом рукопись попала к Р.Фахретдину. Там упоминается, что некому человеку Р.Фахретдин не смог вернуть «Чингиз-наме» (“Чыңгыз-намә”), тем более и владелец не настаивал на возвращении. Из ответа узнаем, что Р.Фахретдин сперва думал, что перед ним сочинение «Чингиз-наме», но потом понял, что ошибся, что это был Умдет ал-ахбар Абдулгаффар Кырыми (“Гомәдәтел-әхбар”, Габделгаффар Тәэлифи) но отметил, что они схожи, хотя и разные произведения. При этом он пишет, что у него есть и ташкентская рукопись [5]. (... “Чыңгыз-намә”не һәмишә сезгә кайтара алмадым. Тәмам истифадә итәргә вакыт та тапмадым, үзенең дә кыстап сорамадыңыз. Шуңа китапны сезгә үземнең заным берлә Габделгаффар Тәэлифи дип язган идем. Ләкин заным дөрест чыкмады. Габделгаффар Тәэлифи исә “Гомәдәтел-әхбар” исмендә булып 1157–1744 дә Кырымда тәэлиф ителгән. Аның Истанбулда Әсгать әфәнде китапханәсендәгә нөсхәсендән Морад әфәнде кебек мөстәшрик Мартинуич һәм Килбән Ханан нәшере Г. Хилми дә истифадә кылганлар. Ул 329 сөхфәлек бер әсәр булып Кырым әхвалене үз гасырына кадәр китергән. Алтун Урда һәм дә чыңгызлар хакындагы сөхфәләре тарихи әсәрләргә түгел, бәлки халык агызындан ишетелгән. Сүзләргә иснад ителү дә “Чыңгыз-намә” гә бик охшый икән. Габделгаффар тарихының бик мөһим урынларыны Г. Хилми “Килбән Ханан” хашияләрен дә күп күчәргән һәм дә китабының ахырында (с. 224–225) Габделгаффар хакында кыска гына мәгълүмат дә язган. Моңың өстенә Габделгаффар китабы тәмам госманлы шивәсендә булып, арада мәсәлә “тәлфик” дә китерелгән. Бәгъзе бер кыйтгалар гына чыгтайча икән. Дәһи ул “Гомәдәтел-әхбар”ны мөстәшрыйк әл-Әнглис дә истифадә иткән. Шулай итеп “Гомәдәтел-әхбар” үзенә башка, әмма “Чыңгыз-намә” үзенә башка китаплар буладыр. Миндә “Чыңгыз-намә”нең Ташкент гомуми китапханәсендәгә күбә бар...).

вполне возможно, что Р. Фахретдину данная рукопись попала именно таким образом. В 1914 году именно у Р. Фахретдина начинающий тогда исследователь Заки Валиди и «обнаружил» эту рукопись. Позже, в 1919–1920 годах, осозная ценность этого сочинения и скорее всего желая ее изучить, Заки Валиди мог «на время» попросить эту рукопись у Ризэддина Фахретдина. Хотя его путь в Турцию пролежал через Среднюю Азию и с участием в борьбе против Советской России, трудно предположить, что Заки Валиди носил с собой эту рукопись. Поэтому для нас более вероятнее выглядеть, что после того как Заки Валиди обосновался в Турции и занялся научной работой, он начал по памяти собирать важные рукописи и попросил Р. Фахретдина прислать ему эту рукопись. В 1927 году Р. Фахретдин отправил ему по почте. К большому сожалению, Исенбике Тоган, дочь Заки Валиди, при встрече не смогла вспомнить, каким образом эта рукопись оказалось у его отца. Но она знала, что рукопись изначально принадлежала Р. Фахретдину и на мой вопрос, что я ее в готовящемся издании назвал списком Ризаэтдина Фахретдина, она не возразила.

Ташкентская рукопись называется «Чингиз-наме», и такое название приняли В.В. Бартольд и В.П. Юдин. Интересно, что сам З.В. Тоган, человек, который был хорошо знаком с этим сочинением, называл ее «Тарих-и Дост султан» [31, s. 241]. Это название приняли Ю. Шамилоглу, Девиз и другие. Также и Девиз считает, что «Чингиз-наме» был посвящен Дост-султану [22, p. 144], безусловно, Девиз тут следует З.В. Тогану. Так оно и вошло в зарубежную историографию. Такое название, несомненно, Заки Валиди дал на основании того, что полное имя автора сочинения – Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост. Однако, это ошибочное мнение.

Так как сам Утемиш-хаджи упоминает «в хрониках хазрат Дост-султана», «В дафтаре, который находится у гордости султанов хазрат Дост-султана» [16, л. 43а, 54б.] как свои непосредственные письменные источники. Крайне интересно и то, что в сочинении «Умдет ал-ахбар» ал-Хадж Абд ал-Гаффар Кырыми также в качестве письменных источников упоминаются «хроники узбекского Дост-султана», «известная хроника хазрат Дост-султана» [21, Л. 2а, 260-б, 271-б, 274-б.]. Эти тексты, упоминаемые в «Умдет ал-ахбар», могут быть теми же письменными источниками, которые знал Утемиш-хаджи. Кырыми не раз ссылается на их данные, как заслуживающие доверие. Вполне возможно, что эти «хроники хазрата Дост-султана» вошли в сочинение Утемиша-хаджи и не стали отдельным сочинением, тем самым Абдулгаффар Кырыми уже использовал Утемиша-хаджи, или же эти «Хроники» дошли до Кырыми как отдельное сочинение. Но, то что «Хроники хазрата Дост-султана» стали источниковой базой для сочинения Утемиша-хаджи говорит о том, что это совершенно другое сочинение. Вполне возможно, что эти «хроники» были составлены отцом Утемиша-хаджи, который на основе этих хроник создал свой труд. Как сообщает Утемиш-хаджи, эти

«хроники» не удовлетворили Ильбарс-хана, который интересовался историей чингизидов и свои знания он черпал из бесед с людьми, знавшими старинные предания, поскольку сведения из исторических источников его не удовлетворяли.

Безусловно, сочинение Утемиша-хаджи является открыто прошибанидским. Это еще одна причина, почему среднеазиатские шейбаниды решили создать «свою» историю. Наглядно мы это видим и в самом сочинении, где Утемиш-хаджи пишет: «... в трех отношениях огланы Шайбан-хана гордятся и похваляются перед огланами Тохтамыш-хана, Тимур-Кутлы и Урус-хана, говоря: “Мы превосходим вас”... [16, л. 386].

Ссылка Абдулгаффара Кырыми на «Дост Султана» (Утемиша-хаджи?) указывает и на то, что эта история была принята на уровне правителей и возможна была именно та история, о которой упомянул и Эвлия Челеби. Скорее всего, после окончания сочинения Утемиша-хаджи, Иш-султан разослал копии этого исторического труда в те ханства, где правили джучиды. Шейбанидам, создавшим в Средней Азии на обломках бывшего Чагатайского улуса, государство и где существовала богатая историческая литература, было крайне необходимо зафиксировать свое славное прошлое, тем самым, показывая легитимность своей власти на тех территориях, которые до них не принадлежали джучидам. В том же ключе можно рассматривать и труд Абул Гази, который сетовал, что нет хороших историй по истории джучидов.

Безусловно, его не могли удовлетворить сочинения, написанные чагатайскими и тимуридскими, а также иранскими авторами, которые были в Средней Азии, так как в этих трудах история джучидского государства была освещена с позиции противников их рода и государства, и поэтому шибаниды, завоеватели Средней Азии и хотели здесь воссоздать свою историографию.

В татарских ханствах, несмотря на распад Золотой Орды, все же были сохранены исторические труды, хотя и, безусловно, с большими потерями. Среднеазиатские правители из джучидов хотели перенести их в Среднюю Азию в противовес чагатайской и тимуридской историографии. Считаем здесь абсолютно правильным мнение Девина Девиза, который пишет: «вероятно, история Утемиша-хаджи имела лишь минимальное хождение в Центральной Азии; наверное, она была лучше известна в Волжском бассейне, как засвидетельствовано использовавшим ее Абд ал-Гаффаром Кырыми через сто лет после того, как Утемиш-хаджи писал в Хорезме. Очевидно, что Абулгази не знал о его работе, он не упоминает ее и сетует на отсутствие подобной исторической литературы...» [22, р. 158]. Не известно, среди упомянутых 17 (вместо с трудом Рашид ад-дина 18) «Чингиз-наме» был ли и труд Утемиша-хаджи. Но, учитывая, что труд Утемиша-хаджи написан в джучидской исторической традиции и этот факт привлёк бы внимание Абулгази, поэтому мы здесь солидарны с Девином Девизом.

Завоевавшие Среднюю Азию джучиды не удовлетворившись интерпретацией исторических сочинений, существовавших в Средней Азии, прежде всего в изложении истории джучидов, решили создать свое историческое сочинение. Для этого они отправили в Нижнее Поволжье, бывший центр Джучидского государства, и в Большую Орду, собственно к остаткам золотоордынского государства, Утемиша-хаджи. После написания этого сочинения, на наш взгляд, ее копии были разосланы в другие тюрко-татарские ханства, где правили джучиды, а также, возможно и в другие соседние страны. Тем самым новые правители Средней Азии легитимировали свое право владеть данной территорией и показали историю своей династии, а также создание данного труда должно было быть ответом на позицию исторических сочинений, созданных до их прихода в Среднюю Азию. Возможно, так называемые «хроники Дост султана» вошли как составная часть в новый труд Утемиша-хаджи, который как бы расширил и дополнил данные хроники и литературно их обработал. Возможно, в последующие века крымских татар уже не удовлетворял труд Утемиша-хаджи, так как появились языковые отличия, и, самое главное, там не было истории Крымского ханства.

Однако непростая ситуация и в Средней Азии в плане частых войн между джучидскими родами все же здесь не дали возможности перевести устоявшуюся местную историографию на джучидскую, и дальнейшем в Средней Азии был создан более масштабный труд – сочинение Абулгазихана. А труд Утемиша-хаджи по каким то причинам не был распространен, возможно, по причине политической нестабильности в Средней Азии.

Хотя сочинение Утемиша-хаджи и не написано непосредственно в самой Золотой Орде, однако создано в ханстве, где правили джучиды и еще были свежи в памяти людей события, связанные с последними годами существования золотоордынского государства. А учитывая тот факт, что мы располагаем незначительным количеством собственных золотоордынских письменных источников, то такие цельные сочинения, где дается вся история джучидов, очень важна.

При написании «Чингиз-наме» автор, безусловно, использовал исторический материал – «хроники хазрат Дост-султана», и, вполне возможно, был знаком и с другими сочинениями – хранившимися в центре наследственных ханств Золотой Орды, например в Астраханском ханстве. Как сообщает и сам Утемиш-хаджи, сведения для своего сочинения он собирал на Нижней Волге среди татар.

Итак, в чем отличие двух списков? Во-первых, оба списка имеют не достающиеся листы, по какой-то причине в предоставленных копиях турецких коллег не оказалось 15 листа, хотя в книге М.Кафалы транскрипция этой страницы имеется [24], и нам пришлось взять текст оттуда. Поэтому данный лист должна быть в оригинале списка Р.Фахретдина, хранящаяся у Исенбике Тоган, но, к сожалению, нам она осталась не доступной. К сожалению,

издание М. Кафалы, где отсутствуют факсимиле и комментарии и к тому же где оба списка механически объединены, так как в списке Р. Фахретдина отсутствуют начальные листы, в лучшем случае «новой» работой М.Кафалы.

По заверению самого Утемиша-хаджи информацию для своего сочинения он собирал на Нижней Волге среди астраханских и большеордынских татар. Также источником ему служили сведения Ильбарс-хана из шибанидов, у которого он служил, рассказы последнего правителя Большой Орды Шейх Ахмад-хана, некоего Хаджи Нияза из Хаджи-тархана (Астрахани) и Хитай Баба Али, который был улугбеком у Абд ал-Карим-хана, правителя Астраханского ханства. Так что мы абсолютно согласны с японскими исследователями Т. Кавагучи и Х. Нагаминэ [6], что сей труд является историографическим сочинением, а не традиционной устной историологией, как считал В.П. Юдин.

Как уже отметил, при написании «Чингиз-наме» автор, безусловно, использовал исторический материал – «хроники хазрат Дост-султана», и, вполне возможно, был знаком и с другими сочинениями – хранившимися в центре наследственных ханств Золотой Орды, например в Астраханском ханстве. Безусловно, информаторами Утемиша-хаджи выступили правящие круги татарских ханств. Самое интересное, имеющее отношение как к Шейбанидам, так и к Тукайимуридам.

Выходцы из Западной Сибири, средневековые татары, называвшие себя узбеками и отвоевавшими у Тимуридов Среднюю Азию, помня родство с населением других татарских ханств решили создать «чистый» джучидский вариант истории их рода, их государства. Поэтому они и не стали пользоваться богатыми среднеазиатскими историческими сочинениями, а отправили в бывший центр золотоордынского государства Утемиша-хаджи за этой информацией. Возможно запрос некой информации, имеющихся хроник были отправлены и в другие татарские ханства, в Сибирь, в Казань и Крым. Шейбаниды ведь долгое время имели связи и с Сибирью, выступая практически как единое политическое объединение. Да и с Казанью были тесные связи (например, Мулла Шади), тем более в Казани утвердился род последнего единого Золотоордынского хана Улуг Мухаммада. И примечательно, что Утемиш-хаджи уделил больше внимание именно этому хану.

Вопрос о названии этого источника был поднят и японскими исследователями: в опубликованной статье в ежегоднике «Золотоордынская цивилизация» они оставили вопрос открытым и условно приняли название «Чингиз-наме», потому что так называется ташкентская рукопись, и его приняли В.В. Бартольд и В.П. Юдин. В ташкентской рукописи нет ясных упоминаний авторства Утемиша-хаджи, неоспорима и вероятность того, что название это было временным, принятым в какой-то момент при переписке [6, с. 47].

Сведения «Чингиз-наме» еще нуждаются в анализе и в сопоставлении с другими источниками. Кроме описания событий имеются и материалы,

объясняющие некоторые моменты политической истории XV–XVI веков. Приведем несколько примеров. На л. 53а сообщается, что хан Шадибек дал даругу мангытам (ногаям) над Хаджи Тарханом и 30 тыс. алтын «суйургал кылды» [16, л. 53а]. Далее Утемиш-хаджи пишет, что до сих пор эти мурзы получают от Хаджи Тархана 30 тыс. алтын («халэ сакат мирзалары ким Хажи Тархан отуз бин алтын ала турурлар») [16, л. 54а]. Тем самым проливая свет в астраханско-ногайские отношения XVI века.

Утемишем-хаджи уделено много внимания Улуг Мухаммад-хану. Интересным представляется его рассказ о том, как после гибели Кадырберди-хана, беки - Кунграт Хайдар и Ширин Тегене пригласили к себе сына Ичкили Хасана Мухаммад оглана, который находился среди простых воинов и сказали ему, что он единственный из династии¹ и что он сейчас должен возглавить их и стать ханом, на что Улуг Мухаммад ответил: «До этого вы меня не почитали, и если сейчас я стану ханом, вы будете моими нукерами и выполнять мои приказания? Оставьте все это и не смешите людей»². Однако Хайдар и Тегене не унимались и клялись Аллахом, что как и прежним ханам будут служить ему и перед всем войском подняли его на белой кошме (в тексте «йапунжы» (покрывало)) [16, л. 61а].

Этот пассаж показывает, что джучидов-чингизидов было не так и много. Хотя выбор с Улуг Мухаммадом и был удачным. Такая же ситуация была и в дальнейшем, например с ханом Дервишем, про которого сообщается, что он «биакылрак киши ирди. Киши тапмагандын аны ханлады» [16, л. 59 а], т.е. в этом случае выбор был вынужденным, несмотря даже на такое состояние джучида.

Когда из Крыма был изгнан Хаджи Гирей, то он убежал к черкесам, на родину своей матери. По дороге на вопрос, откуда он, Хаджи Гирей отвечает, что идет из государства Улуг Мухаммада [16, л. 71б]. Пока еще Гирейды окончательно не утвердились в Крыму и еще существует Большая Орда. В подтверждение того, что Гирейды в политическом плане продолжали признавать власть Улуг Мухаммада можно привести тот факт, что Хаджи Гирей заключил некое соглашение с Каффой о замене правителя Большой Орды на одного из сыновей Улуг Мухаммада. С этой целью было посольство в Москву. Чем оно закончилось неизвестно. К сожалению, С.П. Карпов только упомянул о нем по генуэзским документам, но не опубликовал сам текст [25]. Можно сказать, что Улуг Мухаммад до конца своей жизни считался для части джучидов ханом всей Золотой Орды.

¹ «Сендэн озгэ хан уругы йок».

² «Та гаять сизлэрнин каршысында хурмэтим йок ирди. Имди мэн хан булып сиз мина нокэр булып мэним хукмун вэ ярлыгымнымы тынларсыз? Куйен бу сузне, мене халкка кулур кылырсыныз тиде».

Утемиш-хаджи детально описывает междоусобные войны и смену друг за другом ханов – это Абулхаер, Кичик Мухаммад, Махмуд-хан, Касым-хан (имеется ввиду большеордынские (Астраханские) ханы) Абдулкерим-хан, Ахмад-хан, Муртаза-хан, Ак Кобэк-хан, Джаббарберди-хан, Сейид Ахмад-хан. Последний прогнал Улуг Мухаммад-хана и тот с помощью хитрости отобрал Казанский вилайат у некоего Асбай Алтун байа. Утемиш-хаджи пишет, что поэтому потомки Улуг Мухаммад-хана до недавнего времени правили в Казанском ханстве (интересно, он употребляет слово там) и приводит имена казанских ханов: Улуг Мухаммад-хан – Махмуд-хан – Халил-хан – Иджим-хан – Абдуллатиф-хан – Мухаммадемин-хан (скончался в декабре 1518 года) [16, л. 70а].

Конец сочинения указан первым месяцем года хиджры, т.е. в мухарреме 959 г.х. (29.12.1551–17.12.1552), соответствующего, скорее всего самому началу 1552 года. Однако далее тем же почерком приводится еще одна дата, насколько мы правильно ее прочитали, 1040 г.х. (10.8.1630–29.7.1631). И эта дата показывает, что был не только переписчик, но и своего рода продолжатель сочинения Утемиша-хаджи. То что конец сочинения переработан переписчиком не вызывает сомнения, однако пока не удалось определить где же начинается это добавление. Показательно и то, что последний раздел сочинения посвящен Гиреидам, потомкам Кучума и Касимовскому ханству (Хан Керману) и практически отсутствует среднеазиатский регион. Также и пассаж о городе Уфе, упомянутый в связи с погребением сына сторонника Кучум-хана принадлежит перу продолжателя Утемиша-хаджи.

На листе 74 б. известно, что сын Али-хана – Арслан-хан русскими был провозглашен ханом в Касимове¹ [16, л. 74б] уже относится к началу XVII века. Как известно, Арслан стал ханом в Касимове в 1614 году и правил до своей смерти в 1626 году [3, с. 274]. Его сын Сейид Бурхан, который также упоминается в исследуемом сочинении не был провозглашен «царем», оставаясь только царевичем касимовским.

Список Ризаэддина Фахретдина сочинения Утемиша-хаджи заканчивается упоминанием Ахмад Гирея, который казаковал в «Тэн боюнда», т.е. на Дону вместе с Шагин Гиреем, братом известного Мухаммад Гирея, который назван почтительно «Хазрети Мухаммад Гирей-хан». Сообщается, что Ахмад Гирей умер в Хан Кермане (в Касимове). Т.е. продолжатель Утемиша-хаджи писал именно до 1630 года.

Переписчик явно был в курсе событий, связанных с внуками Кучум-хана и Гиреидами, с Поволжьем и Приуральем, что указывает по нашему мнению на то, что этот список «Чингиз-наме» явно имеет поволжские корни.

¹ «Олуг оглы Арсланы Хан Кимэниндэ урус кффары ханлык вируб вэ хала мэйт мээкур Кермэндэдур».

Список литературы

1. Бартольд, В.В., Отчет о командировке в Туркестан // Сочинения. Т. 8. М., 1973, с. 119–210.
2. Беляков А.В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиша-хаджи «Кара таварих» (комментарий к тексту) // Золотоордынское обозрение. № 2/ 2018.
3. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: пропосографическое исследование. Рязань, 2011.
4. Валидов А.-З. Восточные рукописи в Ферганской области. Отдельный оттиск из Записок Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XXII. П., 1915. 18 с.
5. “Гомэдэтел-эхбар”, “Чыңгыз-намэ”, “Шэжэрэи-төрк” китаплары хақында // Шура. 1917 ел, икенче сан. 48 бит.
6. Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Ред. И.М.Миргалеев. Вып. 3. Казань, 2010. С. 44–52.
7. Казакстан тарихы туралы туркі деректемелері. Т.1. Отеміс кажы. Шыңгыс-наме / Факсимиле, транскрипциясы, матіннамалык ескертулер, зерттеу макалалар В.П.Юдиндікі. Алғы созін жазган, тусіндірмелері мен корсеткіштерін жасаган М.К.Абусейтова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 400 б.
8. Казакстан тарихы туралы туркі деректемелері. Т.3. Отеміс кажынын «Шыңгыс-намесі» тілінін корсеткіш-создігі. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 304 б.
9. Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя "Чингиз-наме" Утемиша-хаджи о поздних шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / отв.ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
10. Миргалеев И.М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 14–19.
11. Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г. Сведения «Тарих-и Кашгар» о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. Казань. № 2(8)/2015. С. 81–87.
12. Миргалеев И.М. Үтәмеш-хажының “Чыңгыз-намэ” әсәрен өйрәнүдә кайбер сораулар // Фәнни Татарстан. Казан, 2011. Б. 82–84.
13. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгaffара Кырыми // Золотоордынское обозрение. Казань. № 2(4)/2014. С. 35–60.
14. Персидская, арабская и тюркская рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки. Составил Е.Каль. Ташкент, 1889. 75 с.

15. «Тарих-и Кашгар». Анонимная тюркская Хроника владетелей Восточного Туркестана по конец XVII века. Факсимиле рукописи; издание текста, введение и указатели О.Ф.Акимовской. СПб., 2001. 296 с.
16. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
17. Утамиш Ҳожи ибн Муҳаммад Дўстий. Утамиш Ҳожи тарихи (XVI асрга оид туркий тилда ёзилган тарихий манба). Нашрга тайёрловчи ва сўзбоши муаллифи Ғулом Карим. Тошкент: O'zbekiston, 2009. 48 б.
18. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина, Подготовила к изданию Ю.Г.Баранова, Комментарии и указатели М.Х.Абусеитовой. Алма-Ата, 1992.
19. Утемиш-хаджи ибн Маулана Муҳаммад Достӣ. Чингиз-наме. Рук. ИВ АН РУз., инв. № 1552/У, л. 36а–59а.
20. Әбелгазый Баһадир хан. Шәжәрәи төрек. Казан, 2007.
21. ‘Abd ül-Ğaffār. ‘Umdet ül-Ahbār. Süleymaniye Kütüphanesi, Esad Efendi 2331, ff. 2a.
22. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
23. Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluŝ ve Yükseliŝ Devirleri. İstanbul, 1976.
24. Kafalı M. Otemis Hacı'ya Gore Cuci Ulusu'nun Tarihi. Ankara, 2009.
25. Karpov S.P. Ancient Rus' and the Black Sea region in the 13th–15th centuries: Results of new archival studies // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 83. № 3. M., 2013. P. 224–225.
26. Molla Mir Salih Kashqeri. Chinggiz name. Neshrige teyyarlighuchi: Haji Nurhaji. Qeshqer: Qeshqer Uyghur Neshriyati, 1986. 196 p.
27. Ötämiş Hājī, Čingīz-nāma, Introduction, Annotated Translation, Transcription and Critical Text by T. Kawaguchi, H. Nagamine, Supervision by M. Sugahara, Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, Studia Culturae Islamicae No. 94, 2008.
28. Ötemiş Hacı. Çengiz-Nâme, haz. İ. Kamalov. Ankara, 2009.
29. Schamiloglu, U., “The Umdet ül-Ahbar and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde,” Central Asian Monuments, ed. by H.B. Paksoy, Istanbul, 1992, pp. 81–93.
30. Šams-al-Din Kāšāni, Chengiz-nāma, ms. Bibliothèque nationale de France, Suppl. pers. 1443.
31. Togan A.Z.V. Tarihde Usul, İstanbul, 1950.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, Researcher ID : J-9533-2017 (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация), e-mail: dilnur1976@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

"KARA TAVARIKH" BY UTEMISH-HADJI. LIST OF RIZAETDIN FAKHRUTDIN

I. Mirgaleev

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
dilnur1976@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the two main list works by Utemish-Hadji. The author characterizes the full list "Kara tavarikh" that belonged to Riza Fahretdinov. The significance of this work is determined by the fact that it was created in the khanate, where the Juchids ruled and the events connected with the last years of the Golden Horde state were still fresh in people's memory. And given the fact that we have a small number of our own Golden Horde written sources, such complete works, where the whole history of the Juchids is given, is very important.

Keywords: Utemish-Haji, Kara Tavarikh, Genghis-Name, Juchids, Sheibanids, Golden Horde.

References

1. Bartol'd, V.V., *Otchet o komandirovke v Turkestan* // *Sochineniya*. T. 8. M., 1973, s. 119–210. (In Russian)
2. Belyakov A.V. *O vremeni i meste napisaniya prodolzheniya sochineniya Utemisha-hadzhi «Kara tavarikh» (kommentarij k tekstu)* // *Zolotoordynskoe obozrenie*. № 2. 2018. (In Russian)
3. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: proposograficheskoe issledovanie*. Ryazan', 2011. (In Russian)

4. Validov A.-Z. Vostochnyya rukopisi v Ferganskoj oblasti. Otdel'nyj ottisk iz Zapisok Vostochnago Otdeleniya Imperatorskago Russkago Arheologicheskago Obshchestva. T. XXII. P., 1915. 18 s. (In Russian)
5. “Gomədatel-əhbar”, “Chungyz-namə”, “Shəjəgəi-tərk” kitaplary hakynda // Shura. 1917 el, ikenche san. 48 bit. (In Tatar)
6. Kavaguchi T., Nagamineh H. Nekotorye novye dannye o «CHingiz-name» Utemish-hadzhi: v sisteme istoriografii v Dasht-i Kipchake // Zolotoordynskaya civilizaciya. Sbornik statej. Red. I.M.Mirgaleev. Vyp. 3. Kazan, 2010. S. 44–52. (In Russian)
7. Kazakstan tarihy turaly turki derektemeleri. 1 tom. Otemis kazhy. SHyngys-name / Faksimile, transkripciyasy, matinnamalyk eskertuler, zertteu makalalar V.P.YUdindiki. Algy sozin zhazgan, tusindirmeleri men korsetkishterin zhasagan M.K.Abuseitova. Almaty: Dajk-Press, 2005. 400 b. (In Kazakh)
8. Kazakstan tarihy turaly turki derektemeleri. 3 tom. Otemis kazhynyn «Shyngys-namesi» tilinin korsetkish-sozdigi. Almaty: Dajk-Press, 2006. 304 b. (In Kazakh)
9. Mirgaleev I.M. Soobshchenie prodolzhatelya "CHingiz-name" Utemisha-hadzhi o pozdних shibanidah // Istoriya, ehkonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoj Sibiri: materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Kurgan, 17–18 aprelya 2014 g.) / otv.red. D.N. Maslyuzhenko, S.F. Tataurov. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos.un-ta, 2014. S. 64–66. (In Russian)
10. Mirgaleev I.M. «Chingiz-name» Utemisha-hadzhi: perspektivy izucheniya // Zolotoordynskaya civilizaciya. Sbornik statej. Vypusk 4. Kazan: OOO «Foliant», Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2011. S. 14–19. (In Russian)
11. Mirgaleev I.M., Sajfetdinova E.H.G. Svedeniya «Tarih-i Kashgar» o Zolotoj Orde // Zolotoordynskoe obozrenie. Kazan. № 2(8)/2015. S. 81–87. (In Russian)
12. Mirgaleev I.M. Ytəmesh-haǰınyñ “Chungyz-namə” əsəren öjrənydə kajber soraular // Fənni Tatarstan. Kazan, 2011. B. 82–84. (In Russian)
13. Mirgaleev I.M., Pashaoglu D.D. Obzor sochineniya «Umdet al-ahbar» Abdulgaffara Kyrymi // Zolotoordynskoe obozrenie. Kazan. № 2(4)/2014. S. 35–60. (In Russian)
14. Persidskiya, arabskiya i tyurkskiya rukopisi Turkestanskoj Publichnoj Biblioteki. Sostavil E.Kal'. Tashkent, 1889. 75 s. (In Russian)
15. «Tarih-i Kashgar». Anonimnaya tyurkskaya Hronika vladetelej Vostochnogo Turkestana po konec XVII veka. Faksimile rukopisi; izdanie teksta, vvedenie i ukazateli O.F.Akimushkina. SPb., 2001. 296 s. (In Russian)
16. Utemish-hadzhi. Kara tavarikh / Transkripciya I.M. Mirgaleeva, E.H.G. Sajfetdinovoj, Z.T. Hafizova; ierevod na russkij yazyk I.M.Mirgaleeva, E.H.G. Sajfetdinovoj; obshchaya i nauchnaya redakciya I.M.Mirgaleeva. Kazan: Institut istorii im. SH.Mardzhani AN RT, 2017. 312 s. (In Russian)

17. Utamish Xozhi ibn Muxammad Dystij. Utamish Xozhi tarihi (XVI asrga oid turkij tilda yozilgan tarihiy manba). Nashrga tajyorlovchi va s'yzboshi muallifi Fulom Karim. Toshkent: O'zbekiston, 2009. 48 b. (In Russian)
18. Utemish-hadzhi. CHingiz-name. Faksimile, perevod, transkripsiya, tekstologicheskie primechaniya, issledovanie V.P.YUdina, Podgotovila k izdaniyu YU.G.Baranova, Kommentarii i ukazateli M.H.Abuseitovoj. Alma-Ata, 1992. (In Russian)
19. Utemish-hadzhi ibn Maulana Muhammad Dosti. CHingiz-name. Ruk. IV AN RUz., inv. № 1552/U, l. 36a–59a. (In Russian)
20. Əbelgazyj Bahadır han. Shəxərəi terek. Kazan, 2007. (In Tatar)
21. 'Abd ül-Ğaffār. 'Umdet ül-Ahbār. Süleymaniye Kütüphanesi, Esad Efendi 2331, ff. 2a.
22. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
23. Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.
24. Kafalı M. Otemis Hacı'ya Gore Cuci Ulusu'nun Tarihi. Ankara, 2009.
25. Karpov S.P. Ancient Rus' and the Black Sea region in the 13th-15th centuries: Results of new archival studies // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 83. № 3. M., 2013. P. 224–225.
26. Molla Mir Salih Kashqeri. Chinggiz name. Neshrige teyyarlighuchi: Haji Nurhaji. Qeshqer: Qeshqer Uyghur Neshriyati, 1986. 196 p.
27. Ötämiş Hājī, Čingiz-nāma, Introduction, Annotated Translation, Transcription and Critical Text by T. Kawaguchi, H. Nagamine, Supervision by M. Sugahara, Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, Studia Culturae Islamicae. No. 94. 2008.
28. Ötemiş Hacı. Çengiz-Nâme, haz. İ. Kamalov. Ankara, 2009.
29. Schamiloglu, U., "The Umdet ül-Ahbar and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde," Central Asian Monuments, ed. by H.B. Paksoy, İstanbul, 1992, pp. 81–93.
30. Šams-al-Din Kāšāni, Chengiz-nāma, ms. Bibliothèque nationale de France, Suppl. pers. 1443.
31. Togan A.Z.V. Tarihde Usul, İstanbul, 1950.

About the author: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420014, Kazan, Baturin str. 7, Russian Federation), e-mail: dilnur1976@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

«МОРЬ И ГЛАД» НА ТЕРРИТОРИИ РУСИ И В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ (X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВВ.)

Т.Ф. Хайдаров

Казанский Федеральный университет

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

timkh2000@yandex.ru

Резюме. *Цель:* показать современные взгляды на возникновение и распространение в Средние века «Чёрной смерти», исходя из представленной в русских и персидских летописях информации реконструировать этот процесс.

Материалы исследования: помимо опубликованных в 2010-х гг. работы современных учёных в исследовании были использованы опубликованные ранее письменные источники на русском и персидских языках.

Результаты и научная новизна: В ходе проведённого анализа современных работ специалистов в области эпидемиологии, генетики и истории «Чёрной смерти» были определены наиболее ключевые даты в процессе зарождения и распространения данного заболевания на территории русских княжеств и Золотой Орды. Это позволило несколько по-иному взглянуть на существовавшие в средневековом русском и татарском обществе представления об этом бедствии. Фактически можно говорить о сформированном до начала средневековой эпидемии чумы нарративной традиции. Собственно, возникновение в степных районах Улуса Джучи являлось достаточно длительным процессом. Наиболее крупные этапы нашли отражения в текстах письменных источников. Проведённый ранее отечественными специалистами анализ летописных сводов зачастую грешил неточностями и домыслами. Так, один из самых цитируемых отечественных авторов Ф.А. Дебрек для подтверждения своих слов при анализе более ранних эпидемических вспышек мог прибегнуть к использованию приведённой для более поздних эпидемий симптоматики. Таким образом, обращение к повторному текстологическому анализу русских летописных сводов позволило выявить укоренившиеся в отечественной историографии ряд фактических ошибок в области изучения средневековых эпидемий.

Ключевые слова: «Черная смерть», современные подходы в изучение темы, русские летописные своды, эпидемии, массовый голод.

Введение

Достаточно продолжительный период в западной историографии представления об эпидемии «*Чёрной смерти*» на пространствах Великой Русской равнины ограничивались сообщением Габриэле де Муси о возникновении после бомбардировки войсками золотоордынского хана Джанибека осаждённой в Крыму генуэзской колонии Каффы неизвестной ранее европейцам болезни. В результате, Крымский полуостров в западной историографии стал восприниматься, как один из возможных регионов исхода «*Чёрной смерти*». Остальная территория России, вследствие незнания отечественного историко-эпидемиологического корпуса и отсутствия подтверждённых массовых погребений эпохи эпидемии средневековой чумы, практически до 1970-х г. оставалась вне рамок научных интересов западных исследователей. Несмотря на это в западных научных произведениях можно встретить ссылки на труды отечественных эпидемиологов.

Одним из наиболее часто цитируемых на Западе считаются исследования советского исследователя Ю.М. Ралль [25]. Именно его взгляды легли в основу работ одного из крупнейших западных теоретиков середины XX в. Р. Поллитцера [46]. Благодаря его разработкам территория бывшего СССР была вписана в общий контекст распространения в Средние века «*Чёрной смерти*». Последовавшая в 1970–2000-х гг. публикация монографий Д.Т. Александра, Л. Лангера, М.В. Долса, Ю. Шамильоглу и О.Й. Бенедиктова позволила не только доказать обоснованность этих предположений, но и за счёт привлечения текстов русских летописей и арабских хроник значительно раздвинуть хронологические границы вспышки эпидемии средневековой чумы [28; 29; 30; 38, 39; 42; 43; 48; 49].

В отличие от них отечественные авторы, исходя из анализа русских летописных текстов, не только признавали наличие данного факта в истории России, но и одними из первых в мире пришли к выводу о ведущем положении территорий Золотой Орды в процессе зарождения и распространения «*Чёрной смерти*». В тоже время, все выводы делались под влиянием представителей естественно-научного направления. Поэтому зачастую в определении той или иной вспышки могли быть допущенные грубейшие ошибки.

Методология

Если же в целом говорить о современном уровне развития изучения «*Чёрной смерти*», то здесь можно говорить о доминировании теорий и методов естественно-научных направлений. Если основу отечественных исследований по сию пору составляет *теория природной очаговости трансмиссивных заболеваний человека*, то среди западных специалистов вместо разработанного ещё середине XX в. на основе данной теории учения о медицинской экологии получил популярность лабораторный метод полимерной цепной реакции (ПЦР). В основу данного метода было положено

удвоение исходной молекулы ДНК с помощью фермента ДНК-полимеразы. Это позволяет выявить на основе анализа биологических находок человеческих останков (зубов, копчиковой кости) наличие у человека в историческом прошлом тех или иных заболеваний. Одним из самых первых исследований, где на практике был применён данный метод стала статья китайской исследовательской группы во главе с Куи Юуном [37]. В результате проведённых лабораторных исследований костных остатков погибших в Китае во время «Чёрной смерти», авторы статьи подтвердили предположение относительно того, что основным возбудителем эпидемии средневековой чумы могла стать переносимая крысами бактерия *Yersinia pestis*. Кроме того, применение во время своих изысканий вышеуказанного метода, позволило китайским ученым определить: 1) возможный регион возникновения «Чёрной смерти» – Цинхай-Тибетское нагорье; 2) временные промежутки эволюции из относительно безвредного почвенного патогена *Yersinia pseudotuberculosis* чумной бактерии *Yersinia pestis* (4394 г. до н. э. – 510 г. н. э.) и появление бубонной формы чумы (6409 – 1505 г. до н. э.) [37, р. 578].

Представленные выводы способствовали проведению аналогичных исследованиям в других регионах мира. Одной из обсуждаемых в 2015 г. явилась статья международной исследовательской группы датчанина С. Расмуссена [47]. На основании данных из расположенных на территории Сибири, Кавказа, Урала, Прибалтики, Польши археологических памятников бронзового века, а также современных образцов из Китая были в целом подтверждены выводы группы Куи Юуна. Однако, главным достижением группы С. Расмуссена явилось конкретизация с точностью до 95% временного интервала возникновения чумной бактерии *Yersinia pestis* (78803 – 34659 г. до н. э.). Предложенный временной промежуток в полтора / два раза удрежнял первоначальные оценки временного промежутка этого события (28–26 тыс. до н. э.). Аналогичные выводы были сделаны относительно возникновения бубонной формы (7022–5021 г. до н. э.). Являясь сторонниками гипотезы отнесения «Чёрной смерти» именно к лёгочной форме чумы, группа С. Расмуссена определили примерную дату её появления – 2746 г. до н. э.

Если в целом говорить о выводах сделанных данной группой, то можно заключить, что о существовании опасных для человека штаммов чумы можно говорить только начиная с конца IV – начала III тыс. д.н.э. Именно в этот период, согласно данным исторических источников, и были зафиксированы крупные вымирания населения, масштабные миграции народов, основная масса социальных и политических потрясений. Возникновение, распространённых во время «первой и второй пандемий чумы» штаммов заболевания произошло в начале I-го тыс. д.н.э. Именно тогда, как предположили члены группы С. Расмуссена, и возникла полная адаптация бактерии *Yersinia pestis* к блохам и их носителям – мигрирующих синантропическим видам степных грызунов.

Более подробный анализ генома штамма средневековой чумы был сделан исследовательской группой Йоханнеса Краузе [51]. Сравнив данные полученные из погребений времен «*Чёрной смерти*» в Барселоне, Эльвангене (Германия) и Булгаре (республика Татарстан, Россия) исследователи пришли к выводу, что практически все зафиксированные в исторических источниках вспышки средневековой чумы были вызваны одним и тем же штаммом бактерии *Yersinia pestis*. Радиоуглеродный анализ сопутствующего материала из археологических раскопок (вещественных источников и монет) позволил определить примерный временной промежуток крупных вспышек в трех городах (Барселона (1300–1420), Булгар (1298–1388), Эльванген (1486–1627)), что в значительной степени коррелируется с данными, указанными в письменных источниках (1362–1363 гг. для болгарских данных) [51, р. 875].

Для более глубинного понимания процессов все полученные методом ПЦР данные были сравнены с опубликованными ранее результатами исследований, полученных в мире и на территории стран бывшего Советского Союза, современных проб чумы. На их основе исследователями были сделаны выводы:

1) определяющую роль в начале «*Чёрной смерти*» сыграли не африканские и южнокитайские, а расположенные восточнее Каспийского моря и связанные с Великим шелковым путем несколько крупных эпидемических очагов;

2) на всем пространстве европейского континента во время Второй пандемии чумы активность проявлял штамм бактерии чумы, имеющий восточное происхождение, то есть пришедший из глубин Центральной Азии по Великому шёлковому пути;

3) в распространении эпидемии участвовали не только крысы, но и другие виды степной фауны [51, р. 876].

Таким образом, исследовательской группе Й. Краузе благодаря анализу данных полученных из захоронений г. Булгара удалось несколько по-иному взглянуть на проблему возникновения и распространения бактерии чумы во время Второй пандемии. Тем самым была создана совершенно иная, чем это принято в западной научной среде картина распространения «*Чёрной смерти*». Правда для дальнейшего осмысления этого процесса, по признанию членов исследовательской группы, крайне необходимо получение новых данных с Кавказа и Поволжья, а также продолжить наблюдение за миграционными путями степных грызунов [51, р. 880].

Среди наиболее крупных критиков взглядов Й. Краузе можно выделить американского исследователя М.Г. Грин. Последняя акцентировала внимание на палеобиологии и филогенетике происхождения бактерии *Yersinia pestis* [40; 41; 42]. Исходя в вопросах начала «*Чёрной смерти*» из выводов группы Куи Юуна, американский специалист определил важную роль в этом процессе, последовавшем после масштабных извержений вулканов в изменении

климата. Наиболее крупные из них были зафиксированы в районе 535, 1257 и 1340-х гг. Именно вокруг этих дат современные ученые отметили значительные изменения климата и последующее возникновение крупных пандемий. Прямым примером подобного взаимодействия является климатическое похолодание середины VI в. н. э. и «чума Юстиниана».

Возможно, аналогичная взаимосвязь существовала, между похолоданием начала XIV в. и «Чёрной смертью». Однако, по мнению М.Г. Гринн, это окончательно не снимает вопрос с определением возможного периода активизации распространённой во время Второй пандемии формы чумы. Исходя из позиции уже упомянутой группы Куи Юуна, американский исследователь определяет возможную дату начала этого процесса в районе 1268 г.

В вопросе определения эволюции бактерии *Yersinia pestis* из менее опасной для человеческого вида *Yersinia pseudotuberculosis*, американский исследователь склонялся к временному промежутку 20436 – 1056 гг. до н. э. Собственно, появление «Чёрной смерти» было датированно М.Г. Гринн временным промежутком между 4394 г. до н. э. и 510 г. н. э. [41, р. 35]. При этом было признано, что основными носителями и переносчиками данного заболевания скорее всего были как грызуны (дикие белки, крысы, байбаки, суслики), так и другие млекопитающие (овцы, лошади, верблюды). Кроме того, вши наравне с крысиными блохами были признаны американскими исследователем одними из возможных переносчиков чумных бактерий. Впрочем, без наличия на пространствах евразийского континента широкой сети торговых путей эпидемия средневековой чумы не достигла таких масштабов, а уровень смертности не вырос бы до таких катастрофических величин [41, р. 32–34].

Если же в целом говорить об оценках убыли населения во время «Чёрной смерти», то М.Г. Грин исходила из месторасположения поселения людей. Чем выше была его транспортная связанность или близость к природным очагам, тем выше был среди населения процент потерь. В целом, по подсчётам исследователя, смертность среди населения могла достичь от 30% до 60% от эпидемических величин. При этом в эти данные не входили потери предшествующие «Чёрной смерти» вспышек. Согласно точке зрения американского исследователя, в период между двумя пандемиями чумы на всем притяжении афроевразийского пространства было зафиксировано большое число локальных вспышек чумы и иных эпидемических заболеваний. Исходя из этого Вторую пандемию чумы скорее надо рассматривать как своеобразный средневековый эпидемический пик [41, р. 34].

Роль климата в процессе зарождения и распространения «Чёрной смерти» в своей статье отметили швейцарский климатолог У. Бюнген и норвежский исследователь Б.В. Шмидт [50]. В ней на основе результатов, полученных в 2013–2014 гг. в ходе дедрохронологического анализа

европейской и азиатской растительности¹, прокси-климатических исследований взятых близ чумных очагов водоемов осадочных пород², была выявлена в период с 1347 по 1837 г. корреляция между крупными европейскими эпидемиями и природно-климатическими изменениями в Центральной Азии.

По мнению авторов статьи, прямыми следствиями произошедших климатических изменений стало резкое увеличение количества переносимой одной песчанкой, сусликом или алтайским сурком чумных блох. Численный рост насекомых в итоге и способствовал ускорению процесса поиска альтернативных хозяев. Одной из самых крупных их добычей становится наиболее массовый живущий поблизости живой организм – человек. Поскольку исследователям не были доступны данные климатических изменений в районах расположения природных очагов чумы, ими было высказано предположение, что начало крупных европейских вспышек чумы было напрямую связано с миграцией из природных очагов Центральной Азии диких животных и масштабными климатическими изменениями³. Таким образом, по заключению Б.В. Шмидта и У. Бюнгена, важную роль в начале «*Чёрной смерти*», сыграла миграция из района Каракорума в прикаспийский регион заражённых чумными блохами песчанок. Тем самым, фактически были поставлены под сомнение господствующие в западной научной мысли тезисы: 1) процесс возникновения «*Чёрной смерти*» имел неожиданно

¹ В этой статье было несколько популярных на сегодняшний день исследовательских методов. Среди перечисленных выделяется метод дендрологического анализа. Последний основанный на исследовании зависимости годичного радиального прироста дерева от комплекса метеорологических факторов и, прежде всего, от количества тепла и влаги. При помощи дендрохронологического анализа получают так называемый индекс прироста древесных колец, который затем возможно перевести в температурные значения. Однако в настоящий момент удовлетворительных климатических реконструкций для центральной части территории Русской равнины, построенных с использованием дендрологических данных, не существует. Связано это с тем, что оптимальные результаты этот метод даёт, когда в качестве индикатора колебаний температуры используются характеристики роста деревьев, произрастающих в условиях недостатка тепла, а именно – на северных границах леса или в предгорьях. См.: [13]. В статье для получения климатических данных по Золотой Орды были использованы исследования проб полученных из пород Каракорумского хребта.

² В отечественной науке более распространен палинологический анализ данных полученные из верхних фрагментов наиболее представительных разрезов торфяников. Эти материалы содержат ископаемую пыльцу растительности, видовой спектр которой определённым образом связан с важнейшими климатическими параметрами. Привлекательность палинологических данных заключается в том, что они дают конкретные значения температур, правда в лучшем случае лишь по двум – зимнему и летнему – сезонам. Подробно см. [12].

³ В статье У. Бюнгена и Б.В. Шмидта для получения климатических данных по Золотой Орды были использованы исследования проб полученных из пород Каракорумского хребта.

взрывной характер; 2) она являлась формой европейской портовой бубонной чумы [50, р. 3023].

Для теоретического осмысления темы «*Чёрной смерти*» определённый интерес представляет монография профессора белфастского университета Б.М.С. Кэмпбелла [34]. Ещё в опубликованных в 2010-м г. статьях он обратил внимание на определяющую роль в процессе возникновения эпидемии средневековой чумы вспышек солнца, климатических изменений, антропологического и экологических факторов [31; 32]. В этом современный британский исследователь близок к взглядам Б.В. Шмидта, У. Бюнгена и М.Г. Грин. Достаточно новаторским выглядит его предположение относительно систематического возникновения перед вспышками эпидемии чумы среди домашних животных крупных эпизоотий. Для «*Чёрной смерти*» такое бедствие было зафиксировано в 1314 – 1321 годах. Также профессором Белфастского университета было подмечено, что определенную роль в этом процессе сыграли климатические аномалии и снижение солнечной активности [31, р. 14; 34, р. 229–230]. Результатом чего стало наступление около 1280 г. «*Малого Ледникового периода*». Правда, по заключению самого исследователя, это не был единый процесс. Б.М.С. Кэмпбеллом были определены два пика климатических изменений в 1282–1342 и 1416–1534 гг. Причем сюда наложился период солнечного минимума (с 1270 по 1480 гг.) [35, р. 865]. Внешним проявлением этих процессов стало около 1340 г. обострение на всём пространстве Европы и Ближнего Востока политической ситуации. Другим последствием, и куда более важным, по мнению исследователя, явился кризис сельского хозяйства и животноводства, что ускорило наступление масштабного голода [34, р. 253–262]. Проанализировав цены на пшеницу в Англии и Тоскане, исследователь определил самый голодный период – 1328–1333 гг. В условиях сформировавшейся единой торговой и транспортной системы голод в этот период принял катастрофический масштаб. Если сюда добавить ухудшение климата накануне вспышек «*Чёрной смерти*», проявлявшееся в чередовании суровых зим, масштабным выпадением осадков в весенне-летний период и засушливым летом, то становится понятна основная причина большой смертности среди населения в 1346–1352 гг. [33, р. 144–147].

Таким, образом, по мнению Б.М.С. Кэмпбелла, именно глобальное изменение климата напрямую способствовало возникновению в расположенных в глубине евразийских степей природных очагах Второй пандемии чумы [34, р. 277–289]. В своих взглядах на биологию «*Чёрной смерти*» учёный исходит из того, что регионом возникновения данного заболевания необходимо считать Цинхай-Тибетское нагорье. Именно в период средневекового климатического оптимума в этом регионе и сложились наиболее благоприятные условия для жизнедеятельности и развития популяции, являвшихся основными носителями бактерии *Yersinia pestis*, самых массовых

местных видов синантропических грызунов (сусликов и сурков). Масштабные изменения начались, когда вследствие колоссальных климатических изменений начала XIV в., произошло усиление миграционных потоков выше указанных видов степной фауны с последующим численным сокращением их популяции. В этих условиях чумные блохи нашли себе нового носителя – крыс. Скорее всего, по мнению Б.М.С. Кэмпбелла, произошло это в районе расположенным между озером Иссык-Куль (Кыргызстан) и побережья Каспийского моря. Одной из главных причин смены носителя профессором Белфастского университета был назван факт того, что данный вид грызунов, как биологический организм, является более восприимчивыми к заболеванию, чем те же сурки или суслики. Именно, после этого стало возможным начало «*Чёрной смерти*», то есть менее опасная эпизоотия смогла эволюционировать в сторону более опасной для человека панзоотии¹.

Так в период между 1346 и 1475 гг. вспышки средневековой чумы были зафиксированы в Западной Европе в 1348 – 1350, 1360 – 1362, 1369, 1374, 1399 – 1401, 1438 – 1439, 1450 – 1452, 1454 – 1457 и 1463 – 1475 гг.) [34, р. 344–351]. Прямым следствием последних, по признанию самого исследователя, явился в XVI в. резкий рост на всем пространстве Евразийского континента количества политических и экономических кризисов. Впрочем, из-за недостаточной доказательной базы, заключает учёный, подобная оценка событий должна рассматриваться исключительно, как гипотеза, так как пока не совсем ясен основной механизм возникновения «*Чёрной смерти*» [34, р. 286–289]. Фактически Б.М.С. Кэмпбелл стал рассматривать данное историческое явление, как своеобразную точку бифуркации развития современной человеческой цивилизации.

Как показали современные исследования средневекового штамма чумы и эпидемиологии данного заболевания, в процессе её возникновения и распространения в древности крайне необходимо было наличие нескольких сопутствующих факторов. Главных из которых были названы: 1) неблагоприятные природно-климатические условия; 2) уровень популяции основных переносчиков чумой бактерии *Yersinia pestis* мигрирующих, синантропических

¹ Эпизоотия – широкое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на значительной территории (следует отличать от энзоотии), значительно превышающее уровень заболеваемости, обычно регистрируемый на данной территории. Говоря простым языком, эпизоотия – это «эпидемия у животных». Панзоотия – необычайно широкое распространение инфекционной болезни животных, охватывающее страну, группу стран, континент. Является высшей степенью эпизоотии. Она может начаться при соблюдении трёх условий:

- 1) появление новой, ранее не наблюдавшейся болезни;
- 2) происходит заражение нескольких распространённых видов животных, и заражение вызывает тяжелую болезнь;
- 3) инфицирующий агент легко и жизнеспособно распространяется среди животных.

видов степной фауны; 3) периодичность сейсмической и солнечной активности; 4) наличие природных очагов заболевания; 5) достаточно длительное нахождение в стрессовом, проживающих близ них, человеческих сообществах. Уровень их взаимодействия в конечном итоге и определил масштабность бедствия в прошлом.

Обсуждение

Пожалуй, наиболее полная информация о средневековых эпидемических вспышках содержится в русских летописных сводах. Одной из первых, зафиксированных в русских летописях, стала разразившаяся в 979 г. на территории Киевского княжества эпидемия [29, р. 14; 45, р. 8 – 9;]. *«Въ лето 6487 быша знаменія въ луне, и въ солнце и въ звездахъ, и быша громи велцы и страшни, и ветри силни съ вихромъ, и много пакости бываху человекомъ, и скотомъ, и зверемъ леснымъ и полскимъ»* [20, с. 39]. Одними из первых, кто ввёл данную вспышку в научный оборот стал Й.Т. Александр [29, с. 13]. Если исходить из позиции американского руссиса, охватившее небольшое число жителей, данная эпидемия являлась, возникшей на территории восточнославянских княжеств, местной локальной вспышкой чумы. Более пристальный взгляд на данный отрывок раскрывает несколько иную картину происходящего. Хотя нельзя получить конкретную информацию как о месте и временном промежутке происходящем, так и определить конкретную форму заболевания. В то же время, как приведённое описание небесных явлений и мор среди животных указывает на достаточно крупную вспышку эпидемического заболевания среди людей. Один из главных вопросов на который хочется ответить при анализе данного отрывка, заключается в определении самого заболевания. Если исходить из представленной в хрониках Никифора Григора о разразившейся во время *«Чёрной смерти»* эпизоотии среди животных. Также вызывает вопрос локализации данного бедствия на пространства Великой Русской равнины. Скорее всего, из представленной в Никоновской летописи общегодовой записи указание на прибытие ко двору Ярополку печенежского князя Илдея, что может свидетельствовать о возможной вспышке эпидемии в районе Киева и её степное происхождение. Из всего выше сказанного можно заключить, что это скорее всего была вспышка чумы. О возможной одновременной параллельной вспышке нескольких эпидемических заболеваний ещё в конце XIX в. лабораторными исследования подтвердили отечественные эпидемиологи. Однако, нельзя понять из приведённого летописного отрывка являлась данная вспышка локальной или же была продолжением *«Юстиниановой чумы»*. В то же время, можно говорить о том, что описание *«мора лета 6487»* заложило в русском летописании нормы и словесные формы в передаче информации об эпидемиях.

Следующей зафиксированной в летописях стала эпидемия 1042 г. Единственными кто в отечественной историографии указал на неё были в

1980-е г. Е.П. Борисенко и В.М. Пасецкий [4, с. 243]. «Въ лето 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославъ, на ямъ, и победи а, и плени множество Ями; и помроша кони у Володимерыхъ вой, яко еще дышуцимъ конемъ, сдираху кожи съ нихъ съ живыхъ; таковъ бо бе море на кони» [20, с. 82]. Как показывает текстологический анализ представленного отрывка, во время похода в земли финского пленения ямъ в войске сына Ярослава Владимира разыгралась по всей вероятности вспышка сибирской язвы.

Если говорить о следующей вспышке чумы в степи, то скорее всего последняя произошла в 1060-м г. во время похода великого киевского князя Изяслава в земли «торков». «В лето 6568 Изяславъ, Всеволодъ и Всеславъ съвокупиша вои бе-щисла и придоша на конехъ, в лодіяхъ, бесициленное множество, на Торки. Се слышавъ, Торци побегоша и до сего дні, и пороша бегаючи, Божіимъ гневомъ гоніми; ови отъ зимы оумроша, а дружиши гладомъ, иніи же моромъ и соудомъ Божіим. И такои избави Богъ крестьяны отъ поганыхъ» [18, с. 120]. Главное, что здесь можно отметить – наравне с эпидемией среди кочевников был зафиксирован масштабный голод. Все эти бедствия так или иначе летописцы связали с «гневом Божіим», а сами её последствия с счастливым избавления крестьян. Таким образом, можно отметить, что во второй половине XI в. в русской летописной традиции сформировалось достаточно чётко представление об эпидемиях.

Подтверждением чему является описание вспышки 1094 г. Хотя традиционно в отечественной историографии указан 1092 г. Однако, в самих летописных сводах четко указывается на «лето 6602». «Знаменіе. Предивно бысть въ мечте, бываше въ ноши станяше тутно по улицамъ, аки человеци ришуще беси: аще кто вылазаше изъ храмины, хотя видети, и уязвень бываше невидимо отъ бесовъ язвою, и съ того умираше, и не смеаху излазити не хоромовъ; и по семъ начяша во днехъ являтися на конехъ, и не бе ихъ видети самихъ, но коней ихъ видети копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и ихъ область; темъ бо и человеци глаголаху: яко навіе біють Полочаяны. Се бо знаменіе поча быти отъ Дрютьска. Того лета бысть знаменіе на небеси, яко кругъ бысть посреди неба превеликъ. Того же лета ведро бяше, яко изъгорае земля, и мнози боры возгараху сами и от болота; и многа знаменія бываху по местомъ; и рать велика бяше отъ Половецъ и отсюду, и взяца 3 грады: Песочень, Переволку, Прилукъ; и многы села повоеваша, и стояше Половци по обема странама. Того же лета воеваша Половцы Ляхи съ Василкомъ Ростиславичемъ. Того же лета умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. Того же лета мнози человеци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающей корсты: яко продахомъ корсть отъ Филипова дни до мясопуста 7000. Се же бысть грехи наша, яко умножишася греси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имети и покаяніе и востягнути ся отъ греха, и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ делъ и неприязненныхъ сетей» [20, с. 118–119].

Достаточно подробно этот летописный отрывок был проанализирован в работе А.П. Бужилой. Согласно её интерпретации, болезнь началась в Друцке и очень скоро охватила Полоцк и все окрестные земли. Судя по приведённому описанию клиники заболевания, данное бедствие воспринималось современниками как нечто необычное. Внезапность эпидемии, её широкое распространение, а также быстрая скорость при наступлении летального исхода побудил летописцев объяснять появление этого явления через проявление сверхъестественных сил. Впервые в русском летописании при описании подобного бедствия можно встретить указание на период распространения заболевания (с 14 ноября по 1 февраля) и общее количество погибших (7 тыс. человек).

По мнению современного отечественного антрополога, приведённая в данном тексте клиника заболевания указывает на её достаточно большую скорость распространения и особую остроту протекания. Ввиду того что летописец в начале обозначал заболевание словом язва, а чуть ниже – рана, можно предположить, что данная эпидемическая вспышка имела инфекционную природу. Однако, диагностировать из представленных внешних признаков конкретный вид заболевания не представляется возможным [5, с. 286].

Если же говорить об общих чертах с описанием *«мора лета 6568»* то в качестве одной из главных причин начала эпидемии был назван *«гнев Божий»*, кроме того обе вспышки проходили на фоне обострения военной обстановки. Но в отличие от эпидемии 1060-го года, вспышка 1094 г. разыгралась на фоне складывания неблагоприятных природно-климатических условий. Скорее, всего в обоих случаях природные очаги обеих эпидемий необходимо искать в степных районах.

В XII в. ситуация с фиксацией эпидемий в русских летописных текстах оставалась на уровне XI в. В целом её можно охарактеризовать, как не системную. Среди наиболее часто упоминаемых в отечественной историографии вспышек 1000-х г. указываются *«мор лета 6662»* (1154 гг.) [20, с. 198]. Фактически речь шла о совместном хождении эпидемий и эпизоотий.

Другой, отработанной в отечественной историографии, вспышкой XII в. является *«мор лета 6695»* (1187 г.). *«Въ томъ же лете бысть болѣсть силна въ людехъ, не бѣше бо ни одного двора безъ болищаго, а въ иномъ дворе никогоже не бѣше здороваго, некому бѣше и воды подати, ано все лежить болно. Богъ казнить рабы своа напастми различными, водою, огнемъ, болезными тяжкими. Соломонъ бо рече: болестымъ в теле часто пребывающимъ, не обленится и сама смерти приити»* [22, с. 277–278]. Данная вспышка была хорошо проанализирована в начале XX в. отечественным исследователем Ф.А. Дебрека. Согласно его точке зрения, последняя разразившись в Новгороде, очень скоро охватила окрестные земли. Исходя из того, что в это время в Западной Европе бушевало несколько эпидемий, то скорее всего именно там и надо искать истоки данного мора. Ни о форме, ни

о времени начала заболевания узнать из приведённого источника невозможно [11, с. 8].

В тоже время, присутствие указания на описанные в Библии «соломоновы страдания» свидетельствуют о достаточных знаниях русских летописцев о природе данного заболевания. Скорее всего речь шла о вспышке в Новгороде, вызываемого через употребления заражённой грибом спорыньи муки, «Антоновым огнём» или эрготизма. Одной из главных особенностей данного заболевания являлась наличие взаимосвязи с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Впоследствии, именно вспышка данного заболевания частенько сопутствовала в голодные годы население в русских княжествах.

Следующий XIII в. не принёс спокойствия на пространство Великой Русской равнины. Согласно русским летописным сводам основной причиной смертности среди населения становился голод и сопутствующий ему «Антонинов жар». Наиболее крупный мор был зафиксирован в 1229–1230 гг. Подробно об этом сообщается в вошедшем в Никоновскую летопись рассказе «О потрясении земли».

«Въ лето 6738. Мѣсяца Маѣя въ 3, во время святѣя Богородица въ Володемири потрясѣя земля, и церкви, и трапеза, и иконы подвижашася по стенамъ, и светилна поколебашася, людѣ же измушася, и мняхуться яко глаза обошла каждо ихъ, и тако другъ другу сказоваху еже бысть имъ, и въ домехъ господдѣскихъ, и во иныхъ цекрвахъ и въ домехъ господѣскихъ, и во иныхъ градахъ сіе. Въ Києве же граде боле того наипаче бысть потрясеніе: въ манастири Печерскомъ церкви святая Богородица каменная на 4 части раступися; ту суцѣ митрополиту Кирилу, и князю Володимеру, и бояромъ и множеству людей съшѣдишася: праздникъ бо бе томъ дне отца Феодосія. Потрясе же трапезница каменою, уже привнесѣну бывшу въ ню корму и питію, и все же трапезница не паде, ни верхъ ея. Въ Переславли же Русскомъ церкви святаго Михаила разсѣдѣся на двое, паде же и переводъ трѣхъ комаръ и съ кровлею, и потре иконы, и паникадила со свѣчами со свѣчами и светилна; бысть же то единого дне и единого часа по всей земли во время литургіа. Того же мѣсяца 10, видѣша нецыи солнце рано восходяще, и бысть на три углы, потомъ же мало възиде съ своемъ чину. Того же мѣсяца 14, въ 3 часъ дне, солнце начя погибати зрящимъ всемъ людемъ, и остася его мало, бысть бо яко мѣсяце 3-хъ дней, и начя опять полнитися. Мнози же мняху мѣсяць идуць чресъ чересъ небо, бѣшетъ бо межимѣсячье тогда; друзіи же мняху солнце идущѣ въспятъ, понеже бо оболочы маліи части съ полунощныя страны борзо бежаху на солнце на полуденну страну. Того же дне и часа бысть тако и того грознее въ Києве всемъ зрящемъ, и бастъ солнце мѣсяцемъ, и бысть солнце мѣсяцемъ, и явишася оба полы его столповѣ червленены, зелени, сини, также сниде огнь съ небесе, акы облакъ великъ надъ ручай Лыбедь, людемъ же всемъ отчаявшемся живота своего и

мневшемъ свою кончину суиу, и начаша целовати друг друга, прощеніе приѣмлюще и горце плачюще, и возопиша вси къ Богу со слезами; всемилостивый же Богъ преведе страшный той огнь чресъ весь градъ бес пакости, и впаде въ Днепръ реку, ту и погibe. Се же сказаши намъ самовидцы, въ то время бывше тамо....Того же лета бысть силенъ моръ силенъ, въ Смоленце створиша 4 скудельницы и положиша во дну 16 тысящъ, а въ третьей 7000, а въ четвертой 9 тысящъ, се же бысть по два лета.

Того же лета въ Новеграде Стефанъ Твердиславичъ и Иванъ Тимофеевичъ разкорастася съ Водовикомъ посадникомъ, и биша Ивана Тимофеевича слуги Водовиковы, и заутра вече бысть на Водовика на посадника, и разграбиша домъ его. Водовикъ же посадникъ оскорбися, и собра Новъграде весь на Ивана Тимофеевича, и на Якима Лукіановича, и на Прокопіа Яковлича, и сихъ осудиша дома ихъ на разграбленіе, а Ивана Тимофеевича убиша и въ Волховъ ввергоша, и иныхъ многихъ смерти предаша. И разгневался Богъ, и опустоша землю, и поиде дождь отъ Благовещенія до Ильина дни, день и ноцъ, и возста студень, и быша мрази велици, и поби всяко жито, и купиша хлебъ по осми кунъ, а четверть ржы по 20 гривень Новгородцкихъ, а в-ыныхъ местехъ пустыхъ селскихъ четверть ржы по 30 гривень, а пиеница по 40 гривень Новгородцкхъ, а овса четверть по 12 гривень, и бысть моръ въ людехъ отъ глада великъ, яко не моци и погребати ихъ. Гладъ же наипаче простеся не точію въ Новеграде, но и по всей земли Русской, точію кроме единаго Кіева, и толико гневъ Божій бысть, яко не точію мертвыа человеки ядыху, но и живыа человечеки другъ друга убиваху и ядыху, а еже конину, и пси, и кошки и иная такова, где кто палезъ, ядыше, иніи же мохъ, и сосну, илемъ, и кору липовую и листь ядыху. Зліи же человеци, где аще слышаху у кого жито, силою прихожаху въ место такое, грабаху и убиваху, и протресея гневъ Божій, и помроша люди по всей земле, имъже не бе числа. Сія же бысть по два лета 7-мъ и во 8-мъ» [21, с. 99–102].

Если обратится к отечественной традиции интерпретации «мора лета 6737–6738», то здесь доминирует точка зрения на продолжавшуюся на протяжении двух лет вспышку инфекционного заболевания. Указание на общее количество погибших, массовые захоронения (скудельницы) и хождение в первой половине XIII в. в Западной Европе различных эпидемий, лишь подтвердило предположение о возможном остром проявлении именно чумы [3, с. 11; 11, с. 10].

Если же обратиться к приведённому в Никоновской летописи описаний, постигших русские земли, бедствий, то сразу бросается в глаза, что наравне с уже упоминавшимися сопутствующими любой «средневековый русский мор» «элементами», перечисляются землетрясения, небесные явления и ухудшившиеся погодные условия. Кроме того, как видно из приведённого рассказа «О потрясеньи земли» сами бедствия обозначаются

традиционным определением «*божим гневом за грехи человеческие*». Несомненным плюсом данного рассказа стало подробное указание на конкретное число погибших и названия русских городов. Фактически налицо один из первых примеров систематического описания мора на Руси.

Из всего выше сказанного, можно предположить, что налицо было скорее всего вспышка нескольких эпидемических заболеваний. Причём если в 1229 г. могла произойти вспышка «*Антонинова жара*», то в 1230 г. вполне могло иметь место быть, и вспышка упомянутой выше чумы. Впрочем, говорить конкретно о чём-либо без проведения текстологического анализа русских летописных сводов, а также полевых и лабораторных исследований захоронений погибших во время «*мора 6737–6738*» пока будет преждевременно.

Следующий крупный «моръ» случился в 1237 г. в Псковской земле. «*Въ лето 6745. Бысть знаменіе въ солнци августа 3 в полудні; бысть таково знаменіе: и тма бысть въ солнци съ запада, аки місяць 5 ноціи, а со востока светло, и опять съ востока тма бысть такожде, акі місяць 5 ноціи, и съ запада светло, и тако исполнися*» [18, с. 214]. Хотя в приведённом отрывке нет прямого указания ни на мор, ни на место и время его возникновения. Однако, приведённое далее сообщение о походе немецких крестоносцев в Восточную Прибалтику и посылки Псковом 200 воинов позволяют ответить на эти вопросы. По мнению отечественного исследователя Ф.А. Дербеча, возникший в Пскове и Изборске мор, возможно имевший западноевропейское происхождение, скашивает большую часть населения. Смертность была высокой, и, для того чтобы успевать хоронить умерших вовремя близ церквей вырывались могилы на 7–8 умерших [11, с. 11]. Полноценно доверять этой записи не стоит, так как в тексте работы Ф.А. Дербеча не указан первоисточник. Поэтому данное высказывание можно скорее рассматривать как гипотезу, базировавшуюся на знании других летописных записей моров.

Нашествие Батыя и установление в середине XIII в. на Руси золотоордынского ига не только не снизило уровень эпидемической опасности, но и резко увеличило саму возможность возникновения в будущем среди населения новых массовых эпидемий. Причём, не последнюю роль здесь сыграло начатое ещё во времена правления первых ордынских ханов Батыя и Берке основание близ природных очагов чумы новых городов, следовавшее вслед за этим массовое прибытие из совершенно иных природно-климатических зон населения и бурное развитие сети внутриордынских сухопутных дорог. Последним фактором по способствующим напрямую началу крупной пандемии стало в конце 1270 г. изменение климата. Поэтому становится понятно появление в текстах русских летописей «*мора лета 6785*». «*Того же лета мнози человеци умираху различные недуги*» [21, с. 156]. Однако, узнать подробно о времени, регионе распространении и форме заболевания узнать из данного летописного отрывка в целом невозможно.

Куда больше информация содержится о «море лета 6791 – 6792». Вот как эти события отмечены в Ипатьевской летописи: *«Тое же зимы и в Ляхохъ бысть моръ изомре ихъ бесчисленное число множество (1283)....Тое же зимы не токмо во единой Руси бысть гневъ божий моромъ, но и Ляхохъ; тое же зимы и в Татарехъ изомре все кони и скоть и овцъ, все изомре, не остана ничегоже (1284)»* [15, с. 590–589].

В отечественной историографии сложилась точка зрения, что возникший мор являлся прямым следствием западного похода Толе-Буки хана (Тула-Буги) и беклярбека Ногай. Поэтому, зачастую в качестве одной из главных причин началу эпидемии было обозначено отравление колодцев татарскими воинами, а сама эпидемия определялась скорее как кишечная инфекция [5, с. 287; 8, с. 25]. *«Много же зла тогда сотвориша татаре Русской земле, аще не мечем и огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо сердце человеческое мочаху во ядъ аспидномъ и полагаху въ водахъ, и отъ сего великій моръ по всей Русской земле»* [14, с. 347]. С этой позицией можно лишь отчасти согласиться, когда речь шла о территории охваченных набегом татар. Поэтому логичным выглядит указание на общее количество погибших в русских княжествах и Польше. *«По отшествии же Телебузне и Ногаев, Левъ князь сочте колко погибло во его земле людей: што поумано, поумано, избито, и што ихъ Божию волею изъмерло, – полътретинадесять тысяче»* [15, с. 589]. Однако, приведённое в тексте Ипатьевской летописи указание на большое количество погибших в Золотой Орде и последовавшей вслед за этим крупная эпидемическая вспышка в русских землях, скорее указывает на иную природу заболевания.

«Въ лето 6792. Попусти же Богъ казнь свою на Татаръ: поблудивше бо Татаре межи горами, въ пустыняхъ, яко нетокмо кони ядоша, но и людей ядыху отъ глада, и умре ихъ тамо отъ глада около ста тысячей, Телебугъ же едва въ мале дружине выблудился». [14, с. 346]. Исходя из традиций русского летописания по фиксации мора, можно отметить в данном отрывке указание на возникший среди татар масштабный голод. По мнению современных исследователей, данное бедствие являлось прямым следствием наступления масштабных климатических изменений. О наступлении последних около 1280-х г. было отмечено Ю. Шамильоглу и Б.М.С. Кэмпбеллом [27; 35, с. 865]. Согласно их точке зрения, одними из видимых последствий этого скорее всего стало ужесточение политической ситуации в регионе. *«Въ сія много которяхуся Русь со Мазошаны, имеющие въ помощь Лътву; такожде и въ Лясахъ бысть междособная брань»* [14, с. 346]. Другим следствием изменения климата стало обострение эпидемической ситуации. Правда, скорее всего речь шла о локальной вспышке острого эпидемического заболевания. Причём, важную роль в распространения последнего могла сыграть существующая дорожная сеть. Поэтому не случайно было указание на достаточно обширный регион распространения «мора». Однако, продолжавшиеся

процессы урбанизации и миграции в Золотой Орде могли скорее всего ускорить переход от локальных вспышек к будущей пандемии. Таким образом «моры лета 6785 и 6791–6792» могли вполне считаться одними из первых проявлений грядущей «Чёрной смерти». Прямым доказательством этого может служить выделенный исследовательской группой Й. Краузе из единичного захоронения 1278 г. города Булгара генома, распространённого в Средние века, штамма чумной бактерии *Yersinia pestis* [51, p. 876–879].

Фактически нужно говорить, что именно территория Золотой Орды стала тем регионом, где происходило становление «Чёрной смерти». В то же время, процесс перехода от локальной к более масштабной вспышке крайне вирулентной формы средневековой чумы был достаточно длителен. По крайней мере нужно о 50-ем периоде проявления первичной формы «Чёрной смерти» (1280–1320-е гг.).

Несомненно, важную роль в ускорении в начале XIV в. этом процессе сыграло усиление при хане Узбеке урбанизации в средневековом татарском государстве. Ещё одним на первый взгляд не замеченным для современников негативным фактом, явилось массовое переселение населения, обладавшее совершенно иной внутренней микрофлорой, что в условиях существования местных природных эпидемических очагов стало приводить к накоплению среди местного населения большой массы болезнетворных микроорганизмов. Однако, наличие достаточного количества продуктов питания и благоприятных климатических условий, проблема возникновения среди местных человеческих сообществ новых масштабных эпидемий отходила на второй план. Поэтому в летописных списках основной причиной моров начала XIV в. скорее являлся массовый голод.

«Въ лето 6816 бысть казнь отъ Бога, на моръ и на кони, а мыши поядоша жита; и бысть хлебъ дорогъ зело» [16, с. 223]. *«Въ лето 6817 мышь поела рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и всяко жито; и того ради бысть дороговъ веліа, межина зла, и гладь крепокъ по всей земле Русской земле, и кони и всякъ скоть помре»* [21, с. 177]. Как отметила один из крупнейших современных отечественных антропологов А.П. Бужилова, в текстах данных летописных отрывков наравне с острым мором от неурожаев и недостатков пищи сообщается о сопутствующих среди животных и людей эпизотии [5, с. 287]. Согласно сложившейся в отечественной историографии традиции последняя была определена, имевшую схожую с чумой симптоматику, сибирская язва.

Исходя из теоретических взглядов на возникновение «Чёрной смерти», именно эпизотия была обозначена, как один из первых звонков приближающейся большой эпидемической вспышки средневековой чумы. Однако, скорее всего этого было лишь косвенным свидетельством. Куда показательным является указание в выше приведённых летописных отрывках на поедание мышами урожая зерновых. Скорее всего, увеличивавшееся в условиях

благоприятных природно-климатических условий поголовье местных синантропических видов грызунов (серые мыши), в поисках необходимого количества пищи, вступили в контакт с местными человеческими сообществами. В результате этого и произошло ускоренное попадание болезнетворных микроорганизмов внутрь человеческого организма. При этом часть из них могла осесть и в организмах домашних животных, что в условиях продолжения жизнедеятельности последних привело как к их козволюции к организму нового носителя с последующим проявлением виде иных общих для человека и животных эпидемических заболеваний, так и к переходу сначала к латентной форме заболевания с последующим появлением более опасной для человека формы. Однако, для последующего перехода к более масштабной вспышке эпидемического заболевания крайне необходимо нахождение человеческого организма в состоянии перманентного стресса. Как уже было выше сказано, к последним относятся голод, изменение климата и прибытие новой массы переселенцев.

Если продолжить далее текстологический анализ летописных сводов, новгородские и псковские летописцы сообщают о возникновении в Северо-Западной Руси через несколько лет после событий «*лета 6817 – 6818*» масштабного голода. «*Въ лето 6822. Хлебъ беаше дорогъ в Новегороде; и [во Пскове] почали беаху грабити недобри людие села в городе, и избиша их Псковци 50, человекъ, и потомъ бысть тихо. Избиша Корела городчанъ в Корельскомъ городке и введоша Немець, Новгородци же с наместникомъ Феодоромъ идоша на нихъ; на нихъ; и предашася Корела, наши же избиша Немець и Корелю переветниковъ*» [18, с. 255; 19, с. 11]. Исходя из представленной в отрывке информации можно заключить, что голодом оказались охвачены Новгород, Псков, Корела и округа. Причём о масштабности данного события свидетельствует не только перечисление поселений, но и возникшие на фоне этого конфликты между сельскими и городскими жителями, немецкими купцами и новгородцами. Фактически на лицо проявление у оказавшего в условиях масштабного голода древнерусского общества стрессового напряжения.

Поэтому произошедшая, через несколько лет вспышка уже эпидемического заболевания явилось закономерным итогом углубления стрессовой ситуации. «*Въ лето 6826. Тое же зимы бысть моръ во Твери на люди*» [21, с. 181– 182]. При локализации формы возникшего заболевания следует обратить внимание на следующую запись. «*Въ лето 6825. Тое же осени бысть знаменіе на небеси, месяца Сентября, въ день суботный до обеда: кругъ надъ Тверью, мало не съступилъ на помощь, имея три лучи: два на востокъ, а третей на западъ*» [22, с. 409]. Если обратиться к русской летописной традиции описания моров, то приведённое здесь описание небесных явлений могло являться представленной в завуалированной форме сообщение о вспышке эпидемического заболевания. Скорее всего, это была локальная

вспышка чумы, которая, согласно более поздним описаниям в летописных сводах, проявлялась на территории русских княжеств во второй половине года. Поэтому можно говорить о её проявлении в 1317 году, что в свою очередь несколько корректирует устоявшуюся в отечественной историографии точку зрения. Согласно последней, данный мор датировался 1318 г. Подтверждает предположение относительно чумы присутствие указания, на постигшие Тверское княжество военные бедствия, а также смерть сестры хана Узбека княгини Агафьи [21, с. 180]. Скорее всего, аналогичная последовательность эпизоотии, массового голода и локальных вспышек чумы наблюдалось в этот период и на территории Золотой Орды.

Исходя из данных современных исследований, большую роль в завершении процесса возникновения «*Чёрной смерти*» сыграло ускорение климатических изменений. Начавшееся в 1280-е г. вследствие изменения тёплого атлантического течения Гольфстрима коррекция движения атмосферных фронтов, привела к тому, что около 1320-х г. увеличился общий сток окружающий Каспийское море пресных водоёмов и последующее повышение уровня последнего [2, с. 20 – 21; 7, с. 65]. Это привело к быстрому крупномасштабную подтоплению обширного пространства Северного Прикаспия и Приаралья с пастбищами, многочисленными поселениями и столицы Золотой Орды в XIII–XIV вв. [1, с. 318]. Причиной тому, по мнению отечественных исследователей, стала сейсмическая активность в районе южного берега Каспия, проявившаяся в опускании дна Астрабадского залива и рост грязе-вулканической деятельности на Северном Кавказе [9, с. 780]. Именно в этот период путешественники массово зафиксировали внешние проявления активизации вулканов (землетрясения, огненные явления, бурление воды, появление резкого запаха сероводорода и метана, возрастание мощности выхода через трещиноватые горные породы радиоактивного газа радона).

Еще одним видимым результатом активизации сейсмических процессов в каспийском регионе, по мнению отечественных исследователей, стало резкое изменение течения и стока р. Амударьи, приведшее к усилению изменений уровня Каспийского и Аральских морей на 10 – 12 метров [6, с. 86], что нашло отражение в итальянском портолане Каспийского моря XIV – XVI вв. [10, с. 110]. Последовавшая затем мгновенная аридизация окрестных степей и плоскогорий способствовали увеличению числа контактов человека с носителями чумных блох синантропических видов грызунов.

Положение осложнилось тем, что в период между 1328 – 1333 г. на всём пространстве Евразии прокатилась волна масштабных голодов. В русских княжествах большой «*глад*» был отмечен в 1332 г. «*Въ лето 6840 бысть меженина въ земле Русской и дороговъ велика; сию же дороговъ нециі глаголотъ рослую рожь*» [21, с. 206]. Если учесть, что в данной летописной отрывке не конкретизируется место возникновения голода в русских княжествах и установившихся с Золотой Орды тесных контактов, то можно

предположить о возможном проявлении данного бедствия на территории средневекового татарского государства. Однако, это не значит, что окончание данного масштабного голода автоматически привело к началу «Чёрной смерти». Скорее всего имело место быть процесс учащения локальных вспышек с последующим наложением пришедшей из глубин Центральной Азии эпидемической волны лёгочной формы средневековой чумы. Этим то можно объяснить фиксации в 1341 г. летописцами в Северо-Западной Руси крупной эпидемии. *«Въ лето 6849. Бысть же въ то розратье, грехъ ради нашихъ, бяше моръ золь на людехъ во Пскове и въ Изборске: мряху бо старыя и молодыя люди, и чернци и черница, мужи и жены и малыя детки, не бе бо ихъ где погребати, все могилье воскопано бяше по всемъ церквамъ; а где место воскопають или жене, и ту съ нимъ положатъ малыхъ детокъ, семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ»* [17, с. 188–189].

Данная вспышка была хорошо проанализирована одним из ведущих отечественных антропологов А.Е. Бужиловой. Согласно её точке зрения, это была, затронувшие практически все слои городского населения, очень крупная эпидемия. Хотя упоминание о ней не встречается в других летописных сводах. Однако, указание на неожиданное снятие «немцами» осады в 1341 г. могло свидетельствовать о начале нового витка заболевания и последующее увеличения числа больных. Впрочем, отметил исследователь, отсутствие веских доказательств не позволяет подтвердить это предположение.

Если говорить собственно о начале «Чёрной смерти», то с большой точностью можно утверждать, что её предшествованием явилась, разразившаяся в конце 1320 – начале 1330-х гг. в китайских и монгольских землях Великого хана, эпидемия. Как показали исследования генома чумы, наиболее вероятным регионом появления начала этой эпидемии стало Цинхай-Тибетское плато. Это в свою очередь подтверждают арабские и китайские источники. Последние отметили смерть от неизвестной ранее болезни представителей династии Юань: Есун-Тэмура, Туга-Тэмура и его сыновей. Также жертвами последней стали 16 правителей окрестных земель, а также большое число воинов из войска Великого хана [38, р. 41].

Дальнейшее распространение болезни было зафиксировано в тексте персидского летописца Фасиха ал-Хавафи. В тексте этого источника напрямую указывалось, что после землетрясения 1336–1337 гг. в районе между селениями Заузана и Джизаде вспыхнула эпидемия. В результате, в районе между селением Завы и городом Дугабады (Исламабад) погибло порядка 11 тысяч человек [26]. Именно оттуда, скорее всего, по торговым путям чума в 1338/39 гг. попала в район озера Иссык-Куль. О чём напрямую свидетельствуют найденные здесь надгробия неосториан [36]. После чего вспышка средневековой чумы была зафиксирована в Хорезме в 1345 г. Другим возможным вектором распространения эпидемии стали Северная Персия и

Месопотамия. Именно, здесь позднее были зафиксированы самые крупные вспышки чумы.

Около 1346 г. эпидемия средневековой чумы, через шедшие по территории Хорезма и Тебриза торговым путям оказалась на территории Золотой Орды. Наиболее ранние сведения о «*Море 6854 – 6860*» были сделаны в Троицкой летописи. Согласно предположению советского исследователя Г.Н. Моисеева, последняя, возможно, являлась более поздним списком свода 1408 г., созданного при дворе, жившего непосредственно в эпоху «*Чёрной смерти*», митрополита Киприана. Поэтому данный источник очень важен в понимании восприятия жителей, зависимых от Золотой Орды русских княжеств, данного исторического события. Из текста источника следует, что «*в лето 6854 бысть казнь от бога на люди под восточную страну в Орде и в Орнахи, и в Сарае, и в Бездежъ, и въ прочихъ градахъ и бысть мор великъ на люди, и на Жиды, и на Фрязи, и на Черкасы, и на прочие человеки, тамо живущая в нихъ. Толь же силенъ бысть моръ въ нихъ, яко не бе мощно живымъ мертвыхъ погребати*» [24, с. 336–337]. Аналогичные оценки «*Чёрной смерти*» можно встретить в источниках, относящихся к тверской летописной традиции. Наиболее полно данная информация представлена в тексте Рогожского летописца и Симеоновской летописи [22, с. 57; 23, с. 95]. Дальнейшее «победное» шествие «*Чёрной смерти*» по территории России было хорошо рассмотрено в работах как отечественных, так и западных исследователей.

Заключение

Исходя из представленной информации можно заключить, что применение на практике в современных исследованиях естественно-научной методики позволило обоснованно доказать проявление в Средние века крупных эпидемических заболеваний на территории Золотой Орды и русских княжеств. Однако, недостаточное количество лабораторных исследований найденных в погребениях человеческих остатков не позволяет с достаточной точностью определить вид и масштабы вспыхнувшего заболевания. Определённую ясность в этом вопросе вносит анализ текстов русских летописных сводов. Одним из самых ранних, зафиксированных летописцами, стал «*моръ лета 6487*». Хотя, вследствие потери более ранних летописей, единственное указание о нём присутствует только в созданной в начале XVI в. Однако, полученная в ходе текстологического анализа информация позволила говорить о существовании в средневековом русском обществе достаточных знаний, позволявших определять в качестве первопричин либо эпидемию, либо массовой голод. В то же время, из-за того, что русские летописцы зачастую информацию о массовых эпидемиях старались передать посредством описания необъяснимых небесных и погодных явлений для полноценной реконструкций событий прошлого зачастую приходилось соотносить

данные более поздних описаний эпидемических заболеваний. В результате, это позволило говорить о том, именно территория Золотой Орды стала тем регионом, где происходило становление «Чёрной смерти». В то же время, процесс перехода от локальной к более масштабной вспышке крайне вирулентной формы средневековой чумы был достаточно длителен. По крайней мере нужно о 50-ем периоде проявления первичной формы «Чёрной смерти» (1280–1320-е гг.).

Список литературы

1. Артюхин Ю.В. Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой Орде и появление Азака // Боспорские исследования. 2009. Вып XVI. С. 314–334.
2. Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // Проблемы физической географии. 1934. Т. 1. Вып. 1. С. 11–64.
3. Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. М., 1960. 326 с.
4. Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 522 с.
5. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни / Ин-т археологии РАН. М.: Языки славянской культуры 2005. 320 с.
6. Вайнбергс И.Г., Ульст В.Г., Розе В.К. О древних береговых линиях и колебаниях уровня Аральского моря // Вопросы четвертичной геологии. Рига, 1972. Вып. 6. С. 69–89.
7. Варущенко С.И., Варщенко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Известия АН СССР. Серия география. 1984. № 4. С. 61–70.
8. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
9. Вознесенский А.В. Изменение уровня Каспийского моря // Природа. 1927. № 10. С. 774–786.
10. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М. Наука. 2003.
11. Дербек Ф.А. История чумных эпидемий с основания государства до настоящего времени. Серия докторские диссертации, допущенных к защите в Императорской военно-медицинской академии в 1904–1905 учебном году. СПб., 1905. Т. 14. 385 с.
12. Климанов В.А., Никифорова Л.Д. Изменения климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Доклад АН СССР. 1982. Т. 267. № 1. С. 164–167.
13. Кренке А.Н., Золотокрылин А.Н. и др. Реконструкция динамики увлажнения и температуры воздуха за исторический период (по природным

показателям) / Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989. С. 34–38.

14. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.

15. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1871.

16. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись. СПб., 1841.

17. Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848.

18. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Пг., 1915. Вып. 1. Ч. 1.

19. Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851.

20. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Никоновская летопись. СПб., 1862.

21. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Никоновская летопись. СПб., 1885.

22. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Тверская летопись. СПб., 1863.

23. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

24. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М., Л., 1950.

25. Ралль Ю.М. Природная очаговость и эпизоотология чумы. М.: Медицина. 1965. 388 с.

26. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент, 1980.

27. Шамильоглу Ю. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде / Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 665–678.

28. Alexander J.T. Plague in Russia and Danilo Samoilovich: an Historiographical Comment and Research Note // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. №. 4. pp. 525–531.

29. Alexander J.T. Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. Baltimort and London, 1980. 386 p.

30. Benedictow O.J. The Black Death 1346 – 1352: the complete history. Woodbrige, 2004. 433 p.

31. Campbell B.M.S. Physical Shocks, Biological Hazards, and Human Impacts: The Crisis of the Fourteenth Century Revisited. / Le interazioni fra economia e ambiente biologiconell'Europa preindustriale, edited by Simonetta Cavaciocchi, 13–32. Florence: Florence University Press, 2010a.

32. Campbell B.M.S. Nature as Historical Protagonist: Environment and Society in Pre-Industrial England // Economic History Review. 2010b. Vol. 63. pp. 281–314.

33. Campbell B.M.S. Panzootics, pandemics and climate anomalies in the fourteenth century / Herrman B. Beitrage zum Goettiger Umwelthistorischen Kolloquium 2010–2011. Goettingen, 2011. P. 121–174.
34. Campbell B.M.S. The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 463 p.
35. Campbell B.M.S., Ó Gráda C. Harfest shortfalls, grain prices, and famines in pre-industrial England' // Journal of Economic History. 2011. Vol 71 (4). pp. 859–886.
36. Chwolson D. Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. Herausgegen und erklart von D. Chwolson. Mit vier Phorotypischen Taffeln. SPb., 1897. 62 S.
37. Cui Y., Yu C. et al. Historical Variations in Mutation Rate in an Epidemic Pathogen // Yersinia pestis," Proceedings of the National Academy of Science. 2013. Vol. 110. №. 2. pp. 577–582
38. Dols M.W. The Black Death in the Middle East. New Jersey: Princeton University press, 1977. 390 p.
39. Dols M.W. The second plague pandemic and its recurrences in the Middle East: 1347–1894 // EconSocHistOrient. 1979. № 22. pp. 162–189.
40. Green, M.H. (ed.) Pandemic Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015a.
41. Green M.H. The Black Death and Ebola: On the Value of Comparison / Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death, edited by Monica H. Green, IX–XX. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015b.
42. Green M.H. "Taking 'Pandemic' Seriously: Making the Black Death Global" / Pandemic Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death, edited by Monica H. Green. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015 c. pp. 27–61
43. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // Russian History. 1975. Vol. 2. pp. 53–67.
44. Langer L.N. Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries // Canadian-American Slavic Studies. 1976. Vol. 10. pp. 351–368.
45. McNeill W.H. Europe's Steppe Frontier, 1500–1800. Chicago, 1964. 264 p.
46. Pollitzer R. Plague. Geneva, 1954.
47. Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. Early Divergent Strains of Yersinia pestis in Eurasia 5,000 Years ago // Cell. 2015. № 163. P. 571–582
48. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasiatica. Festschrift für Professor András Róna Tas. Szeged, 1991.
49. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde" // Central Asian Survey. 1993. № 12(4). P. 447–457.

50. Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // PNSA. 2015. Vol. 112. № 10. P. 3020 – 3025.

51. Spyrou A.M., Tukhbatova R.I. et al. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. Vol. 19. P. 874–881.

Сведения об авторе: Хайдаров Тимур Фаритович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Подготовительного факультета КФУ, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1909-5727> (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18), e-mail: timkh2000@yandex.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

EPIDEMICS AND MASS FAMINE IN RUSSIA IN THE TERRITORY OF RUS AND THE GOLDEN HORDE (X – THE FIRST HALF OF THE XIV CENTURY)

Timur Khaydarov

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

timkh2000@yandex.ru

Abstract. *Research objectives:* to show modern views on the emergence and spread of the "Black Death" in the Middle Ages, based on the information presented in the Russian and Persian annals, to reconstruct this process.

Research materials: in addition to those published in the 2010s. The work of modern scientists in the study was used previously published written sources in Russian and Persian languages.

Results and scientific novelty: During the carried-out analysis of the current work of experts in the field of epidemiology, genetics, and the history of the "Black death" was determined the most important dates in the process of the emergence and spread of the disease in the territory of the Russian principalities and the Golden Horde. This allowed a somewhat different look at the existing in medieval Russian and Tatar society view of this disaster. In fact, we can talk about the narrative tradition formed before the beginning of the medieval plague epidemic. Actually, the appearance in the steppe regions of the ulus of Jochi was quite a long process. The largest stages were reflected in the texts of written sources. Previously conducted the national experts ' analysis of the Chronicles often sinned with

mistakes and speculation. So, one of the most-quoted Russian authors F. A. Gebrek were able to confirm their words in the analysis of earlier outbreaks could resort to using the for later epidemics of symptoms. Thus, the appeal to the repeated textual analysis of the Russian Chronicles allowed to reveal a number of factual errors rooted in the domestic historiography in the field of the study of medieval epidemics.

Keywords: "Black Death", modern approaches to the study of the topic, Russian chronicles, epidemics, mass famine.

References

1. Artyuhin YU.V. Prirodnye kataklizmy kak odna iz prichin «Velikoj zamyat- ni» v Zolotoj Orde i poyavlenie Azaka // Bosporskie issledovaniya. 2009. Vyp XVI. S. 314–334. (In Russian)
2. Berg L.S. Uroven' Kaspijskogo morya za istoricheskoe vremya // Problemy fizicheskoy geografii. 1934. T. 1. Vyp. 1. S. 11–64. (In Russian)
3. Bogoyavlenskij N.A. Drevnerusskoe vrachevanie v XI–XVII vv. M., 1960. 326 s. (In Russian)
4. Borisenko E.P., Paseckij V.M. Tysyacheletnyaya letopis' neobychnykh yavlenij pri-rody. M.: Mysl', 1988. 522 s. (In Russian)
5. Buzhilova A.P. Homo sapiens: Istoriya bolezni / In-t arheologii RAN. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury 2005. 320 s. (In Russian)
6. Vajnbergs I.G., Ul'st V.G., Roze V.K. O drevnih beregovykh liniyah i kolebaniyah urovnya Aral'skogo morya // Voprosy chetvertichnoj geologii. Riga, 1972. Vyp. 6. S. 69–89. (In Russian)
7. Varushchenko S.I., Varshchenko A.N. Uroven' Kaspijskogo morya i kolebaniya uvlazhnennosti Russkoj ravniny v srednie veka // Izvestiya AN SSSR. Seriya geografiya. 1984. № 4. S. 61–70. (In Russian)
8. Vasil'ev K.G., Segal A.E. Istoriya ehpidemij v Rossii. M., 1960. 397 s. (In Russian)
9. Voznesenskij A.V. Izmenenie urovnya Kaspijskogo morya // Priroda. 1927. № 10. S. 774–786. (In Russian)
10. Volkov I.V. Poseleniya Priazov'ya v XII–XIII vekah // Rus' v XIII veke. Drevnosti tyomnogo vremeni. M. Nauka. 2003. (In Russian)
11. Derbek F.A. Istoriya chumnykh ehpidemij s osnovaniya gosudarstva do nastoyashchego vremeni. Seriya doktorskie dissertacii, dopushchennykh k zashchite v Imperatorskoj voenno-medicinskoj akademii v 1904 – 1905 uchebnom godu. SPb., 1905. T. 14. 385 s. (In Russian)
12. Klimanov V.A., Nikiforova L.D. Izmeneniya klimata na severo-vostoke Evropy za poslednie 2000 let // Doklad AN SSSR. 1982. Vol.267. № 1. S. 164–167. (In Russian)

13. Krenke A.N., Zolotokrylin A.N. i dr. Rekonstrukciya dinamiki uvlazhneniya i temperatury vozduha za istoricheskij period (po prirodnyim pokazatelyam) / Paleoklimaty pozdnelednikov'ya i golocena. M., 1989. S. 34–38. (In Russian)

14. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.2. Ipat'evskaya letopis'. SPb., 1843. (In Russian)

15. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.2. Ipat'evskaya letopis'. SPb., 1871. (In Russian)

16. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.3. Novgorodskaya pervaya letopis'. SPb., 1841. (In Russian)

17. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.4. SPb., 1848. (In Russian)

18. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.4. Pg., 1915.Vyp. 1. CH. 1. (In Russian)

19. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.5. SPb., 1851. (In Russian)

20. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.9. Nikonovskaya letopis'. SPb., 1862. (In Russian)

21. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.10. Nikonovskaya letopis'. SPb., 1885. (In Russian)

22. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.15. Tverskaya letopis'. SPb., 1863. (In Russian)

23. Polnoe sobranie russkih letopisej. Vol.18. Simeonovskaya letopis'. SPb., 1913. (In Russian)

24. Priselkov M.D. Troickaya letopis'. M., L., 1950. (In Russian)

25. Rall' Yu.M. Prirodnaya ochagovost' i ehpizootologiya chumy. M.: Medicina. 1965. 388 s. (In Russian)

26. Fasih Ahmad ibn Dzhalal ad-Din Muhammad al-Havafi. Fasihov svod. Tashkent, 1980. (In Russian)

27. Shamil'oglu YU. Izmenenie klimata v Central'noj Evrazii i Zolotoj Orde / Zo-lotaya Orda v mirovoj istorii. Kazan, 2016. S. 665–678.

28. Alexander J.T. Plague in Russia and Danilo Samoilovich: an Historiographical Comment and Research Note // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. №. 4. P. 525–531.

29. Alexander J.T. Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disas-ter. Baltimort and London, 1980. 386 p.

30. Benedictow O.J. The Black Death 1346–1352: the complete history. Woodbrige, 2004. 433 p.

31. Campbell B.M.S. Physical Shocks, Biological Hazards, and Human Impacts: The Crisis of the Fourteenth Century Revisited. / Le interazioni fra economia e ambiente biologiconell'Europa preindustriale, edited by Simonetta Cavaciocchi, 13–32. Florence: Florence University Press, 2010a.

32. Campbell B.M.S. Nature as Historical Protagonist: Environment and Society in Pre-Industrial England // *Economic History Review*. 2010b. Vol. 63. pp. 281–314.
33. Campbell B.M.S. Panzootics, pandemics and climate anomalies in the fourteenth century / Herrman B. *Beitraege zum Goettiger Umwelthistorischen Kolloquium 2010–2011*. Goettingen, 2011. pp. 121–174.
34. Campbell B.M.S. *The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 463 p.
35. Campbell B.M.S., Ó Gráda C. Harfest shortfalls, grain prices, and famines in pre-industrial England? // *Journal of Economic History*. 2011. Vol 71 (4). pp. 859–886.
36. Chwolson D. *Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. Herausgegen und erklart von D. Chwolson. Mit vier Phorotypischen Taffeln*. SPb., 1897. 62 S.
37. Cui Y., Yu C. et al. Historical Variations in Mutation Rate in an Epidemic Pathogen // *Yersinia pestis*,” *Proceedings of the National Academy of Science*. 2013. Vol. 110. №. 2. pp. 577–582
38. Dols M.W. *The Black Death in the Middle East*. New Jersey: Princeton University press, 1977. 390 p.
39. Dols M.W. The second plague pandemic and its recurrences in the Middle East: 1347-1894. // *EconSocHistOrient*. 1979. № 22. pp. 162–189.
40. Green, M.H. (ed.) *Pandemic Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death*. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015a.
41. Green M.H. *The Black Death and Ebola: On the Value of Comparison / Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death*, edited by Monica H. Green, IX–XX. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015b.
42. Green M.H. “Taking ‘Pandemic’ Seriously: Making the Black Death Global” / *Pandemic Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death*, edited by Monica H. Green. Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015 c. pp. 27–61
43. Langer L.N. *The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor* // *Russian History*. 1975. Vol. 2. pp. 53–67.
44. Langer L.N. *Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries* // *Canadian-American Slavic Studies*. 1976. Vol. 10. pp. 351–368.
45. McNeill W.H. *Europe’s Steppe Frontier, 1500–1800*. Chicago, 1964. 264 p.
46. Pollitzer R. *Plague*. Geneva, 1954.
47. Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years ago // *Cell*. 2015. № 163. pp. 571–582
48. Schamiloglu U. *The End of Volga Bulgarian* // *Varia Eurasiatrica. Festschrift für Professor András Róna Tas*. Szeged, 1991.

49. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde" // Central Asian Survey. 1993. № 12(4). pp. 447–457.

50. Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // PNSA. 2015. Vol. 112. № 10. pp. 3020–3025.

51. Spyrou A.M., Tikhbatova R.I. et al. Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. Vol. 19. pp. 874 – 881.

About the author: Timur Khaydarov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of Kazan Federal University ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1909-5727> (18, Kremlin Str., Kazan 420008, Russian Federation), e-mail: timkh2000@yandex.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

ГОСУДАРСТВО САРИР В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ГОСУДАРСТВА ХУЛАГУИДОВ (XIII–XIV В.)

Ш.М. Ханизов, Р.С. Абдулмажидов

Дагестанский научный центр РАН

г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация

markozul@mail.ru

ramazana@yandex.ru

Резюме. В данной статье рассматриваются вопросы взаимоотношений средневекового дагестанского государства Сарир с Золотой Ордой и державой Хулагуидов. На основе анализа сведений из имеющихся немногочисленных внутренних и внешних источников, авторы предлагают свою трактовку событий, происходивших в Дагестане в XIII–XIV вв. в связи с монголо-татарской экспансией. В статье также повествуется о внутри дагестанских политических конфликтах, о причинах ослабления или возвышения различных дагестанских феодальных владений того периода. Авторы выражают надежду, что вопросы взаимоотношений народов Дагестана и средневековых монголо-татарских государств станут объектом исследования для специалистов по монголо-татарской истории, что позволит получить более полную картину социально-политической жизни Дагестана и Кавказа в исследуемый период.

Ключевые слова: Дагестан, Сарир, монголо-татары, Золотая Орда, Хулагуиды, Аварское нухальство, Гази-Кумухское шамхальство.

В XIII веке на мировую историческую арену стремительно ворвались монголы – народ, вышедший из глубин Азии, и в течение краткого времени, сумевший подчинить себе значительную часть всего Евразийского континента. Эти события, оказали огромное влияние и на судьбы народов Кавказа, многие области которого непосредственно вошли в состав образовавшихся государств Чингизидов. Огромный интерес в силу своего геополитического положения для завоевателей представлял Дагестан, разделенный в этот период границами нескольких феодальных владений разной величины и степени политического влияния. При этом совершенно очевидно, что при всем их этническом разнообразии и различии в уровне социально-экономического развития они обладали единством правовой культуры и экономически были тесно взаимосвязаны друг с другом. В период нашествия монголо-татар им пришлось выстраивать определенную линию взаимоотношений с двумя крупнейшими державами, основанными потомками Чингис-хана – Золотой

ордой и государством Хулагуидов, между которыми шло перманентное противостояние за преобладание в кавказском регионе.

В этой связи представляет интерес история взаимоотношений с монгольскими завоевателями одного из крупных кавказских государственных образований – Сарира. Это средневековое государство, о границах которого до сих пор в среде исследователей не существует единого мнения, по данным источников включало в себя нагорную и предгорную части территории Дагестана, а также ряд соседних областей. Хотя некоторые исследователи до сих пор продолжают отрицать наличие у кавказских горцев собственных государственных образований [15], Сарир представлял собой сложившееся раннефеодальное государство, бывшее влиятельным игроком на региональной политической арене. Примечательно, что недавние разыскания в области нумизматики [2], сообщают о чеканке монет правителем Сарира в первой половине XIII в. Эти двуязычные грузино-арабские монеты были уже давно известны, однако оставалось неразгаданным их происхождение. Автор исследования по ним, А. Акопян, убедительно показав их принадлежность к Сариру («Аварскому нуцальству»), справедливо отмечает, что факт их производства здесь *«указывает на осуществление в нем важнейшего государственного акта, подтверждающего самостоятельность местной власти»*. Также он обращает внимание на то, что особенно высокое значение производства собственной монеты подчеркивалось в мусульманском праве, где чеканка монеты, наряду с упоминанием имени правителя в пятничной молитве, были одним из важнейших признаков независимости правителя. В этом свете исключительно важно то, что на исследованных монетах содержится только имя правителя Сарира Байара, чем декларируется полная политическая самостоятельность. Выбор же материала для монеты и двух языков для монетной легенды (литургического грузинского и прокламационного арабского) лежит в русле общих тенденций развития монетного дела и монетного протокола в Закавказье, начавшихся еще в XI веке [2; 3].

Следует отметить скудость источников по исследуемому периоду, которые разбросаны по различным арабским, персидским, грузинским и османским хроникам и документам. В настоящей статье будет проделана попытка проанализировать все имеющиеся сведения о взаимоотношениях Сарира с Золотой ордой и державой Хулагуидов, для установления их характера, хода событий и причинно-следственной связи.

О противостоянии Сарира монголо-татарской экспансии свидетельствуют самые разнообразные источники. Так, согласно иранскому историку Рашид-ад-дину (род. 1247 г.), визирю в государстве Хулагуидов, после серии успешных завоевательных походов на Кавказ, весной 1240 г. монголы оставили своему военачальнику Бугдаю отдельное войско, с тем чтобы захватить «Тимур-кахалка», т. е. Дербент и *«область Авир»* [18, с. 37]. Авторы

перевода летописи Рашид-ад-дина не смогли локализовать последнюю, однако, надобно полагать, что речь здесь идет о центральной части Сарира, которая впоследствии стала именоваться Аварским нуцальством. Судя по дальнейшему повествованию Рашид-ад-дина, монголами Дербент в тот год был взят, однако неизвестно, чем окончился захват «области Авир». Летописец сообщает также о том, что осенью следующего года завоеватели *«прошли через пределы Тимур-кахалка и тамошние горы»* [18, с. 37].

Вместе с тем, по данным письменных и эпиграфических памятников Дагестана монголы во главе с Бугдаем, предпринимали в этот период поход и в горные районы Дагестана. Прежде всего, источники сообщают об ожесточенных сражениях, произошедших при захвате селений Рича и Гази-Кумух. Последний был разрушен 8 апреля 1240 г. [20, с.8] и, кроме того, были захвачены крепости, расположенные в районе Кураха и Агула. Можно предположить, что, ожесточенное сопротивление горцев остановило Бугдая в бассейне Гази-Кумуха и вторую часть приказа о взятии *«области Авир»* он выполнить не сумел. По крайней мере, о дальнейшем проникновении монголо-татар вглубь Нагорного Дагестана ни в местных, ни в восточных, ни в грузинских источниках не имеется абсолютно никаких сведений.

А более поздние источники свидетельствуют о том, что дагестанские горцы продолжали сопротивляться монгольским завоевателям. Об этом сообщает, к примеру, фламандский путешественник Гильом Рубрук, посланник французского короля в Золотую орду, на обратном пути побывавший в Дагестане в 1254 г. По его словам, *«между морем и горами живут некие сарацины, по имени лесги, горцы, которые также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор..., надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота»* [16, с. 186; 8, с. 204], т. е. Дербент. Единственное упоминание о проникновении одного из монгольских отрядов на территорию Сарира встречается в грузинском средневековом источнике «Картлис Цховреба». В нем сообщается о «царе хундзов», т. е. правителе Аварии, который в начале 1260-х гг. пытался помешать отряду Ала-Тимура, прорывавшемуся из улуса Хулагу в Золотую Орду, пройти из Билкан (Белоканы) через горную Аварию на северокавказскую плоскость [12, с. 96]. Данный прорыв одного из монгольских отрядов через горы объясняется тем, что в этот период в рядах монголо-татар началась междоусобица, и Ала-Тимур, преданный ханам Золотой Орды, пытался пробиться к ним. И поскольку проход через Дербент был закрыт для него, располагавшимися там войсками хулагуидов, то он прошел через территорию Сарира. При этом, по мнению одного из известных исследователей средневекового Нагорного Дагестана Д. Атаева, в борьбе двух монгольских государств симпатии Сарира были на стороне Хулагуидов [6, с. 190] о чем убедительно свидетельствуют последовавшие события, и именно этим обусловлено противоборство с одним из ханов Золотой Орды.

Корпусом монгольских войск, стоявших в Дербенте и контролировавших приморский Дагестан, командовал потомок Чингис-хана – Токдай, скорее всего, принимавший участие в вышеупомянутом прорыве через Сарир в 1262 г. в составе отряда Ала-Тимура. Это могло привести к тому, что по отношению к Сариру он был настроен враждебно: его родственникам (возможно, и ему самому) пришлось бежать из владений Хулагу, где в 1261 г. был казнен его отец Болга – внук Джучи, т. е. старшего сына Чингиз-хана. Будучи кровником Хулагуидов и участников сражений с аварцами, Токдай наверняка старался по мере возможностей ослабить аварское государство. Этим и определялось его назначение Золотой Ордой наместником на завоеванных территориях Дагестана. С этим связано и его прозвище «Тама-Токдай» (тама – монгольский термин, означающий отряды, несущие гарнизонную службу) [13, с. 76–77]. Согласно Рашид ад-Дину, *«зимовья его находятся около реки Терека, у Дербенда. Уже долгое время, как он стоит во главе сторожевой рати»* [17 с. 74]. Следует отметить, что Токдай являлся одним из влиятельных лиц в Золотой Орде, активно помогавшим ликвидировать политический кризис. В 1298 г. он выступил против хана Ногая – соперника Токта-хана. *«Токтай потребовал к себе Тама-Токту, сына Балаги, который долгое время был защитником и хранителем Дербенда, снова двинул в поход большое войско и пошел войной на Ногаю»*, – сообщает Рашид ад-Дин [17, с. 85].

Таким образом Сарир лишился равнинных и предгорных земель на Северо-Восточном Кавказе, где располагались зимние пастбища горцев. Их потеря наряду с отсутствием благодатных мест для организованного расселения избыточного населения (без него сокращалось количество детей и происходило старение населения в горах) приводило к обеднению и последующему его ослаблению [1, с. 79]. Кроме того, Сарир, лишился контроля над равнинными землями не только на севере, но и на юге, т. е. в Алазанской долине. Произошло это следующим образом. После смерти Улу Давида в 1270 г. монголы утвердили на престоле его сына Димитрия (11–12 лет), а его попечителем назначили влиятельного чиновника Садуна Манкабердели. Бывший грузинский феодал до самой своей смерти (ок. 1281–1282 гг.) фактически являлся правителем восточной Грузии при весьма слабой царской власти [14, с. 388]. Этот монгольский наместник смог распространить свою власть на всю Алазанскую долину, в том числе и на *«Белакани»* [11, с. 382] – главный центр аварского Цора в этот период.

В начавшейся многолетней войне между державой Хулагуидов и Золотой Ордой, феодальное владение Гази-Кумух выступил на стороне последней, в то время как Сарир еще с 1260-х гг. выступал в качестве союзника Хулагуидов. К началу XIV в. это противостояние привело к тому, что в Нагорном Дагестане развернулись военные действия между этими двумя сторонами. В конце 1318 г., правитель Золотой Орды хан Узбек, собрав

значительные войска на территории Северного Кавказа, совершил набег на Дербент. Охранявший его начальник гарнизона хулагуидов эмир Тарамтаз с сотней человек не смог оказать сопротивления якобы из-за того, что *«племена легзан – да дарует Аллах неоднократно победы над ними – из-за скверных намерений и дурных наклонностей имели большую связь с той (золотоордынской) стороной, то они ему (Тарамтазу) не дали знать о прибытии этой неожиданной армии»* [18, с. 86-87]. Конная армия Узбека проследовала через Дагестан в долину реки Кура. Однако, вскоре золотоордынцам пришлось спешно отступать перед войсками хулагуидов под началом «амира Чобана», которые, *«забирая в плен людей»* [18, с. 89], вновь заняли Дербент. В течение 1319 г. армия Чобана совершила несколько походов на территории вдоль Терека, подконтрольные Золотой Орде [10, с. 211].

Необходимо отметить, что в государстве иранских ильханов во время правления Олджайту-хана (1304–1317) и Абусаид-хана фактически вся власть была сосредоточена в руках этого представителя монгольской элиты. Источники называют Чобана *«первым эмиром»* государства ильханов вплоть до его смерти в 1337 г. [14, с. 403]. При его поддержке в 1318 г. царем Грузии стал сын Димитрия Георгий V, он же помог ему взять под контроль всю территорию Восточной и Западной Грузии [14, с. 403–404]. Доверительные отношения между Георгием и Чобаном установились благодаря участию грузинского царевича в походах монгольских войск под началом последнего.

Надобно полагать, именно вследствие приверженности *«легзан»* и других горских народов к лагерю своего противнику, после ухода золотоордынских войск за Дербент, хулагуидские военачальники решили подвергнуть Гази-Кумух репрессии. Для этого, они обратились за поддержкой к правителям Сарира, у которых, были свои претензии к шамхалам. О существовании распрей между *«эмирами Кумуха»* и *«владельцем Авара»*, которого поддерживали изгнанные из своей родины представители уцмиев Кайтага, подробно повествует «Тарих Дагестан» – важнейший источник по средневековой истории Северного Кавказа [20, с. 104–105].

Начались эти распри в ходе борьбы за престол в самом Кайтаге. В самом начале XIV в. там умер уцмий Мухаммад-султан, связанный династическими браками с домами ширван-шахов Кесранидов и шамхалов Кумуха [4, с. 1074]. В день его смерти началась ссора его сыновей — Алибека и Ахмада (по прозвищу Багадур). Вначале Алибек потерпел поражение, однако благодаря заступничеству своего дяди по матери (братья были рождены от разных матерей) — кумухского шамхала разбил своего брата и вытеснил его в Ширван [13, с. 111–112]. Сторонники бежавшего в Ширван Ахмада *«из числа султанов Хайдака»* – Мухаммадхан, Амирхан и Амирхамза после победы их противника и бегства лидера их коалиции вынуждены были обратиться с просьбой о помощи к аварскому нуцалу Андунику (Амир-Султану). Как свидетельствует «Тарих Дагестан», они *«бежали, жалуюсь и умоляя о помощи,*

к аварским правителям и заключили с ними союз делить добро и зло при всех обстоятельствах». Из-за этого между правителями «Авара» и «Гумука» «начались страшные войны и сатанинские распри». [20, с. 104].

В этой ситуации *«аварский владыка отправил послания и послов из красноречивых и мудрых людей к султану Кавтар-шаху, в страну тюрок»* [20, с. 104–105], т. е. Хулагуидскую империю. «Тарих Дагестан» следующим образом описывает заключение союза между правителем Сарира и представителем Хулагуидской империи: *«Они обязались быть между собой в дружбе, согласии, братстве. Кавтар-шах взял в жены своему сыну Султан-Кайкаду благоразумную дочь аварского правителя, а прелестную дочь свою он выдал замуж за сына царя – Сиртана. И это было согласно договору. Эти два брачных союза были заключены одновременно, и оба царевича стали посредством этого родственного союза как бы братьями, принадлежащими одним родителям, – во всех делах, как в совершении зла своим врагам, так и в совершении добра своим друзьям»* [20, с. 105]. Можно предположить, что упоминаемый здесь «Кавтар-шах» является на самом деле амиром Чобаном, одним из главных действующих лиц на политической арене Кавказа в начале XIV в.

Примечательно, что хунзахский список «Тарих Дагестан», «считающийся наиболее безукоризненным» [5, с. 149], который хранился при мавзолее Абумуслима и оказался в распоряжении Максуда Алиханова в конце XIX в., называет «царем аваров» самого Сиртана (*«Каутар-шах женил своего сына Кей-Кавакта на прекрасной дочери царя аваров Саратана, а за его сына Кихли-Бега выдал свою прелестную дочь»* [5, с. 155]). Это единственный источник, упоминающий имя сына Сиртана, и судя по всему, вполне достоверный, поскольку имя Кихилав (авар. *Килъилав* – дословно «второй», одновременно титул с примерным значением «наследный принц; соправитель» [1, с. 106]) довольно часто встречается в именнике нуцальского рода в XVI–XVII вв.

Таким образом, согласно «Тарих Дагестан», в первый понедельник месяца рамадан 718 года хиджры (7 ноября 1318 г.) Сиртан с войсками «вилаята Авар совместно с султанами Хайдака – с западной стороны» и войско Хулагуидов с востока дошли до Кумуха [20, с. 105].

Осада Кумуха длилась более месяца [6, с. 191–192]. Особенно долго сопротивлялись 70 молодых добровольцев-смертников в цитадели над кумухской мечетью Кекели. Осада этого укрепления закончилась его взятием и последующим разрушением Кумуха. Сиртан и войско Хулагуидов вернулось «в свои земли», а «султаны Хайдака снова обосновались на своих землях» [20, с. 105]. По нашему мнению, до этого времени в Кумухе сохранялась власть ставленников легендарного Гази-Калантара – исламского миссионера, чья деятельность относится нами к 1240 г. [19, с. 151–153].

Как полагает А.Е. Криштопа, в результате «феодалной войны», охватившей большую часть Дагестана, «Кумух был разгромлен, Авария истощена». Кайтаг же, вышедший из этой войны еще до вступления ее в наиболее решительную стадию, по-видимому, пострадал меньше других [13, с. 113]. Это, вероятно, и определило его дальнейшую политику, и явное усиление в приморской части Дагестана, приведшей к взятию под контроль территории от Тарки до Дербента. Ослаблению Аварского нучальства в XIV в., по мнению Т.М. Айтберова, способствовали и климатические факторы. Согласно его версии, в письменных источниках имеется информация о наступлении на территорию Аваристана примерно в начале XIV в. общего похолодания («малого ледникового периода»), что позднее привело к вырубке лесов и последующей эрозии почвы, к не вызреванию злаков, и, следовательно, к нехватке пищи, сокращению населения и ослаблению аварского государства [1, с. 83–84].

К 1330-м гг. в державе Хулагуидов начались центробежные процессы, тогда как Золотая Орда, чьи интересы на Северном Кавказе представлял хан Узбек, сохраняла внутривластную стабильность. Это позволило ей усилить свое влияние на Кавказе. В 1335 г. Узбек совершил крупный поход в Ширван и смог закрепить за собой Дербент в качестве опорного пункта. Наследники Хулагу, напротив, значительно ослабили и уже не претендовали на контроль территорий на Северном Кавказе. До 1350-х гг. дагестанская равнина оставалась под контролем хана Узбека, хотя постоянные военные походы, а также эпидемия чумы, лишили ее, да и большую часть равнин Северного Кавказа, постоянного населения. Хотя некоторое оживление хозяйственной жизни в Южном Дагестане отмечается во второй половине XIV в., что было связано с распадом обеих держав Чингизидов. Если процесс распада империи Хулагуидов начался в 1330-х гг., то в Золотой Орде, как известно, аналогичный дезинтеграционный процесс стал набирать силу с 1350-х гг.

О тесных взаимоотношениях Сарира с хулагуидами свидетельствует и такой примечательный факт. В 1727 г. Умма-нуцал Аварский сообщал на переговорах с представителем Российской империи, что *«авары... бунтовались»* против его предка и *«из владения своего выгнали»*. Изгнанный из Хунзаха предок Умма-нуцала отправился к монголам и, получив там *«несколько войска в помощь»*, возвратился в горы, в Аварию, *«подданных своих смирил и успокоил»*. Он, таким образом, над аварами укрепился, а письмо укрепительное, которое с собой привез, *«содержано было в охранении при их фамилии»*. Показанное русским переводчикам письмо, при его изучении оказалось *«от некоторого татарского князя писано, именем Бахти, которой в 14 столетии из Чегатой и Бухари с войском пришел, Астрахань, Булгар, Казань и протчие под себя подобрал, также и далее в Россию вступил и многие места разорил»* [9, с. 114].

А.Е. Криштопа относит это резкое обострение внутренней борьбы в Аварии к 1380-м гг. и обращает внимание на то, что в 1390-х гг. историографы Тимура указывают правителя Гази-Кумуха – шамхала, но не упоминают нуцала, что указывает на слабость нуцальской власти в конце XIV в. [13, с. 157–158]. В то же время, упоминаемые в этих источниках «авхарские калантары» считаются исследователями слоем правящей верхушки Аварии [7, с. 337].

Таким образом, во второй половине XIII в., в эпоху всеобщего и абсолютного монгольского владычества в Евразии, Сарир несомненно лишился своих равнинных и предгорных территорий на Северо-Восточном Кавказе. Но его центральная часть оставалась непокоренной потомками Чингиз-хана, в планы которых если и входило ее завоевание, то это осложнялось значительными трудностями, которые предстояли их преимущественно конной армии в случае ведения войны в условиях горной местности. И поскольку центр Сарира со столицей в Хунзахе располагался на труднодоступном хунзахском плато и близлежащих территориях, то он избежал разрушительных походов монголо-татар. Однако они захватили наиболее экономически развитые регионы на юге и севере государства, что вызвало резкое сокращение поступления доходов в казну. Это стало причиной затяжного политического и экономического кризиса в Сарире, жители которого, лишились зимних пастбищ для скота, а также житницы, дававшей зерно для значительной части населения. В условиях изоляции Нагорного Дагестана нарушились его традиционные связи с равнинными территориями, что способствовало замедлению его исторического развития. Те же причины привели к постепенной утрате былого значения торгового пути вдоль дагестанского приморья и падению роли Дербента как крупного экономического центра и порта [13, с. 125].

Противоборство двух монгольских держав – Золотой Орды и государства Хулагуидов, в котором Сарир (Аварское нуцальство) занимало сторону последнего, также оказало влияние на его социально-политическое развитие. Если в 1319 г. итогом этого противостояния стало разрушение Гази-Кумуха, союзника золотордынцев, объединенными силами хулагуидов и аварцев под руководством амира Чобана и нуцала Сиртана, то в дальнейшем, влияние Золотой Орды в регионе стало преобладать. Равнинный Дагестан, ставший ареной ожесточенной борьбы, находился в этот период в крайне тяжелом положении. Вся плоскость в низовьях Терека и Сулака, а также приморская полоса шириной в 2–3 десятка километров превратилась в вытоптанную многотысячными армиями голую степь, а проживавшее там население было вынуждено бежать и сконцентрировалось в предгорьях. Потеряв значительные территории, Сарир постепенно сузился до границ Аварского нуцальства.

С учетом этих обстоятельств понятны и причины последующей исламизации Сарира, который во второй половине XIII в. оставался еще христианским. Его значительное экономическое и политическое ослабление, облегчило газиям (воителям за веру) дело распространения ислама, тем более, что они могли заручиться в этом поддержкой монгольского наместника равнинного Дагестана. В дальнейшем, как следует из источников, в нем обострилась и борьба за власть, вплоть до изгнания одного из нуцалов. Слабость нуцальской власти (с вытекающей отсюда необходимостью внешней поддержки), самостоятельность крупных феодалов – вот характерные черты социально-политического состояния Сарира и его преемника Аварского нуцальства во второй половине XIV в., прослеживаемые в скудных сообщениях источников.

Список литературы

1. Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1990. 176 с.
2. Акопян А.В. Байар, нуцал Аварии, и его монеты // Христианский Восток. Новая серия, Т. 8 (XIV). С. 411–426.
3. Акопян А.В. Язык и письмо монет христианско-мусульманского пограничья Кавказа IX–XIII вв. // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2016. С. 7–12.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
5. Алиханов Максуд. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев / сост. и комм. Р.Н. Иванов. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 416.
6. Атаев М.М. Авария в X–XV вв. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 1995. 248 с.
7. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. С. 450.
8. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. 204 с.
9. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 60–120.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 543 с.

11. Картлис Цховреба (История Грузии) / под ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008. 456 с.
12. Кикнадзе Р.К. Парсадан Горгиджанидзе и «Картлис Цховреба» (Очерки по источниковедению истории Грузии). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 202 с.
13. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. М.: Таус, 2007. 228 с.
14. Очерки истории Грузии. Т. III (Грузия в XI–XV веках). Тбилиси: Мецниереба, 2002. 560 с.
15. Паномарев А.Л. «Ибрагим сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки» // Золотордынское обозрение. Казань, 2014. № 2 (4). С. 191–225.
16. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957. М.: Государственное издательство географической литературы. 272 с.+ карта.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 248 с.
18. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обр. А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1941. 308 с.
19. Хапизов Ш.М. К вопросу об исламизации Сарира и личности Абумуслима ал-Хунзахи // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2017. № 64. С. 22–31.
20. Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 5–11.
21. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения М.: Наука, 1993. 302 с.

Сведения об авторах: Шахбан Магомедович Хапизов, научный сотрудник Отдела древней и средневековой истории Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, (Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Дачная, 32а), e-mail: markozul@mail.ru

Рамазан Султанович Абдулмажидов, заведующий Отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Республика Дагестан, г. Махачкала, с/т «Локомотив», д. 134), e-mail: ramazana@yandex.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

THE STATE SARIR IN THE ERA OF THE GOLDEN HORDE AND THE STATE OF THE KHULAGUIDS (13-14 CENTURIES)

Sh. Khapizov, R. Abdulmazhidov

*Institute of History, Archeology and Ethnography
of Dagestan Scientific Center RAS*

Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation

*Department of Oriental studies of the Institute of history, archeology
and Ethnography of Dagestan scientific center RAS*

markozul@mail.ru

ramazana@yandex.ru

Abstract. This article examines the relationship between the medieval Dagestan state Sarir and the Golden Horde and the Power of the Khulaguids. Based on the study of information from the few internal and external sources available, the authors offer their own interpretation of the events that took place in Dagestan in the 13th-14th centuries connected with the Mongol-Tatar expansion. The article also tells about the internal political conflicts in Dagestan, the reasons for the weakening or exaltation of various Dagestani feudal possessions of that period. The authors hope that the issues of the mutual relations between people of Dagestan and the medieval Mongol-Tatar states will become the object of research for specialists in Mongolian-Tatar history, which will allow us to get a more complete picture of the socio-political life of Dagestan and the Caucasus during the period under study.

Keywords: Dagestan, Sarir, Mongol-Tatar, the Golden Horde, Khulaguids, Avarian nutsalstvo, Gazi-Kumukh Shamkhalstvo.

References

1. Ajtberov T.M. Drevnij Hunzah i hunzahcy. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 176 c. (In Russian)
2. Akopyan A.V. Bajar, nugal Avarii, i ego monety // Hristianskij Vostok. Novaya seriya, T. 8 (XIV). С. 411–426. (In Russian)
3. Akopyan A.V. YAzyk i pis'mo monet hristiansko-musul'manskogo pogranich'ya Kavkaza IX–XIII vv. // Vostochnaya Evropa v Drevnosti i Srednevekov'e. Pis'mennost' kak ehlement gosudarstvennoj infrastruktury. XXVIII CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. M., 2016. S. 7–12. (In Russian)
4. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej. T. II. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1868. 1238 c. (In Russian)

5. Alihanov Maksud. V gorah Dagestana. Putevye vpechatleniya i rasskazy gorcev / sost. i komm. R.N. Ivanov. Mahachkala: EHpoha, 2005. S. 416. (In Russian)
6. Ataev M.M. Avariya v X–XV vv. Mahachkala: Respublikanskaya gazetno-zhurnal'naya tipografiya, 1995. 248 c. (In Russian)
7. Gadzhiev M.G., Davudov O.M., SHihsaidov A.R. Istoriya Dagestana s drevnejshih vremen do konca XV v. Mahachkala: DNC RAN, 1996. S. 450. (In Russian)
8. Dagestan v izvestiyah russkih i zapadnoevropejskih avtorov XIII–XVIII vv. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. 204 c. (In Russian)
9. Gerber I.-G. Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morya. 1728 g. // Istoriya, geografiya i ehtnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. Arhivnye materialy / pod red. M.O. Kosvena i H.-M. Hashaeva. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958. S. 60–120. (In Russian)
10. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v. M.: Nauka, 1988. 543 c. (In Russian)
11. Kartlis Ckhovreba (Istoriya Gruzii) / pod red. R. Metreveli. Tbilisi: Artanudzhi, 2008. 456 c. (In Russian)
12. Kiknadze R.K. Parsadan Gorgidzhanidze i «Kartlis Ckhovreba» (Ocherki po istochnikovedeniyu istorii Gruzii). Tbilisi: Mecniereba, 1980. 202 c. (In Russian)
13. Krishtopa A.E. Dagestan v HIII – nachale HV vv. M.: Taus, 2007. 228 c. (In Russian)
14. Ocherki istorii Gruzii. T. III (Gruziya v XI–XV vekah). Tbilisi: Mecniereba, 2002. 560 c. (In Russian)
15. Panomarev A.L. «Ibragim syn Mahmudeka: vhozhdenie vo vlast' i koshel'ki» // Zolotordynskoe obozrenie. Kazan', 2014. № 2 (4). S. 191–225. (In Russian)
16. Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka. M. 1957. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury. 272 c.+ karta. (In Russian)
17. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej. T. II. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1960. 248 c. (In Russian)
18. Sbornik materialov otnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. T. II. Izvlecheniya iz persidskih sochinenij, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obr. A. A. Romaskevichem i S.L. Volinym. M.-L.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1941. 308 c. (In Russian)
19. Hapizov Sh.M. K voprosu ob islamizacii Sarira i lichnosti Abumuslima al-Hunzahi // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN. 2017. № 64. S. 22–31. (In Russian)

20. Shihsaidov A.R. O prebyvanii mongolov v Richa i Kumuhe // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury im. G. Cadasy. Vol. IV. Mahachkala, 1958. S. 5–11. (In Russian)

21. Shihsaidov A.R., Ajtberov T.M., Orazhev G.M.-R. Dagestanskije istoricheskie sochineniya M.: Nauka, 1993. 302 s. (In Russian)

About the authors: Shakhban Khapizov, Research Fellow of the Department of Ancient and Medieval History of the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center, RAS (Makhachkala), e-mail: markozul@mail.ru

Ramazan Abdulmazhidov, Head of the Department of Oriental Studies of the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center, RAS (Makhachkala), e-mail: ramazana@yandex.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

**«БОРЬБА С ПЯТЬЮ КАЗАНСКИМИ НАРОДАМИ»:
ЗНАЧЕНИЕ ВЗЯТИЯ КАЗАНИ 1552 Г.
И КАЗАНСКАЯ (ПЕРВАЯ ЧЕРЕМИССКАЯ) ВОЙНА
1552–1557 ГГ. В ТРАКТОВКЕ С.М. СОЛОВЬЕВА**

Б.Л. Хамидуллин

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

bulat.antat@mail.ru

Резюме. В Казанском ханстве в первой половине XVI в. наблюдается функционирование единой этнополитической общности, включающей все местные народы, о чем свидетельствует наличие в стране толерантной экономической, социальной, культурной, языковой и отчасти конфессиональной интеграции, а также осознание всем населением государства своей принадлежности к единому политическому целому и признание им этого целого своей Отчизной. Одним из ярких подтверждений данного тезиса являются развернувшиеся в Казанском крае события 1552–1557 гг., получившие в историографии название «Казанской войны 1552–1557 гг.» или «Первой Черемисской войны». Несмотря на то, что события этого периода достаточно хорошо представлены в современной исторической литературе, на сегодняшний день однозначной трактовки основных причин начала, хронологии и действующих этносоциальных сил этой войны, этнической принадлежности и характеристики поведения её конкретных персонажей, итогов первого восстания народов Среднего Поволжья и т.д. до сих пор нет. А потому мнение авторитетных отечественных исследователей по данной теме, в частности Сергея Михайловича Соловьева, вызывает несомненный интерес. В его работах впервые события 1552–1557 гг. нашли полноценное описание и трактовку, а его взгляды во многом предопределили дальнейшее развитие отечественной историографии.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, Казанское ханство, Казанская война, Первая Черемисская война, татары, марийцы, удмурты, чуваша, историография.

В своих публикациях, посвященных истории Казанского ханства, я неоднократно подчеркивал оригинальный этнополитический генезис данного государства, приведший к своеобразному развитию местных народов: в ханстве в первой половине XVI в. наблюдается функционирование единой

этнополитической общности, включающей все местные народы, о чем свидетельствует наличие в стране толерантной экономической, социальной, культурной, языковой и отчасти конфессиональной интеграции, а также осознание всем населением государства своей принадлежности к единому политическому целому и признание им этого целого своей Отчизной (см., например: [7]).

Одним из ярких подтверждений данного тезиса являются развернувшиеся в Казанском крае события 1552–1557 гг., получившие в историографии название «Казанской войны 1552–1557 гг.» или «Первой Черемисской войны». Несмотря на то, что события этого периода достаточно хорошо представлены в современной исторической литературе [1, с. 143–156; 2, с. 139–155; 3], на сегодняшний день однозначной трактовки основных причин начала, хронологии и действующих этносоциальных сил этой войны, этнической принадлежности и характеристики поведения её конкретных персонажей, итогов первого восстания народов Среднего Поволжья и т.д. до сих пор нет. А потому мнение отечественных исследователей по данной теме, в частности авторитетных дореволюционных ученых – создателей собственной исторической школы, вызывает несомненный интерес. Из дореволюционных исследователей мне особо хотелось бы остановиться на мнении известного русского историка Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879), в чьих работах впервые события 1552–1557 гг. нашли полноценное описание и трактовку, а его взгляды во многом предопределили дальнейшее развитие отечественной историографии.

«История России с древнейших времен» С.М. Соловьева – это 29-томная целостная концепция русской национальной истории, фундаментальный труд, изданный в 1851–1879 гг. По мнению многих дореволюционных, советских и современных исследователей, это научно-историческое произведение создавалось в противовес работам исторической школы Н.М. Карамзина, взгляды которого на прошлое нашей страны (в том числе – историю Казанского ханства) послужили источником формирования научного мировоззрения нескольких поколений отечественных исследователей [6], и чья «История государства Российского», изданная в 1803–1826 гг., считалась официальной в первой половине XIX в. Взглядам Н.М. Карамзина Сергей Михайлович противопоставил идею исторического развития в ракурсе одинаковой роли государственного и общественного начал. По его мнению, государство, будучи естественным продуктом народной жизни, есть сам народ в его развитии, и одно нельзя отделять от другого; история России есть история её государственности – не конкретного правителя и правительства, как думал Н.М. Карамзин, но жизни народной в её целом. Следуя этой логике, Сергей Михайлович где-то впервые, а где-то по-новому осветил массу важнейших вопросов истории русского народа и государства, в частности, первым в отечественной историографии поставил процесс государственной централизации

Руси–России в тесную связь с борьбой «леса со степью» против «преобладания азиатских орд» (т.е. русского народа с кочевыми тюркскими племенами) и так называемого «монголо-татарского ига» (т.е. русского народа с Золотой Ордой и постордынскими татарскими государствами), таким образом «объяснив» русскую экспансию на Восток и колонизацию территорий проживания восточных народов. В результате, например, исследователь рассматривал захват постордынского Казанского ханства (территории которой со времен Волго-Камской Булгарии он отводил роль ведущего «притона не для кочевых орд, но для цивилизации» «Азии магометанской») лишь как очередной этап в справедливой «постоянной и тяжелой борьбе с азиатскими варварами», «между европейским и азиатским духом», между христианством и «бусурманством», как «естественное стремление» «движения Руси на восток по течению Волги» [4]. И эта мысль С.М. Соловьева в последующем стала ведущей при формировании взглядов отечественных историков на конкретные факты взаимоотношений Руси и татар, в частности – Москвы и Казани. Сочинение С.М. Соловьева до сих пор остается крупнейшим и наиболее информативным сводным научным трудом по российскому средневековью, хотя автор практически не привлекал по этой теме новых источников.

Учёный в своих мнениях традиционно основывался на русские летописи, иногда даже не сопоставляя их между собой. При этом он называл «Казанскую историю» «мутным источником» и отказывался пользоваться ею, считая известия С. Герберштейна более достоверным источником относительно некоторых событий истории Казанского ханства и его взаимоотношений с Москвией. Более того, он даже критиковал Н.М. Карамзина за его излишнее доверие сведениям «Казанской истории».

С.М. Соловьев описанию событий Казанской войны 1552–1557 гг. посвятил небольшой параграф под названием «Борьба с пятью казанскими народами», включенный в 3-ю главу 6 тома «Истории России с древнейших времен» после параграфов «Поход на Казань 1552 года», «Осада и взятие Казани» и «Значение казанского взятия», что вполне логично со всех точек зрения. Рассмотрим вкратце содержание разделов «Истории России с древнейших времен», предвещающих оценку автором многотомника значения казанского взятия 1552 г. и информацию о так называемой Первой Черемисской войне. По мнению С.М. Соловьева, долгое время Казань могла поддерживать свою независимость только благодаря малолетству Ивана IV [5, с. 441]; когда Ивана IV возмужал, то «обнаружил намерение решительно действовать против Казани» [5, с. 441]; 2 первых похода Ивана IV на Казань были неудачными [5, с. 441–442]; «в апреле [1552 г.] царь созвал совет насчет решительного похода на Казань» и «объявил, что непременно сам хочет отправиться в поход» [5, с. 448]; «23 августа [1552 г.]... 150000 [русские] войска со 150 пушками обложили Казань... 23 же числа начались сшибки с

осажденными...» [5, с. 452]; «6 сентября [1552 г.] с большим кровопролитием взят был острог, построенный казанцами в 15 верстах от города, на Арском поле, на горе между болотами. Взявши острог, воеводы пошли к Арскому городищу, воюя и пожигая села; от Арского городища возвратились другою дорогою к Казани, повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, жен и детей в плен взяли, а христиан многих из плена освободили; воевали они на 150 верст поперек, а в длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали к Казани в полки» [5, с. 454]; 2 октября 1552 г. в воскресенье «русское войско... пошло на приступ [Казани]... В воротах и на стенах началась страшная сеча...» [5, с. 456]; Казань, «благодаря великодушным усилиям молодого государя» [5, с. 460], была взята, и царь велел служить молебен под своим знаменем [5, с. 457] ... Далее историк восторженно писал, что «надобно перенестись в XVI век, чтоб понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: завоевано Татарское царство!» [5, с. 460], «завоевание Казанского царства было, следовательно, первым завоеванием, и, что всего важнее, завоеванием Татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей...» [5, с. 460], «...завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских...» [5, с. 461]. Значение завоевания столицы Казанского ханства в 1552 г., по мнению С.М. Соловьева, было очень важным для Руси и состояло в том, что «славянская колонизация нашла себе путь» в Среднее и Нижнее Поволжье, преодолев «преобладание азиатских орд», уничтожая «расторгнутые члены чудовища [Золотой Орды]» [5, с. 461]. «До тех пор пока существовала Казань, до тех пор дальнейшее движение русской колонизации на восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможно», – отмечал историк. «Здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского. Пала Казань, и вся Волга стала рекою Московского государства; завоевание Астрахани [в 1556 г.] было скорым, неминуемым следствием завоевания Казани. Мы видели, что до сих пор колонизация русская брала северо-восточное направление: юго-восточная часть великой равнины не была ей доступна по причине господства здесь кочевых орд; но с падением Казани, т.е. со взятием всей Волги во владение Московским государством, русские поселения получили возможность распространяться и на юго-восток, в богатые страны, орошаемые западными притоками Волги и восточными – Дона» [5, с. 462], – уточнял и подчеркивал свою мысль ученый.

Далее, описывая Казанскую (Первую Черемисскую) войну 1552–1557 гг. как «борьбу с пятью казанскими народами», С.М. Соловьев дает интересную

информацию «об устройстве новозавоеванной земли» и «окончательном искоренении бусурманского воинства» и отмечает некоторые узловые моменты данного периода истории Среднего Поволжья. По мнению историка, хотя 2 октября 1552 г. «Казань была взята, но надобно было распорядиться насчет дикого, воинственного народонаселения, жившего в ее области» [5, с. 458]. А ведь «кроме татар в земле Казанской обитали еще пять различных народов» [5, с. 462] – «около Казани сосредоточивались и укрепляли ее разные дикие народы, жившие в привольных для первобытного человека местах по обеим сторонам Волги, западной и восточной, горной и луговой: черемисы, мордва, чувашы, вотяки, башкиры» [5, с. 462]. «Мы видели, – пишет С.М. Соловьев, – как народонаселение Горной стороны – горные люди после разных колебаний должны были подчиниться Москве вследствие основания Свияжска [в 1551 г.]; мы видели также, что первым делом Иоанна по взятии Казани была посылка к этим народцам с приглашением вступить в подданство московское, войти к Москве в те же отношения, в каких находились они к Казани. Они согласились, и дело казалось конченным» [5, с. 462]. Но «оставшиеся князья казанские, какие – неизвестно, соединившись с черемисами и другими народцами, подняли войну против русских» по вине «бояр, которым царь поручил промыслять казанским делом», а «они заботились только о кормлениях, а казанское строение поотложили» [5, с. 463]. Указав свое видение причины начала войны 1552–1557 гг., С.М. Соловьев впервые в научной историографии достаточно подробно описал и сам ход этой войны.

Современные исследователи условно выделяют в этих событиях несколько этапов, в целом следуя описанию событий, данных ещё С.М. Соловьевым. В целях объективного представления того, как трактовал события С.М. Соловьев, я буду давать параллельно обобщенный мною взгляд современных историков [1, с. 143–156; 2, с. 139–155; 3] и выдержки из сочинения Сергея Михайловича [5, с. 463–465].

Первый этап войны начался в октябре–декабре 1552 г. Завоевание Казани приводит к открытому вооруженному выступлению местного населения против новой власти: например, около Казани и на Арской стороне выступили местные жители под руководством т.н. «Тугаевых детей с товарищи», о чем царь узнает лишь во второй половине декабря 1552 г. от своих васьильсурских и казанских воевод. Первые выступления достаточно быстро были подавлены: на Горной стороне свияжским отрядом во главе с воеводой Б.И. Салтыковым, на Арской стороне – отрядами Камая-мурзы и Н. Казаринова. С.М. Соловьев эти события описывает следующим образом: «не прошло еще двух месяцев по возвращении царя в Москву, как 20 декабря воеводы васьильсурские прислали весть, что луговые и горные люди побиили на Волге гонцов, купцов и боярских людей, возвращавшихся с запасами изпод Казани. Царь послал приказание свияжскому наместнику, князю Петру

Шуйскому, разыскать между горными людьми, кто из них разбойничал. Шуйский отправил для розыску воеводу Бориса Солтыкова; тот перехватывал разбойников, числом 74 человека; одних повесили на месте, других – у Свияжска, имение их отдали истцам. Казанский наместник, князь Горбатовый, доносил, что он также перевешал 38 человек казанцев и вотяков, замышлявших было дурное дело, что ясак собирается успешно».

Второй этап был более длительным (весна 1553 – март 1554 гг.) и еще более ожесточенным. Отличительной чертой второго этапа восстания стало объединение усилий повстанцев Арской, Луговой и Побережной земель ханства, с привлечением части населения Горной стороны, в массе своей сохранявшим верность московскому правителю. Костяком восставших были татары, марийцы и удмурты самых разных социальных слоев. Так, марийские легенды подробно сообщают нам о борьбе против завоевателей луговых марийцев под предводительством малмыжского князя Полтыша (Болтуша), еще до октября 1552 г. на реке Большая Кокшага основавшего крепость Шанчара именно для борьбы с войсками Ивана IV. Крупная военная победа повстанцев под предводительством сеида Хусейна (Усеин-Саита), шахзаде Тохтамыша (Тоакмыш-Шахзады) и Сары-батыра над царской армией у Высокой Горы, недалеко от Иски-Казани (было уничтожено 350 стрельцов и 450 казаков), в марте 1553 г. ошеломляюще подействовала на русских и показала моральную сплоченность и боевую мощь местного полиэтнического населения. Вскоре повстанцами ненадолго была блокирована Казань, а в 70 км от Казани на реке Мёша при ее впадении в Каму был построен укрепленный лагерь «Мишэ-тамак» («Мёшский городок») – ставший центром восставшего края, и образовано самостоятельное правительство. Разгром войск воеводы Б.И. Салтыкова-Морозова (сам воевода был взят в плен) на Горной стороне весной 1553 г. людьми сеида Хусейна и Сары-батыра позволил восставшим осадить Иван-город (Свияжск) и Васильсурск и даже распространить боевые действия на муромскую, нижегородскую и вятскую земли. В середине весны на помощь повстанцам пришли отряды из Ногайской Орды. Местные карательные отряды были не в состоянии самостоятельно подавить восстание. По сведениям М.М. Щербатого, в Москве даже обсуждался вопрос об оставлении Казани. Но власти смогли сохранить власть над Горной стороной, что позволило перебросить под Казань значительные силы из Свияжска и мобилизовать отряды из других регионов. Зимой 1553–1554 гг. царским войскам, которыми руководили опытные военачальники А.М. Курбский, С.И. Микулинский, П.И. Морозов, И.В. Шереметев, П.И. Шуйский и др., удалось добиться существенных военных успехов – были взяты Высокая Гора, Арск и Мёшский городок, разорены Заказанье и Предволжье, убиты многие вожди повстанцев, в частности, Алека Черемисянин. 25 марта 1554 г. русская армия вернулась «во отечество со пресветлою победою и со множайшими корыстями».

Сергей Михайлович описывал события этого этапа следующим образом: «В конце 1552 и в два первые месяца 1553 года насчет Казани, следовательно, могли быть спокойны в Москве; но 10 марта пришла дурная весть: князь Горбатый писал, что луговые люди изменили, ясаков не дали, сборщиков ясака убили, прошли на Арское поле, стали все заодно и утвердились на высокой горе у засеки; воеводы послали на них козаков и стрельцов, те разошлись по разным дорогам и побиты были наголову; стрельцы потеряли 350, а козаки – 450 человек, после чего мятежники поставили себе город на реке Меше, в 70 верстах от Казани, землею стену насыпали и положили тут отсиживаться от русских. Через две недели пришла другая весть из Свияжска, еще хуже: мятежники, черемисы и вотяки, пришли войною на Горную сторону; князь Шуйский отпустил против них известного уже нам Бориса Солтыкова с детьми боярскими и горными людьми, но Солтыков потерпел поражение, был взят в плен; кроме него русские потеряли 250 человек убитыми и 200 пленными. По этим вестям из Москвы отправился с детьми боярскими в Вятку Данила Федорович Адашев, родной брат Алексея; ему велено было искать изменников по рекам Каме и Вятке; сверху по Волге шли на помощь Адашеву козаки. Адашев все лето ходил по трем рекам – Каме, Вятке и Волге, на перевозах во многих местах бил казанцев и ногаев и переслал в Казань 240 человек пленных. В сентябре отправились из Москвы воеводы: князь Семен Микулинский, Петр Морозов, Иван Шереметев и князь Андрей Курбский; зимою 1554 года начали они военные действия, сожгли город на Меше, который построили мятежники, били их при всякой встрече, воевали четыре недели, страшно опустошили всю страну, вверх по Каме ходили на 250 верст, взяли в плен 6000 мужчин, 15000 женщин и детей, следствием чего было то, что арские и побережные люди дали клятву быть неотступными от Казани и давать дань государю».

Новый этап повстанческого движения начался в конце лета – начале осени 1554 г. Восстание развернулось еще масштабнее прежнего, и царская армия вновь была направлена на его подавление. В октябре 1554 г. русские войска совместно со служилыми татарами во главе с князьями Е. Чигасовым, Е. Маматовым, стрелецкими головами А. Бортеневым и И. Мохневым «побили изменников наголову» – «Кебенка князя, Курманалия князя, Кулая мурзу, да Ниначебока мурзу Базтаргаева, и иных многих князей, и мурз, и казаков, и сотных князей...». Всего погибли и были казнены 1560 человек. В этот период руководителем повстанцев стал «луговой сотник Мамич-Бердей». Понимая огромную роль марийцев в войне за независимость Казанского юрта, в январе 1555 г. русская армия вторглась именно вглубь марийских земель, подвергнув их беспощадному разорению. В ответ на это в феврале 1555 г. повстанцы под руководством Мамич-Бердея предприняли нападение на Арскую и Луговую стороны, а в 160 км от Казани на Сундырской горе возвели Чалымскую крепость, и здесь также было образовано

самостоятельное правительство. Но царским властям путем обмана и подкупа удалось расколоть руководство повстанцев. Однако освободительное движение продолжилось. В сентябре 1555 г. Иван IV направляет против восставших новые войска под командованием А.М. Курбского и Ф.И. Троекурова, и в феврале–мае следующего года царские войска одерживают ряд крупных побед. В частности, в апреле 1556 г. казанский воевода П.В. Морозов занял Чалымский городок. А в мае на реке Меше произошло решающее сражение, в результате которого повстанцы потерпели поражение. После этого русским правительством во все стороны Казанского края были отправлены карательные отряды, которые должны были подавить последние очаги сопротивления. Но борьба населения бывшего Казанского ханства за независимость, во главе которой стояли дети Мамыч-Бердея сотники Абыз и Енебяк, «Ахметек-богатырь» и иные люди – в основном татары и марийцы, продолжалась на Арской, Луговой, Побережной и отчасти Горной стороне вплоть до мая 1557 г. Зимой 1556–1557 гг. один из повстанческих боевых отрядов даже пытался захватить городок Солигалич; подверглись нападению и нижегородские земли. Однако безусловное численное превосходство царских войск, а также отсутствие единства среди руководителей повстанческого движения и среди уставшего от войны полиэтничного населения региона привели к безжалостному подавлению восстания и почти поголовному истреблению ее участников...

С.М. Соловьев последний этап войны описывает достаточно подробно, рассматривая действия каждой из воюющих сторон: «Но летом взволновались луговые люди; воеводы попробовали послать против них двух казанских князей с арскими, побережными и горными людьми, чтоб испытать верность последних; опыт не удался: казанцы не пошли на изменников, соединились с ними, побили тех арских и горных людей, которые оставались верны, на Каме побили рыбаков и начали приходить к самой Казани на сенокос. Против них отправился князь Иван Федорович Мстиславский; в две недели были опустошены 22 волости, мятежники, напавшие на сторожевой полк, были разбиты наголову. Толпы луговых явились на Арской стороне; но арские люди поделали остроги и отбились от них с помощью московских стрельцов, которые стрельбою из пищалей наносили много вреда нападавшим; также остались верны и горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали ее; двое князей казанских, отправленные воеводами вместе с стрельцами и новокрещеными народами, поразили войско мятежников и привели в Казань пленными многих князей и мурз, которые были все казнены. Арские люди и побережные продолжали отличаться верностью: побили в одну эту осень 1560 мятежников всяких званий. Государь послал воеводам и верным татарам жалованье – золотые. Но если арские и побережные люди все были верны и заплатили ясак исправно, то луговые сотники – Мамич-Бердей с товарищами – не пошли в Казань и по-прежнему

разбойничали по Волге, разбивая суда. Против них отправились князь Иван Мстиславский и боярин Данила Романович. В чем состояли их действия, мы не знаем; только весной 1556 года князь Петр Иванович Шуйский дал знать из Казани, что арские люди и побережные опять изменили, стоявших у них стрельцов побили и ссылаются с главным мятежником Мамич-Бердеем, который взял уже себе царевича от ногаев. К счастью, горные люди оставались по-прежнему верными и оказали важную услугу Москве, освободив ее от Мамич-Бердея; с 2000 человек подступил он к их острогу, опустошив окрестные места; горные люди завели с ним переговоры, обещались действовать заодно против царского войска и в знак союза позвали его к себе на пир; Мамич-Бердей пришел к ним с двумястами своих, но эта стража была перебита на пиру, Мамич-Бердей схвачен живой и отвезен в Москву. Государь пожаловал за это горных людей великим своим жалованьем и снабвил им ясака. Мамич-Бердей объявил в Москве, что он уже убил призванного им царя из ногаев, потому что от него не было никакой пользы. Черемисы взоткнули голову убитого на высокий кол и приговаривали: "Мы было взяли тебя на царство, для того чтоб ты с своим двором оборонял нас, а вместо того ты и твои люди помощи не дали никакой, а только волов и коров наших поели; так пусть голова твоя царствует теперь на высоком коле". Мятежники, лишившись ногайской помощи, потеряв Мамич-Бердея, должны были выдерживать нападения боярина Петра Морозова; последний весной 1556 года с детьми боярскими, козаками, стрельцами, новокрещеными инородцами выступил к Чалымскому городку и сжег его, повоевавши и побивши многих людей, которые встретили его на реке Меше и потерпели совершенное поражение; после этого Морозов воевал десять дней, опустошил все арские места, побил многих людей, пленных вывел бесчисленное множество. Это было в мае; в июне Морозов вместе с воеводою Феодором Солтыковым выступил в новый поход, за 50 верст только не дошел до Вятки; ратники его брали в плен одних женщин и детей, мужчин всех побивали. Кроме того, князь Петр Шуйский из Казани отпускал еще другие отряды, вследствие чего Арская и Побережная стороны опустошены были вконец; спасшиеся от меча и плена пришли в Казань и добились челом. Весною следующего года князь Петр Шуйский велел арским и побережным людям поставить на Каме город Лаишев, который должен был служить обороною против ногаев; в городе посажены были новокрещены и стрельцы, у которых головами были дети боярские; новокрещенам воевода велел тут пашню пахать, также у Казани по пустым селам велел всем пахать пашни – и русским людям и новокрещенам. Но в то же самое время луговые люди продолжали волноваться: под начальством богатыря Ахметека они напали на Горную сторону, но были поражены князем Ковровым, и Ахметек попался в плен; другие толпы луговых, приходившие на арские места, были также побиты, а между тем из Казани, Свияжска и Чебоксар ежедневно выходили русские отряды опустошать

Луговую сторону. Наконец в мае государь получил известие, что луговые прислали бить челом о своих винах; Иоанн послал в Казань и на Свиягу стряпчего Ярцева приводить луговых к присяге. Ярцев возвратился с известием, что вся Казанская земля успокоилась».

В ходе Казанской войны были опустошены самые густонаселенные земли бывшего Казанского ханства, значительная их часть вскоре была роздана Архиерейскому дому, монастырям, русским помещикам. В ходе войны была истреблена почти вся знать бывшего ханства, а немногочисленные ее остатки, перешедшие на сторону русского государства, уже не представляли никакой опасности – ни политической, ни экономической. Заканчивая описание событий 1552–1557 гг., Сергей Михайлович сделал следующее резюме: «Таким образом, после взятия Казани нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтоб усмирить все народы, от нее прежде зависевшие»¹. С.М. Соловьев тем самым признавал, что завоевание Казанского ханства не произошло одномоментно в октябре 1552 г., что этот процесс сильно затянулся во времени, что местное население (не только татары, но и марийцы, и удмурты, и чуваша) почти 5 лет оказывало московскому правительству и казанским наместникам достаточно жесткое сопротивление, не принимая новой инородной власти и стремясь вернуть старый уклад и порядок жизнедеятельности...

Список литературы

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 160 с.
2. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграф.-издат. комбинат, 1998. 192 с.
3. Ермолаев И.П., Измайлов И.Л. Казанская война 1552–1557 гг. // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 73–85.
4. Соловьев С.М. Восточный вопрос (3 статьи) // Сочинения Сергея Михайловича Соловьева. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_vostochniy_vopros.html (дата обращения: 26–28.04.2017).
5. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времен. Т. 5 и 6 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989. 783 с.

¹ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Книга III. История России с древнейших времен. Т. 5 и 6 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1989. С. 465–466.

6. Хамидуллин Б.Л. Вклад Н.М.Карамзина в историографию Казанского ханства // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань, 28–29 сентября 2016 г.). Казань: ИТЭР, 2016. Вып. 8. С. 116–121.

7. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 335 с.

Сведения об авторе: Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, e-mail: bulat.antat@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

**"THE STRUGGLE WITH THE KAZAN FIVE PEOPLES":
THE VALUE OF THE CAPTURE OF KAZAN
IN 1552 KAZAN (FIRST CHEREMIS) WAR 1552–1557.
IN THE INTERPRETATION OF S.M.SOLOVIEV**

Bulat Khamidullin

Institute of Tatar encyclopedia and area studies,

Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

bulat.antat@mail.ru

Abstract: in Kazan khanate in the first half of the XVI century. there is the functioning of a single ethno-political community, including all local peoples, as evidenced by the presence in the country of tolerant economic, social, cultural, linguistic and religious integration, as well as the awareness of the whole population of the state of its belonging to a single political entity and recognition of this whole of their Homeland. One of the clearest evidence of this thesis is the events of 1552–1557 that took place in the Kazan region, which received the name "Kazan war of 1552–1557" or "the first Cheremis war" in historiography. Despite the fact that the events of this period are quite well represented in modern historical literature, to date, the unambiguous interpretation of the main causes of the beginning, the chronology and current ethnosocial forces of this war, ethnicity and characteristics of the behavior of its specific characters, the results of the first

uprising of the peoples of The middle Volga region, etc. But because the opinion of authoritative Russian researchers on the subject, in particular, Sergei Solovyov, stir interest. In his works for the first time the events of 1552–1557 found a full description and interpretation, and his views largely predetermined the further development of national historiography.

Keywords: S.M. Soloviev, Kazan khanate, the Kazan war, the First Cheremis war, Tatar, Mari, Udmurt, Chuvash, historiography.

References

1. Alishev S.H. Kazan i Moskva: mezhgosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vv. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1995. 160 s. (In Russian)
2. Bahtin A.G. XV–XVI veka v istorii Marijskogo kraja. Joshkar-Ola: Marijskij poligraf.-izdat. kombinat, 1998. 192 s. (In Russian)
3. Ermolaev I.P., Izmajlov I.L. Kazanskaya vojna 1552–1557 gg. // Istoriya tatar s drevnejshih vremen: V 7 t. T. V. Tatarskij narod v sostave Rossijskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI–XVIII vv.). Kazan: II AN RT, 2014. S. 73–85. (In Russian)
4. Solov'ev S.M. Vostochnyj vopros (3 stat'i) // Sochineniya Sergeya Mihajlovicha Solov'eva. SPb.: Tip. brat'ev Panteleevyh, 1882. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_vostochniy_vopros.html (data obrashcheniya: 26–28.04.2017). (In Russian)
5. Solov'ev S.M. Sochineniya: v 18 kn. Kniga III. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 5 i 6 / Otv. red. I.D.Koval'chenko, S.S.Dmitriev. M.: Mysl', 1989. 783 s. (In Russian)
6. Hamidullin B.L. Vklad N.M.Karamzina v istoriografiyu Kazanskogo hanstva // Istoriya Rossii i Tatarstana: Itogi i perspektivy ehnciklopedicheskikh issledovanij: Sbornik statej itogovoj nauchno-prakticheskoy konferencii nauchnyh sotrudnikov Instituta tatarskoj ehnciklopedii i regionovedeniya AN RT (g. Kazan, 28–29 sentyabrya 2016 g.). Kazan: ITEHR, 2016. Vyp. 8. S. 116–121. (In Russian)
7. Hamidullin B.L. Narody Kazanskogo hanstva: ehtnosociologicheskoe issledovanie. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2002. 335 s. (In Russian)

About the author: Bulat Khamidullin, Cand. Sci. (History), the head of the Center for the study of the Tatar diaspora, Institute of Tatar encyclopedia and area studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan), e-mail: bulat.antat@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИИ ПОЭТА-СУФИЯ XIX ВЕКА АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ

А.А. Хасавнех

Институт языка и литературы им. Г.Ибрагимова АН РТ

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

alise_12345@mail.ru

Резюме. Статья посвящена разбору сведений различных ученых, в разное время исследовавших жизнедеятельность татарского суфийского поэта А.Каргалый. Имя этого поэта стало известно широкому кругу читателей благодаря его книге “Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Сагиди”. Однако еще до издания вышеуказанного сборника его произведения получили широкую известность. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования отечественных ученых жизни и творческого пути татарского поэта. В ходе анализа вопроса об исследовании жизнедеятельности А. Каргалый, оценки его творчества выяснилось, что первым его биографом стал исследователь-краевед М.И. Уметбаев. Много новой и интересной информации о поэте содержится в трудах: К. Насыйри, Р. Фахреддинова, М. Рамзи, Г. Исхаки, Дж. Валиди и др. Эти исследователи помимо биографических фактов об А. Каргалый проводят анализ причастности того или иного поэтического произведения перу поэта, что является важной научной составляющей в изучении произведений автора.

Ключевые слова: Абульманих Каргалый, поэзия, биография, анализ творчества, языковые особенности произведений.

Среди татарских поэтов-суфиев XIX-го столетия можно назвать немало ярких имен: Габдрахим Утыз Имяни (1754–1834), Абульманих Каргалый (1782–после 1833), Хибатулла Салихов (1794–1867), Шамсетдин Заки (1825–1865), Гали Чокрый (1826–1889), Ахметзян Тубыли (1825–189?) и т.д. В этом ряду талантливых мастеров пера имя А.Каргалый (Габдессалям Абульманих Абульфаиз угылы, 1782–после 1833) занимает видное место.

Профессор Г.Тагирджанов, говоря о необходимости изучения наследия поэтов-суфиев, отметил: “Если наши литературоведы и ученые, изучающие истории общества, скуруплезно будут исследовать этих суфийских поэтов, то, по нашему мнению, они собрали бы довольно-таки большую информацию о внутренней борьбе литературного движения того времени в области развития общественной мысли ... Вдобавок, из этих письменных памятников

можно получить богатые сведения о преобладающих литературных формах, техниках стихосложения, средствах художественного описания. Наконец, подробное изучение суфийской литературы, кроме показа влияния властвовавшей идеологии на общественную мысль, даст и интересные сведения о литературных взаимоотношениях” [22, с. 63–64]. Это мнение ученого, высказанное о поэтах-суфиях средневековья, относится и к творчеству А. Каргалый.

Имя этого поэта стало известно широкому кругу читателей благодаря его книге “Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Сагиди”, изданного в 1845 году в Казани [25]. В 1889 году в типографии Казанского университета на средства жителя деревни Нижняя Корса Шамсутдин б. Хусаина вышло его второе издание [25].

В конце второго издания приводится сведение следующего характера: “Эта книга, т.е. переводы кысса о святых из книг “Тафсир-кабир” (Великий тафсир) и “Мишкат ал-анвар” (Источник лучей) выполнены покойным хаджи Абульманихом из Сеидовского посада” [25, с. 34].

Однако еще до издания вышеуказанного сборника его произведения получили широкую известность. Об этом свидетельствует тот факт, что его стихотворения, начинающиеся со слов “Сакыйн, бу дөнъя бәнем минем дәү, итмә тәгъмир сәгый...”, “Жиһанның жаһ-у малы...” и две последние строки стихотворения “Холус үзрә, йуре, мәшкилләре асан идән улдыр...”, уже были включены в “Татарскую хрестоматию”, составленную Мартимианом Ивановым [14, с. 90; 133]. Безымянное стихотворение, посвященное вассальному казахскому хану Джихангиру Букееву, уже было включено в “Татарскую хрестоматию”, составленную педагогом и языковедом Салихджаном Кукляшевым (1811–1864) [24, с. 11–112].

Первым биографом А.Каргалый стал поэт-просветитель, исследователь-краевед М.И. Уметбаев (1841–1907). Сведения о поэте М.И. Уметбаев включил в свою рукопись “Путешествие в хадж”, которая так и осталась неопубликованной. Эти сведения затем успешно использовал знаток башкирского края, профессор М.В.Лоссиевский. В девятой главе работы “Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам (Историко-этнографический очерк)” автор пишет: “Из писателей последнего времени пользуется известностью Абуль-Маних, который в качестве ученого муллы поехал с Бухарским посланником в Константинополь, а оттуда через Египет направился в Мекку и Медину. В Египте он написал стихотворный перевод Тевсир Кебира. В этой книжке он рассказывает о своем путешествии и между прочим говорит: “И этого бедняка (т.е. самого автора книги) Судьба заставила топтать прах османов!”. Возвратился Абуль-Маних в 1814 году, будучи счастливее других в своем путешествии” [13, с. 378]. При этом М.В. Лоссиевский сообщает о том, что при написании данной главы он пользовался рукописями вышеупомянутого башкирского просветителя Мухамметсалима Уметбаева.

Видный татарский ученый-литератор, этнограф и просветитель XIX века К. Насыри (1825–1902) в своих “Путевых заметках” при описании Сеидовского посада, откуда был родом татарский поэт А. Каргалый, пишет: “Из этого Сеидовского посада вышло много ученых; издревле он был городом ученых. У некоторых деятелей [Сеидовского посада] известны их сочинения. Например, Абульманих эфенди был прославленным поэтом. Мы знаем о его книге, которая весьма распространена в народной среде” [15, с. 119].

Отдельные стихотворения А. Каргалый, не включенные в два его издания, без указания автора были помещены в конце книги “Уммикамал”, изданной в 1884, 1898, 1906 годах [16]. В частности, они озаглавлены следующим образом: “Мөнажәт әл-хажи Әбелмәних әл-Каргалый”, “Изанамәә хажи мәрхүм Мөхәммәд бай мәрхүмгә”, “Хажи мәрхүмнең Кибай бай мәрхүмгә язганы”, “Тәнбиһ әл-хажи әл-мәрхүм”, “Вәлә иза фи мәдех рәсүл Аллаһ галәйһи әс-салават вә-с-сәлам”, “Вәлә иза мөнажәт”, “Тәхрир әл-хаж әл-мәрхүм”, “Бер адәмнең ләтәйфә дилкәшәсе үз хатынына”, “Хатынның жавабы иренә”, “Вәлә иза сахрадан кайткач әйткәне”. После стихотворения, посвященного Мухаммад баю, приводится дата его написания: “Это сочинение завершено 10 июля 1833 года” [16, с. 109]. Принято считать, что это произведение – последнее творение татарского автора.

Расширенная информация об А. Каргалый содержится в работе известного ученого-просветителя, религиозного деятеля, историка, журналиста, педагога и общественного деятеля Ризәддина б. Фахруддина (1859–1936) “Сеидовский посад” (Сәгыйд). Так, о генеологии поэта он пишет: “Первый имам [Сеидовского посада. – А.Х.] Габдуссалам бин Уразмухаммед (Урай) бин Кулмухаммед бин Кулчура – выходец из деревни Менгер [19, с. 59] Алатской дороги Казанского края. Известно, что в 1159 году по Хиджри [1746 М.] занимался обучением [детей] в деревне Ташкичу [19, с. 57] Казанского края. Предположительно в том же году переехал в Сеидовский посад, стал имамом, ахундом и мударрисом при мечети. Известный поэт Абульманих б. Абульфаиз является правнуком этого человека” [21, с. 17].

Из восьми помещенных в этой же книге стихотворений только четыре принадлежат перу А. Каргалый. Жанр третьего стихотворения, начинающегося со слов “Холус үзрә йөри мөшкәлләре асан идән улдыр”, не имеющегося в двух изданиях, в данном случае обозначен как *таслия*. Ему дается такое пояснение: “Из месневи¹ Вали ад-Дина б. Хасан ал-Багдади ал-Мукрай, где рассказано о людях Сеидовского посада” [21, с. 8].

Поэтическое произведение, начинающееся словами “Жиһанның жаһ малы нәфсә гаятьдә хөснәдер бу”, которое в обоих изданиях имеется в первом

¹ Месневи – (араб. – двоякое), жанровая форма восточной поэзии, возникшая на иранской почве и получившая распространение по преимуществу также в тюркских литературах Ближнего и Среднего Востока [12, с. 217].

хикайте, обозначен как *шикаят* (жалоба). Стихотворение “Латифа¹ Абульманих”, не присутствует в двух известных нам изданиях поэта. Поэтическое произведение “Ташаккур Абульманих” в “Асар”е следует вторым по счету и в двух изданиях включено в третий хикаят.

Некоторые сведения об А. Каргалый можно почерпнуть и в четвертой части первого тома фундаментального труда “Асар” (Следы) Ризаэтдина б. Фахрутдина. В частности, он приводит небольшую биографию поэта, в которой сообщается, что “он в 1231 г. [1816 – м.] в качестве сопровождающего некоему послу по имени Мухаммед Йусуф отправился в город Стамбул, оттуда направился в паломничество, посетил Мекку и Медину. Говорят, когда ему было сорок лет, он с целью повторного совершения паломничества отправился в Хиджаз, и в 1240 году умер в пути” [1, с. 201]. После этой информации следует три стихотворения поэта без названий (“Жиһанның җаһ малы нәфсә гаятьдә хөснәдер бу...”, “Әйә мескин Мәних шөкрәна кыйл собх-у мәсаләр сән...”, “Холус үзрә йөри мөшкәлләре асан идән улдыр...”). Ученый, восхищаясь ими и давая высокую оценку, пишет: “За приведенные [в статье] стихи нигде и ни в каком веке не придется краснеть” [1, с. 203].

Ризаэтдин б. Фахрутдин был хорошо осведомлен в культурно-литературной среде Сеидовского посада того времени. Вот как он описывает ее: “...Когда-то в Сеидовском посаде, подобно ему [Абульманиху Каргалый. – А.Х.], творило большое количество красноречивых поэтов, остроумцев, беседы которых приятно завораживали слух, и писателей, литературные вечера которых являлись духовной пищей” [1, с. 203].

В 1907 году в Оренбурге был издан двухтомный исторический труд известного татарского ученого, историка, духовного деятеля Мухаммад Мурада Рамзи (1854–1934) “Талфик ал-ахбар ва талхик ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар” (Известия и сведения о событиях в Казани, Булгаре и татарских правителях). В нем, как в вышеупомянутой книге Р.Фахрутдина “Асар”, освящается жизнедеятельность многих ученых, представителей самых разных областей сфер деятельности татарского народа. В нем М.М.Рамзи приводит уже известные факты о жизни и творчестве Абульманиха Каргалый. Автор книги высоко оценивает при этом его поэтические творения: “Стихи его красноречивы, хорошо сложены, легковосприимчивы”. В заметке о поэте включена его касыда, начинающаяся со слов “Әйә, мескин Мәних, / Шөкер иннаһу кыйла сабах вә мәсаләр сән” и заканчивающаяся строкой “Сәламәт китмәке иман илә, / Дунйай дүнләң сән, ah!” [17, с. 423–424].

Сведения о поэте, приведенные в “Асар”е, также повторяются и в учебном пособии Г.Исхакий (1887–1937?) “Әдәбият юллары”. Автор пособия

¹ Латифа – (араб., букв. – шутка, острота), жанр литературы и фольклора Ближнего и Среднего Востока [12, с. 176].

ошибочно указывает (либо по причине опечатки) год второго издания книги “Переводы хаджи...” как 1898 вместо 1889 [7, с. 97].

По мнению литературоведа Дж.Валиди (1887–1932), “когда мы пишем о наших поэтах, нельзя забывать и хаджи Абульманиха, у которого имеется изданное произведение “Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Сагиди”... С хаджи Абульманихом эфенди меня познакомил уважаемый Ризаэтдин эфенди хазрет. Прочитав одно из стихотворений поэта, включенное в “Асар”, я удостоверился в том, что Абульманих [Каргалый] является одним из истинных поэтов” [2, с. 91–92].

Жизнь и творческая деятельность А.Каргалый более расширенно освещаются в книге Г. Рахима (1892–1943) и Г. Газиза (1887–1937) “История татарской литературы. Период феодализма”. Так, в разделе “Религиозно-суфийская литература” [18, с. 184–186], в котором отдельно рассматривается и жизнедеятельность исследуемого нами поэта, говорится о его поездке в Бухару и нахождении там на службе у ишана Ниязкули ат-Туркмани¹. Авторы дают небольшую характеристику его книге, источником для которой послужили “Тафсир-и кабир” и “Мишкат ал-анвар” М.Газали. Они указывают на то, что текст стихотворений написан метрами рамаль и хазадж квантитивной системы стихосложения. Согласно этим сведениям, стихи, приведенные Ризаэтдином б. Фахрутдином в указанном труде, не включены в изданные книги А. Каргалый. Г. Рахим и Г. Газиз, рассматривая языковые особенности произведений поэта, отмечают, что “...они мало подвержены чагатайскому влиянию и полностью находятся под влиянием османского языка” [18, с. 186].

Литературовед М.Х. Гайнуллин (1903–1985) в своей книге “Татарская литература XIX века” отмечает творческие особенности поэта. Так, ученый пишет: “Хаджи Абульманих в переводческой деятельности не ограничился лишь переложением произведений других авторов в стихотворную форму. Переводы он выполнил творчески, обогащая их своими наблюдениями, знаниями, что делало каждое произведение более занимательным и поучительным. Включенные же в книгу (“Переводы Хаджи...”) мемуарный отрывок о путешествии, оды и поэтические письма составляют оригинальное творчество поэта” [4, с. 93]. По мнению ученого, он писал рифмованные письма, которые представляют из себя одну из многих форм эпистолярного художественного творчества; “письма позволили поэту высказаться более полно и откровенно” [4, с. 95]. К этому следует добавить, что отдельный литературный жанр мактубат (от *араб.* – “письма”), занимающий в творчестве А.Каргалый значительное место, является одним из основных в

¹ Сведения о том, что А.Каргалый являлся муридом у прославленного бухарского шейха Ниязкули ат-Туркмани остается документально неподтвержденным. См. об этом ниже.

творчестве суфийских авторов. Что касается мировоззрения А.Каргалый, то, по мнению ученого, он "...близок к поэтам-аскетам. Во многих стихотворениях, признавая тленность мира, он призывает не поддаваться людской хитрости, не прельщаться богатством; как и другие поэты-суфисты, он осуждает людей жадных, корыстных, завистливых" [4, с. 93–94]. В дополненном, втором издании на татарском языке этого труда он также поместил отдельные отрывки из произведения А.Каргалый "Переводы хаджи...", а также некоторые его стихотворения, включенные в книгу "Уммикамал" [3, с. 32–43].

Башкирский литературовед А.И. Харисов (1914–1977), охарактеризовав степень суфизма у А. Каргалый, полностью разделяет точку зрения М.Х. Гайнуллина, правда, с некоторой оговоркой: "А. Каргалый смотрит на мир, на материальное и духовное богатство в нем, с точки зрения человека иного мира, с позиции суфиев. Но он не является последовательным суфием, его суфизм в действительности заканчивается при описании природы и любовных чувств, где он показывает себя как человека земного, поэтом этого мира" [27, с. 292].

Нужно отметить, что этот методологический стереотип, подкрепленный идеологическими и психологическими предубеждениями по поводу суфизма был присущ не одному поколению литературоведов постсоветского пространства. В научно-исследовательской литературе до сих пор еще бытует противопоставление суфизма, как течения, свойственного средневековому феодальному обществу, прогрессивным и просветительским идеям. Так, например, ведя речь о творчестве поэтов-суфиев, некоторые авторы объясняют суфийскую направленность их деятельности веянием эпохи, сложившейся исторической обстановкой и т.д., и тут же, как бы в оправдание, выделяют и "прогрессивные" стороны их произведений. Такой подход в корне неверен. В данном случае мы к тому же имеем дело со специальной суфийской терминологией: в суфийских стихах о красоте природных явлений или о пленительности женщины подразумеваются глубокие аллегорические символы. Поэтому относить А.Каргалый к непоследовательным суфиям было бы было бы, мягко говоря, неуместно.

В своей книге М.Х. Гайнуллин поместил некоторые отрывки из произведения поэта "Переводы хаджи..." [27, с. 293–296] и другие его стихотворения, не включенные в два издания, с переводами их на башкирский язык. Речь идет о произведениях поэта, начинающихся со строк: "Жиһанның җаһ, малы нәфсә гайәт дә хәсәндәр бу...", "Ошбу көн вармыш идем сәйран өчен сахра тараф...", "Галәм әйванында гамме кидәрер өч нәрсә, бел..." [27, с. 293–296]. При этом стихотворение поэта, созданное в жанре мухаммас (араб., букв. – упятеренный), строфической форме в поэзии народов Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии [12, с. 231] и помещенное в книге "Сеидовский посад", автор приписывает А. Каргалый. Риззәтдин б. Фахрутдин ранее в отношении авторства данного стиха дал объяснение следующего

содержания: “Я ознакомился [с этим стихотворением] в одном из сборников, в котором упоминалось, что данное стихотворение принадлежит перу некоего человека из Сеидовского посада. Однако ввиду большого сомнения в том, что в нашей стране имеется кто-либо [иной], способный на подобное красноречие, не относя это произведение кому бы то ни было, поместил его здесь” [21, с. 12].

Известный археограф А. Фатхи (1937–1992), рассматривая творчество суфийских поэтов в тесной связи с историей татарского народа, отмечает: “...и таких суфийских поэтов, как Хибатулла, Абульманих, Ш.Заки мы можем рассматривать не иначе, как российских граждан. Они, хотя и являются суфиями по общим взглядам на мир, судят о жизни конкретного народа – татар, изучают поведение этого же народа, его сословий, выражают свое отношение к различным явлениям, событиям. ...Следовательно, нет никаких оснований представить татарских суфиев как не имеющих отношения с их временем, обществом дервишей, скитающихся на каких-то суфийских пространствах” [26, с. 112].

Наиболее полные сведения о жизни и творческой деятельности А. Каргалый приводятся в учебном пособии для студентов, составленном Ш.А. Садретдиновым (1936–1996) и М.В. Гайнутдиновым [20, с. 35]. В нем также проанализированы произведения поэта. Ученые отмечают, что “в результате изысканий в этом направлении были обнаружены еще три стихотворения поэта, которые до сих пор не были упомянуты ни одним автором: “Жиһангир ханга”, “Әбелләес мәрхүм бине Әбелфәез мәрсиясе”, “Кара йөзле гариб өммәт...” [20, с. 7]. Два первых стихотворения впервые были опубликованы в данном учебном пособии авторов на кириллице с пояснениями отдельных слов и выражений. Ш.А. Садретдинов и М.В. Гайнутдинов также указывают на то, что копии стихотворений, начинающихся со строк “Ошбу көн вармыш идем сәйран өчен сахра тараф...”, “Галәм айванында гамме кидәрер өч нәрсә, бел...”, “Зи сәгадәт соруре галәм хәбибе кибрия...”, “Ибтида кыйлдым кәлями наме Хаклә бән гариб...” и включенных в книгу “Уммикамал”, а также стихотворения “Мәрсия ли хәйә мелла Әбелләес бине Әбелфәез”, “Тәшәккер” имеются в сборнике “Маджма‘ ал-китаби абйат”. Они хранятся в фонде Института Востоковедения имени Абурейхана Бируни Академии наук Узбекской ССР [20, с. 8].

В книге “XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре ” (Памятники татарской литературы XIX века) [14] приводится большая часть текста из книги А. Каргалый “Переводы хаджи...”, а также и другие стихотворения автора, включенные в книги: “Уммикамал”, “Материалы по истории татарской литературы”, “Татарская хрестоматия” М. Иванова, рукописный сборник “Маджмаг ал-китаби абйат”, “Диване хикайат татар” Салихджана Кукляшева с комментариями к ним. Что касается эпистолярного произведения “Кибай байга”, то, как отмечает Ш.А. Садретдинов, оно посвящено “известному

богачу из Каргалы [Сеидовского посада] – купцу первой гильдии Губайдулле Заетову. Этот факт был выявлен Масгутом Гайнутдиновым из документов Оренбургского областного архива” [14, с. 128].

Другой башкирский ученый Г.С. Кунафин подробно останавливается на фактах из жизни отца А.Каргалый – Абулфаиза эфенде и его деда Габдуссалам ахунда. “Его дед был человеком высокообразованным, набожным, пользовался высоким авторитетом среди народа. И дед, и отец всегда выражали активную гражданскую позицию. Так например, Габдессалам ахунд принял активное участие в народной освободительной борьбе под руководством Батырши; также он писал стихи и книги на разные темы. А.Каргалый в своих стихах с большой гордостью отзывается о своем деде, выделяя прежде всего его ученость и большое количество учеников и последователей” [10, с.159]. Рассматривая второй хикаят А. Каргалый, включенный в состав “Переводы хаджи...”, Г.С. Кунафин также отмечает, что “им создано еще одно романтическое сочинение про Самсона, овеянное религиозно-мистическими, аскетическими мотивами” [11, с. 35].

У.И. Гимадиев (1920–1987) в одной из своих статей, посвященной жизни и деятельности А. Каргалый, пишет, что поэт, “поместив лиро-публицистические отступления, приводя свои объяснения рассказам, стремится дать им современное звучание. ...В ткань рассказов вкрапливает и собственные произведения (газели, мунаджаты, бейты)” [5]. Однако автор статьи ошибочно воспринимает названия жанров за названия стихотворений: “Он [Ризаэтдин б. Фахрутдин] говорит эти слова [слова восхвалений и восхищений] в отношении четырех стихотворений, составляющих 54 строки – “Таслия”, “Шикаят”, “Латифа”, “Ташаккур” [5].

А. Каргалый посвящен очерк З.Я.Шариповой во втором томе шеститомной “Истории башкирской литературы”. Автор, перечисляя все известные ей сведения о жизнедеятельности поэта, пишет: “На сегодняшний день известно, что до революции было издано двадцать произведений поэта [А. Каргалый], включая и рукописные, которые в целом, составляют 2200 строк” [29]. Но эти данные были зафиксированы ранее Ш.А. Садретдиновым и М.В. Гайнутдиновым в упомянутом выше труде [20, с. 8]. Однако впоследствии известный немецкий ученый М. Кемпер поставил под сомнение приведенные башкирской исследовательницей цифры. По его мнению, сама только поэма “Переводы хаджи ...”, по подсчетам Шариповой включает уже 1836 строк, десять стихотворений из сборника “Умми Камал” добавляют еще 250 строк. К этим цифрам нужно добавить и количество строк из девяти неопубликованных стихотворений поэта [8, с. 204]. Однако при этом он сам не уточняет, сколько же поэтических строк или бейтов составляет творческое наследие А. Каргалый.

М. Кемпер первым из зарубежных исследователей обратил внимание изучению биографии и творческого наследия татарского поэта А. Каргалый.

Он приходит к новым и в некотором смысле неожиданным выводам. Так, по мнению ученого, Абульманиха Каргалый отличает от других татарских поэтов-суфиев из окружения Муджаддидийа, критика власти и устоев которых носила, в основном, пессимистический характер, то, что “в своей суфийской поэзии он защищает власть и относится к ней лояльно” [8, с. 203]. Также, принимая во внимание то, что в поэзии А. Каргалый встречаются указания на тесную связь его с казахской средой, М. Кемпер выдвинул предположение, что “он, вероятно, работал муллой среди казахских племен в степи южнее Оренбурга” [8, с. 203]. Многие исследователи при написании работ о творчестве А. Каргалый¹ допускали одну и ту же ошибку, утверждая, что слово *тәржемә* в названии сборника “Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди” означает “перевод”. М. Кемпер исправил эту ошибку; по его словам, “слово *тәржемә* в названии дивана означает не “перевод”, а “биография”, так как в тексте поэт приводит определенные сведения о своем жизненном пути” [8, с. 203].

Стихотворения А. Каргалый в свое время были широко распространены среди населения. Например, обнаруженный известным археографом С.Г. Алимовым (1872–1939) в 1941 году полный список произведения, начинающийся со слов “Кара йөзлү гариб өммәт”, в настоящее время хранится в Институте Востоковедения Российской академии наук. Там же имеется и неполный список, привезенный с археографической экспедиции в 1934 году [6, с. 116]. В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета имеется рукопись одного сборника поэта, состоящая из десяти хикаятов и одного стихотворения [9, с. 36–36]. Из описания рукописи известно, что этот сборник, переписанный неким Садретдином б. Фахрутдином, был обнаружен лаборантом М. Билаловым во время экспедиции, организованной кабинетом языка-литературы Научно-исследовательского института экономики Татарстана в Челнинский и Бугульминский кантоны. Еще одно стихотворение поэта находится в сборнике, переписанном в 1853 году в деревне Уньба [19, с. 87].

Тексты двух стихотворений А. Каргалый, включая факсимиле, начинающиеся словами “Күңелдән кидәрүр өч нәснә кайгу...” и “Галәм айванында гъәми...”, включены в “Материалы по истории татарской литературы для практических занятий студентов, составленные профессором Х.У. Усмановым (1908–1992) и известным археографом З.А. Максудовой (1897–1980) [23, с. 45–46; 97–98].

¹ Имеются в виду, к примеру, работы М. Гайнуллина, М. Гайнутдинова, З.Шариповой и др.

Текстологически подготовленные произведения А. Каргалый вместе с произведениями Ш. Заки на современном татарском алфавите были изданы отдельной книгой [28, с. 152].

Таким образом, исследование жизнедеятельности татарского поэта-суфия первой половины XIX века А. Каргалый, начатое еще с середины XIX века, продолжается и в наши дни. Благодаря усилиям и кропотливому труду ученых, предметом изучения которых явились жизненный путь и творческое наследие татарского поэта, собран значительный материал. Однако, несмотря на более чем вековой период изучения биографии и произведений суфийского поэта, большее внимание, как мы видели из обзора выше, было уделено первому фактору, т.е. раскрытию фактов из биографии поэта. Что касается произведений А. Каргалый, то им отведено значительно меньше внимания. К сожалению, даже в приведенных анализах стихов татарского поэта довольно часто встречается неправильная трактовка суфийских символов, либо не в полном объеме раскрывается содержание глубоких и аллегорических по содержанию поэтических творений А. Каргалый. Это связано со многими причинами, одна из которых кроется в том, что основная часть научных трудов по творчеству поэта была написана в Советское время, когда в литературоведении царствовали определенные идеологические предубеждения и установки, препятствующие адекватному освещению творчества того или иного автора, а другая причина заключается в трудности понимания текстов А. Каргалый, лексический состав которых в значительной степени состоит из арабизмов, фарсизмов и древнетюркских слов; кроме того, составление анализа стихов данного автора предполагает работу с первоисточниками, т.е. с рукописными вариантами стихотворных текстов. Все эти факторы оставляют большой задел для современных исследователей жизненного и творческого пути такого талантливого и оригинального поэта, как А. Каргалый.

Список литературы

1. Асар. Мөлкәтемездә улан Ислам галимләренең вә мәшһүр кемсәләренең тәржемә табакъяләрә тарих, вәладәт вә вафатлары, вә башка әхвалләре хакында йазылмыш китабдыр. Дүртенче жөзә. Сахибе Ризәәддин бине Фәхрәддин. Оренбург: Тип. М.-Ф.Г.Каримова, 1903. 205 б.
2. Вәлиди Ж. Татар әдәбиятының барышы. Оренбург, 1912. 122 б.
3. Гайнуллин М.Х. Татар әдәбияты. XIX йөз. Тулыландырылган икенче басма: Югары уку йортлары өчен. Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. 690 б.
4. Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 307 с.
5. Гыймадиев Ү. Илгизәр шагыйрь Әбелмәних // Кызыл таң. 1984. 16 нояб.

6. Дмитриева Л.В. Описание тюркских рукописей Института Востоковедения. III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М.: Гл. ред. восточ. лит-ры изд-ва “Наука”, 1980. 262 с.

7. Исхакий Г. Әдәбият юллары (Рөшди мәдрәсәләребез өчен дәреслек). Казан, 1920. 140 б.

8. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. 655 с.

9. Кулъязмалар тасвирламасы. XII чыг. Татар әдипләре һәм галимнәренң кулъязмалары. Өченче бүлек / Төзүчесе Альберт Фәтхи. Казан ун-ты нәшр., 1968. 83 б.

10. Кунафин Ф. “Камил ғилем бөтмәс дәүләт булыр...” // Ағизел. 2002. №9. Б. 159–165.

11. Кунафин Ф. XIX быуаттың тәүге яртыһы башкорт язма поэзияһында метод һәм стиль мәсьәләһе // Башкорт әҙәбиәтендә метод һәм стиль мәсьәләләре: мәкәл. йыйын. Өфө, 1982. Б. 30–43.

12. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. Ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.

13. Лоссиевский М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам (Историко-этнографический очерк) // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 368–389.

14. Миңнегулов Х., Садретдинов Ш. XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре / Х.Миңнегулов, Ш.Садретдинов. Казан ун-ты нәшр., 1982. 143 б.

15. Насыри К. Сайланма әсәрләр: Ике томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 1 т. 333 б.

16. Өмми Кәмал. Матбагаи Кәримия Казанда кәнде мәсарыфларилә 1906 сәнә. 112 б.

17. Рамзи М. Талфик ал-ахбар ва талхик ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар (на арабском языке): В 2 томах. Оренбург, 1908. Т.2. 534 с.

18. Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодолизм дәвере. Икенче басма. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты нәшере, 1925. 314 б.

19. Республика Татарстан. Административно-территориальное деление на 1 января 1992 года / Составитель Б.Х. Сыромолотов. Казань: Барс, 1992. 320 с.

20. Садретдинов Ш., Гайнетдинов М. XIX гасырның I яртысында татар поэзиясе. Әбелмәних Каргалый: (Студентлар өчен ярдәмлек). Казан ун-ты нәшр., 1978. 35 б.

21. Сәгыйд. Оренбург шәһәренә табигъ улан “Сәгыйд”нең Жамигъ вә имамларыны тәғриф идән рисаләдер. Асәр Ризәтдин. Казан, 1897. 32 б.

22. Таһиржанов Г. Тарихтан – әдәбиятка. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 167 б.

23. Татар әдәбияты тарихыннан студентларның практик дәресләре өчен уку материалы / Хәзерләүчеләр: Х.Госман һәм З.Максудова. Казан, 1967. 99 б.
24. Татарская хрестоматия, составленная Салих Джаном Кукляшевым. – Казань, в университетской типографии, 1859. 124 с.
25. Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. Бу китаб Казан университетының табыгханәсендә басма улынмышдыр Түбән Курса авылы Шәмседдин Хөсәен углының хәрәжәте илән 1889 нчы елда. 34 б.
26. Фәтхи А. Мәгърифәт төбәкләре һәм әдәби багланышлар // Казан утлары. 1968. № 2. Б. 103–122.
27. Харисов Ә. Башкорт халкының әзәби мирасы. XVIII–XIX быуаттар. Өфө: Башкорт. кит. нәшр., 1965. 416 б.
28. Шәмсетдин Зәки, Әбелмәних Каргалый. Мөнажәтләр. Хикәятләр / Төзүче, иске татар теленнән күчерүче һәм сүз башы язучы Мәсгуд Гайнетдин. – Казан: Иман, 2002/1423. 152 б.
29. Шәрипова З. Әбелмәних Каргалы (1782–1833) // Башкорт әзәбиәте тарихы: Алты томда. Өфө: Башкорт. кит. нәшр., 1990. 2 т.: XIX–XX быуат башы әзәбиәте. Б. 60–70.

Сведения об авторе: Хасавнех Алсу Ахмадулловна – старший научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (420066, г. Казань, пр. Ибрагимова, д.83-а, кв.194), e-mail: alise_12345@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

ON XIX CENTURY SUFI POET ABULMANIH QARGHALY'S BIOGRAPHY

Alsou Khasavnekh

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
alise_12345@mail.ru*

Abstract. The name of this poet became known to a wide circle of readers thanks to his book "Translations of Haji Abulmanih al-Bistavi Al-Saghidi". However, even before the publication of the above mentioned book his works were widely known. This is evidenced by numerous studies of Tatar poet's life and creative path made by Russian researchers. Analysis of A.Qarghaly's historiography revealed that his first biographer was the local historian M.I. Umetbaev. A lot of

new and interesting information about the poet is contained in the works of K. Nasiry, R. Fahreddinov, M. Ramsi, G. Ishaki, J. Validi, etc. These researchers, in addition to establishing biographical facts about A. Qarghaly, analyze the authorship of a poetic works that may be issued from the poet's pen, which is an important research component of the poet's works study.

Keywords: Abulmanih Qarghaly, poetry, biography, analysis of creative activity, linguistic peculiarities of the work.

References

1. Asar. Məlkətemezdə ulan İslam gəlimlərenen və məshhır kemsələrenen tərjemə tabak"ələre tarih, vəladət və vafatlary, və bashka əhvalləre hakynda jazylmysh kitabdyr. Dyrtenche jəzə. Sahibe Rizaehddin bine Fəhreddin. Orenburg: Tip. M.-F.G.Karimova, 1903. 205 b. (In Tatar)
2. Vəlidı J. Tatar ədəbiyatynyñ baryshy. Orenburg, 1912. 122 b. (In Tatar)
3. Gajnullin M.H. Tatar ədəbiyatı. XIX jəz. Tulylandyrylgan ikenche basma: Yugary uku jortlary əchen. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1968. 690 b. (In Tatar)
4. Gajnullin M.H. Tatarskaya literatura XIX veka. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1975. 307 s. (In Russian)
5. Gyjmadiev Y. Ilgizər shagyjr' Əbelmənih // Kyzyl tañ. 1984. 16 noyab. (In Tatar)
6. Dmitrieva L.V. Opisanie tyurkskih rukopisej Instituta Vostokovedeniya. III. Poehziya i kommentarii k poehticheskim sochineniyam, poehtika. M.: Gl. red. vostochn. lit-ry izd-va "Nauka", 1980. 262 s. (In Russian)
7. Iskhakyj G. Ədəbiyat yullary (Rəshdi mədrəsələrebez əchen dərəslək). Kazan, 1920. 140 b. (In Tatar)
8. Kemper M. Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskij diskurs pod russkim gospodstvom. Kazan: Rossijskij islamskij universitet, 2008. 655 s. (In Russian)
9. Kul"yazmalar tasvirlamasy. XII chyg. Tatar ədipləre həm gəlimnərenen kul"yazmaları. Əchenche bylek / Təzyçese Al'bert Fəthi. Kazan un-ty nəshr., 1968. 83 b. (In Tatar)
10. Kunafin F. "Kamil fəlem bətməç dəylət bulyr..." // Arizel. 2002. №9. B. 159–165. (In Bashkir)
11. Kunafin F. XIX byuattyñ təyge yartyhy bashkort yazma poehziyahynda metod həm stil' məs'ələhe // Bashkort əzəbiətendə metod həm stil' məs'ələləre: məkəl. jyjn. Əfə, 1982. B. 30–43. (In Bashkir)
12. Literaturnyj ehnciklopedicheskiy slovar' / Pod obshch. Red. V.M. Kozhevnikova i P.A.Nikolaeva. M.: Sov. ehnciklopediya, 1987. 752 s. (In Russian)

13. Lossievskij M.V. Byloe Bashkirii i bashkir po legendam, predaniyam i hronikam (Istoriko-ehtnograficheskij ocherk) // Spravochnaya knizhka Ufimskoj gubernii. Ufa, 1883. S. 368–389. (In Russian)
14. Миңнегулов H., Sadretdinov Sh. XIX jöz tatar әдәбияты yadkyarlәre / H.Миңнегулов, SH.Sadretdinov. Kazan un-ty nәshr., 1982. 143 b. (In Tatar)
15. Nasyjri K. Sajlanma әsәrlәr: Ike tomда. Kazan: Tatar. kit. nәshr., 1974. 1 t. 333 b. (In Tatar)
16. Ömmi Kәmal. Matbagai Kәrimiya Kazanda kәnde mäsaryflarilә 1906 sәnә. 112 b. (In Tatar)
17. Ramzi M. Talfik al-ahbar va talhik al-asar fi vakai‘ Kazan va Bulgar va muluk at-tatar (na arabskom yazyke): V 2 tomah. Orenburg, 1908. T.2. 534 s. (In Tatar)
18. Rәhim G., Gaziz G. Tatar әдәбияты tarihy. Feodolizm дәvәre. Ikenche basma. Kazan: Tatarstan matbugat һәм nәshriyat kombinaty nәshere, 1925. 314 b. (In Tatar)
19. Respublika Tatarstan. Adminstrativno-territorial'noe delenie na 1 yanvarya 1992 goda / Sostavitel' B.H.Syromolotov. Kazan: Bars, 1992. 320 s. (In Russian)
20. Sadretdinov SH., Gajnetdinov M. XIX gasyrnyң I yartysynda tatar poehziyase. Әbelmәnih Kargalyj: (Studentlar өchen yadәмlek). Kazan un-ty nәshr., 1978. 35 b.
21. Sägyjd. Oren(In Tatar)burg shәhәrenә tabig" ulan "Sägyjd"neң Jamig" və imamlaryny tәg"rif idән risalәder. Asәr Rizahtdin. Kazan, 1897. 32 b.
22. Tahirҗанов G. Tarihtan – әдәбиятка. Kazan: Tatar. kit. nәshr., 1979. 167 b. (In Tatar)
23. Tatar әдәбияты tarihyndan studentlarnyң praktik дәreslәre өchen uku materialy / Hәzrlәychelәr: H.Gosman һәм Z.Maksudova. Kazan, 1967. 99 b. (In Tatar)
24. Tatarskaya hrestomatiya, sostavlennaya Salih Dzhanom Kuklyashevym. – Kazan, v universitetskoj tipografii, 1859. 124 c. (In Russian)
25. Тәрҗемәи һаҗи Әbelmәnih әl-Bistәvi әs-Sägyjdi. Bu kitab Kazan universitetynyң tabyghanәsendә basma ulyнымшыdyr Түбән Курса avyly Shәmseddin Hәsәen uglynyң һәраҗәте ilән 1889 nchy elda. 34 b. (In Tatar)
26. Fәthi A. Mәg"rifәt төbәklәre һәм әдәbi baglanyshlar // Kazan utlary. 1968. № 2. B. 103–122. (In Tatar)
27. Harisov Ә. Bashkort halkynyң әзәbi miraçy. XVIII–XIX byuattar. Öfә: Bashkort. kit. nәshr., 1965. 416 b. (In Tatar)
28. Shәмsetdin Zәki, Әbelmәnih Kargalyj. Mәnәҗәtlәr. Hikәyatlar / Tөzyche, iske tatar telennән kyçeryche һәм syz bashy yazuchy Mәsgud Gajnetdin. – Kazan: Iman, 2002/1423. 152 b. (In Tatar)
29. Shәripova Z. Әbelmәnih Karraly (1782–1833) // Bashkort әзәbiәte tarihy: Alty tomда. Öfә: Bashkort. kit. nәshr., 1990. 2 t.: XIX–XX byuat bashy әзәbiәte. B. 60–70. (In Bashkir)

About the author: Alsou Khasavnekh, Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Center of Written and Musical Heritage of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, e-mail: alise_12345@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

**ПЕРВЫЙ ЭТАП
НАУЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ Н.Ф. КАТАНОВА
В ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН
(10 ИЮЛЯ – 16 ОКТЯБРЯ 1890 Г.)**

*Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Р.М. Валеев
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
dmitrymartynov80@mail.ru*

Резюме. *Цель:* проанализировав содержание дневника путешествия из Бахтов в Урумчи, реконструировать событийную сторону научного путешествия Н.Ф. Катанова в контексте применяемых им методов тюркологических исследований.

Материалы исследования: текст опубликованного в 2017 г. дневника с факсимиле, а также неопубликованные рукописи из собрания Национального Архива Республики Татарстан (НА РТ). Материалы дневника впервые вводятся в научный оборот.

Результаты и научная новизна: результаты научного путешествия Н.Ф. Катанова в Восточную Сибирь, Семиречье, Тарбагатай и Китайский Туркестан 1889–1892 гг. неравномерно освещены в научных публикациях. Фольклорные и этнографические наблюдения Катанова были обобщены в официальных письмах в Русское Географическое общество, и нескольких статьях и докладах, опубликованных вскоре после возвращения. Однако значительная часть этнографических материалов и дневниковые записи, в которых в порядке поступления фиксировалась походная информация, так и остались в рукописях. Записи хакасского и тувинского фольклора на языке оригинала и в переводе были опубликованы В.В. Радловым в 1907 г. Часть фольклорных текстов из Синьцзяна увидели свет в 1933 и 1943 гг. в Германии в латинской научной транскрипции и в немецком переводе, выполненном К. Менгесом. Таким образом, русский перевод казахских, сартских и уйгурских фольклорных текстов, записанных Н.Ф. Катановым в 1890 г. впервые становится доступным исследователям. Реконструкция этапов и событийной повседневности научного путешествия Н.Ф. Катанова позволяет уточнить применение им экстенсивно-описательного метода этнографических исследований. В дневнике фиксируются имена, род занятий, происхождение и образовательный уровень информаторов, а также полученный ими гонорар. Сюжеты, зафиксированные в дневнике, могут быть классифицированы по следующим направлениям: географические, административные, экономико-

хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиоведческие. Однако антропологических сведений практически не встречается. Полученные Н.Ф. Катановым сведения имеют огромную ценность, поскольку после всех политических перипетий, произошедших в Синьцзяне, добытые им фольклорные материалы представляют исчезнувший пласт традиционной культуры.

Ключевые слова: Востоковедение, История культуры, Этнография, Фольклористика, Тюркология, Н.Ф. Катанов, Синьцзян.

Научное путешествие, предпринятое Н.Ф. Катановым в 1889–1892 гг. по территориям, населённым тюркоязычными народами в Восточной Сибири, Семиречье, Туве, Тарбагатае и Восточном Туркестане [2, с. 31–76], стало определяющим для всей его последующей карьеры тюрколога-универсала. Тем не менее, обстоятельства сложились чрезвычайно неблагоприятно для публикации как походных дневников, так и огромного фольклорно-этнографического материала, накопленного в ходе экспедиции. Более или менее оперативно были опубликованы лишь небольшие по объёму дневники поездки к карагасам зимой 1889 – 1890 гг., а также – сразу после окончания экспедиции – избранные письма и отчёты исследователя [1][3]. Особенностью творческого метода Н.Ф. Катанова было то, что дневники содержали в порядке получения информации как бытовую, географико-экономическую и прочую информацию, так и сведения лингвистического, фольклорного и этнографического характера. Оригиналы фольклорных текстов в транскрипции оформлялись отдельно, тогда как переводы оперативно заносились в дневник. В результате огромный пласт материалов, записанных в среде хакасов и тувинцев, увидел свет только в 1907 г. в составе антологии В.В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен». Русские переводы этих текстов неоднократно переиздавались в собраниях разного объёма (в 1963, 2000, 2003–2004 гг., и т.д.). Тувинские дневники, полностью подготовленные автором к публикации, были описаны С.И. Вайнштейном в 1968 г. [2, с. 34], но свет увидели только в 2011 г.

Судьба материалов, записанных в Семиречье и Восточном Туркестане, оказалась намного более драматической. Дневники за 1890 и 1891 гг. были полностью подготовлены Н.Ф. Катановым к публикации и переписаны набело, однако записи за 1892 г. так и остались в черновых блокнотах [2, с. 194–195]. Подготовленные к печати материалы по казахскому и уйгурскому языкам, в том числе в научной латинской транскрипции, так и остались неопубликованными до самой кончины исследователя в 1922 г. Благодаря Н.Н. Поппе, об этих материалах стало известно в Финно-угорском институте Берлинского университета, сотрудник которого В. Банг-Кауп в 1926 г. выкупил рукописи у вдовы Н.Ф. Катанова в Казани. Для подготовки этих

материалов к публикации они были переданы К. Менгесу, который выпустил их первую часть в 1933 г. Из-за того, что Менгес эмигрировал из Третьего Рейха, вторая часть материалов Катанова увидела свет только в 1943 г. в Кёнигсберге тиражом 200 экз., и по понятным причинам сразу же стала библиографической редкостью [5, р. 523–524]¹. Только в 2017 г. коллектив авторов этой статьи смог реализовать первую часть объёмного издания, включающего не только комментированный текст дневников путешествия Н.Ф. Катанова из собрания Национального Архива Республики Татарстан (НА РТ), но и факсимиле авторского текста [3].

Введение в научный оборот этих материалов позволяет по-новому переосмыслить стратегию и тактику работы Н.Ф. Катанова на территории Цинской империи, а также заново рассмотреть этапы его путешествия, весьма лапидарно отражённые в его изданных ранее материалах. Например, в отчёте Русскому географическому обществу, изданному в 1893 г. под заглавием «Среди тюркских племён», путешествию от границы через Чугучак до Урумчи и обратно в буквальном смысле посвящена одна строка [1, с. 519]. «Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана» прежде всего, посвящены вопросам лингвистики (основным адресатом был наставник Катанова – В.В. Радлов), в меньшей степени – этнографии туркестанских тюрков и монголов, и также не позволяют в полной мере реконструировать подробности путешествия. Предварительный эскиз путешествия, поэтому, возможно осуществить только из объёмного дневника, который носил характер документа, удостоверяя, в том числе, финансовые расходы. Реконструкция хода и событийного ряда путешествия важна для понимания контекста, в котором собирались лингвистические и фольклорные материалы.

10 июля 1890 г. Н.Ф. Катанов в сопровождении родственника – разно-рабочего И.А. Катанова, и письмоводителя А.П. Бехтерева пересёк границу с Цинской империей и прибыл в приграничный Чугучак, где получил от русского консула М.П. Шишмарева паспорт на проезд до Урумчи. На следующий день был нанят проводник – кашгарский сарт Исмаил Садат-беков, отец которого ещё в 1820 г. переселился в Российскую империю и был приписан к «киргизам Семипалатинской области». Для передвижения было нанято 6 лошадей и три русские телеги, что обошлось в 360 руб., из которых 160 были отданы вперёд. В качестве погонщиков были наняты лепсинские казахи Юсуф Юсуфов (Бек-Батыр) и Тасыр Урумбаев [3, с. 86–87]. 14 июля группа Н.Ф. Катанова отправилась в Дурбульджин – резиденцию управляющего округом Тарбагатай, куда прибыла 16-го. Из-за сильной летней

¹ К. Менгес менее чем через год после выхода в свет рецензии Н. Поппе опубликовал словарь к уйгурским наречиям разных оазисов, увидевший свет в Бонне в 1953 г. В 1977 г. оба тома «*Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan*» были факсимильно переизданы в Дрездене под одной обложкой.

жары передвижение обычно осуществлялось по ночам. В Дурбульджине предстояло подтвердить проездные документы до Урумчи [3, с. 89–90]. Проводник Исмаил 17 июля впервые привёл Н.Ф. Катанову информанта – казаха, который рассказывал сказки [3, с. 91]. Главная проблема заключалась в том, что деятельность исследователя вызвала подозрения маньчжуро-китайских властей, из-за чего в тот же день в Дурбульджин был вызван чугучакский *галдай* (пограничный чиновник), который и объявил, что проездной паспорт для Катанова могут выдать только в Пекине, тогда как местные власти не могут пропустить его далее Урумчи. Проходной лист от *хебей-амбана* Тарбагатая был выдан 18 июля, после чего группа Катанова немедленно отправилась в путь и форсировала реку Аксу [3, с. 93]. При посещении охранного караула на императорском тракте ночью с 18 на 19 июля выяснилось, что из Дурбульджина была эстафетой отправлена бумага об оказании всей группе Катанова «покровительства». На стоянках исследователь не упускал возможности записывать новые сказки у местных пастухов-казахов [3, с. 94].

Тяжёлым оказался переход 21 июля через ущелье Барлыкских гор протяжённостью 23 версты: из-за каменистой дороги приходилось перетаскивать телеги отдельно [3, с. 96–97]. 23 июля Н.Ф. Катанов прибыл в караул Шарызак, план которого зарисовал [3, с. 98–99]. Дальнейший путь проходил по пустынной местности, преимущественно населённой монгольскими родами; однообразие пути прервала лишь гроза 1 августа и дожди, шедшие весь день. Главными информаторами Катанова поневоле были его проводники и рабочие, преимущественно песенник Тасыр [3, с. 101]. 3 августа караван пробирался дорогой, залитой в результате наводнения, причём на карауле Кель у путешественников потребовали заграничный паспорт и сообщили, что их не пропустят дальше Урумчи [3, с. 102]. 4 августа Катанов прибыл в местечко Кур-Кара-Усун, где располагался крупный гарнизон. Здесь пришлось заказывать у кузнеца колки для палатки, а исследователь попутно выяснял число купцов – российских подданных, торговавших на местном базаре [3, с. 103]. 6 августа Н.Ф. Катанова почтил визитом уездный начальник Кур-Кара-Усуна, которому исследователь сообщил, что его главная цель – «изучение татарских наречий провинции Ганьсу». Ответный визит состоялся 8 августа, причём за это время у проводника Катанова была украдена лошадь, но её удалось вернуть и даже наказать воров. Вечером того же дня Н.Ф. Катанов и А.П. Бехтерев были приглашены начальником дунганской конницы, визит состоялся 9 августа. Исследователь общался с военачальником через переводчика, знатока китайского и сартского языков, при этом присутствовал мулла, с которым Н. Катанов мог общаться по-арабски, но тот не знал бытовой лексики. Вечером путешественники получили в подарок дыни, барана и 2 пуда риса [3, с. 105–106]. 12 августа Н.Ф. Катанов познакомился с Темур-ахуном, родом из Токсуна, носителем турфанского диалекта уйгурского

языка. Среди информации, полученной от него, выделялось описание свадьбы [3, с. 109–111]¹.

Только 14 августа экспедиция покинула Кур-Кара-Усун, направляясь в город Манас, причём уездный начальник отправил с ней двух солдат. Очень тяжело проходила переправа через горную реку Куйтун, которая широко разлилась по равнине, в каждую телегу приходилось запрягать тройку, и этот процесс занял более двух часов, когда китайским арбам на высоких колёсах требовалось всего 15 минут [3, с. 112]. 15 августа путешественники в карауле Янсаха встретились с А.П. Соболевым – приказчиком бийской фирмы И.П. Котельникова, от которого узнали о кровопролитной стычке экспедиции Г.Е. Грум-Гржимайло с жителями оазиса Хами. Общение с Соболевым и пребывание в Янсаха длилось до 17-го числа [3, с. 113]. Двигаясь далее, 19 августа экспедиция переправилась через реку Манас и прибыла в одноименный город, где простояла до 21-го числа [3, с. 114–117].

Ночью 22 августа, после того, как была форсирована горная речка Хутуби и пройдена одноименная деревня, произошёл самый драматический эпизод во всем путешествии. В 5 верстах от крепости Чаньцзи на экспедицию напали конокрады: двое нападавших с лопатками и ломом стали отвязывать лошадей, их страховали ещё пятеро. В ходе стычки, нападавшие были схвачены, но оказались ранены А. Бехтерев, И. Катанов и проводник Исмаил. Несмотря на ранение, проводник побежал за подмогой в крепость. Прибывшие на место войска (11 всадников и 6 пехотинцев) арестовали всех и препроводили в Чаньцзи. После следствия на месте, члены экспедиции были освобождены и под караулом отправлены в Урумчи. Н.Ф. Катанов выяснил, что нападавшие были гарнизонными солдатами, и действия их покрывал комендант крепости [3, с. 119–120]. В 11 часов ночи 23 августа группа Катанова прибыла в столицу Синьцзяна, причём за 15 верст они были встречены посланцем аксакала российского землячества [3, с. 122]. У аксакала – Азимбая, сына Мухаммеда Муса-бая, члены экспедиции остановились, оплатив расходы из расчёта 1 российского рубля в день [3, с. 221].

24 августа Н.Ф. Катанов встречался с чиновником уездной управы и сообщил ему, что является посланником «из города Белого царя, чтобы проверить русских купцов, живущих между Чугучаком и Урумчи» [3, с. 122]. 25 августа на подворье экспедиции прибыл полицейский чиновник (тин),

¹ Свадебные обряды и ритуалы неизменно привлекали внимание Н.Ф. Катанова как этнографа, особенно у субэтноса турфанцев (с. Токсун находится недалеко от Турфана). Во время второй части путешествия в 1891 – 1892 гг. Н.Ф. Катанову удалось зафиксировать сведения о тюркских свадьбах в Турфане, селе Кара-Тобе (близ Хами) и в оазисе Хами [2, с. 161]. По этим материалам была написана статья «Свадьба у татар города Турфана», оставшаяся неопубликованной (НА РТ, Ф. 969, оп. 1, д. 15). Он также обращал внимание на погребальные обычаи, но в дневнике 1890 г. преимущественно речь шла о калмыках.

которому Н.Ф. Катанов также сообщил, что был прислан к русским торговцам. В эти дни главными информаторами главы экспедиции были долго жившие в Урумчи: часовщик З.С. Глуховский (еврей из Москвы), уроженец Красноярска И.Ф. Толшин – фотограф, и О.Т. Васильев – ассистент фотографа, родом из Верного (Алма-Ата); а также купец из Коканда – сарт Абдул-Керим [3, с. 122–123]. 26 августа Н.Ф. Катанов отправился в гости в русско-китайскую школу, начальником которой был его давний знакомый по Факультету восточных языков Санкт-Петербургского университета – Гуй Дун-цин, исполнявший также должность переводчика при уездном начальнике. Он посоветовал отправить визитную карточку уездному начальнику Ян Ци-шу¹ [3, с. 124].

К тому времени был найден постоянный информатор – исполнитель народных песен Басит, уроженец Турфанского оазиса. Басит и проводник Исмаил иногда присылали своих знакомых, от которых можно было получить памятники фольклора, иногда – в письменном виде. 5 сентября по рекомендации Исмаила произошло знакомство с хотанским сартом Ахуном – профессиональным музыкантом и певцом, который в первый же день продиктовал 22 песни [3, с. 147]. Исмаил же помогал Н.Ф. Катанову в понимании трудных сартских выражений, при случае переводя тексты на казахский язык [3, с. 155–156]. 6 и 7 сентября Н.Ф. Катанов общался с наставником русской школы Гуй Дун-цином, который дал в честь путешественника обед из 35 перемен [3, с. 156, 159]. 10 сентября певец Басит привёл нового информатора – турфанца Седика, профессионального переписчика рукописей, который, кроме того, за отдельную плату сочинял любовные письма для молодых людей. Он, как правило, приносил уйгурские песни в арабской транскрипции [3, с. 162]. Седик так добросовестно относился к своим обязанностям (Н.Ф. Катанов неизменно платил за новые тексты)², что ходил по улицам и базару и записывал песни [3, с. 175].

14 сентября Н.Ф. Катанов присутствовал на буддийской панихиде [3, с. 179], а 18 сентября получил от китайского купца, бывавшего по делам в Москве, приглашение на театральное представление и обед [3, с. 185]. 19

¹ В архивном деле сохранились и китайские визитные карточки Гуйжун Дун-цина (с подписями по-русски) и Ян Ци-шу [3, с. 240]; факсимиле: [3, 718–720].

² Н.Ф. Катанов расплачивался со своими информаторами разными способами. Седик у чаще всего платил деньгами. Например, 20 сентября за 9 песен, переписанных на бумаге, он получил 25 копеек в пересчёте на русские деньги [3, с. 190]. Рассказчику Абдулле-джану 19 сентября за 8 песен на аксуйском диалекте была подарена половина куска розового мыла, стоимостью 10 коп [3, с. 188]; мыло он требовал и в дальнейшем [3, с. 197], и даже получил для невесты гребенку с зеркалом [3, с. 207]. Самый продуктивный информатор – Ахун-Седик иногда требовал русскую бумагу, которая, по его словам, превосходила китайскую по качеству [3, с. 194]. Седик у 23 сентября Н.Ф. Катанов за пословицу и 12 песен дал 6 листов белой вятской бумаги, стальные ножницы и карандаш [3, с. 203 – 204]

сентября произошло знакомство с сартом Абдуллой-джаном, сыном купца из Аксу, который сообщил много объёмных прозаических и поэтических текстов [3, с. 188]. 21 сентября Н.Ф. и И.А. Катановы в компании трёх мусульман – российских подданных, посетили представление китайской оперы (исследователь отметил, что театр наполовину пуст). После этого они познакомились с голландскими католическими миссионерами из конгрегации Пречистого сердца Девы Марии, возглавляемыми Йоханнесом Стенеманом. С миссионерами, направленными в Кульджу (Или), Н. Катанов общался по-немецки и по-французски [3, с. 197].

23 сентября Н.Ф. Катанов известил уездные власти, что намерен покинуть город 25-го числа. В оставшееся время песенник Седик сообщил большое число текстов, в том числе длинную повесть о юноше Санауаре и поэму о Мамут-хане – герое Дунганской войны [3, с. 209–221]. 25 сентября в 13:00 Н.Ф. Катанов покинул Урумчи. Вместе с членами его экспедиции до Чугучака отправились И.Ф. Толшин и Ф.Т. Васильев, а также казахи и сарты из Семипалатинска и Ташкента – всего 15 человек на 6 телегах. В первую же ночь участники каравана скрутили двух конокрадов. Ровно через сутки экспедиция прибыла в Чанцзи, но дальнейшее продвижение остановилось из-за бури, приведшей к резкому похолоданию: «без шубы нельзя было ходить» [3, с. 221–222]. В Манас команда Н. Катанова прибыла в четыре пополудни 29 сентября, и простояла до 10 часов утра следующего дня [3, с. 223–225]. Прибыв 4 октября в Кур-Кара-Усун, Н.Ф. Катанов познакомился с кучарцем Кичиком, который продиктовал три уйгурские песни [3, с. 227–228]. 13 октября во время ночёвки у И.Ф. Толшина украли обоих коней, после чего Н.Ф. Катанов потребовал у начальника караула немедленно их вернуть, что вскоре было сделано [3, с. 232–233]. 15 октября Н.Ф. Катанов отправил вперед в Чугучак проводника Исмаила, готовить квартиру для пятерых членов экспедиции. В приграничный город все прибыли в половине третьего пополудни 16 октября 1890 г. [3, с. 234–235]. Даже после окончательного расчета Исмаил приводил к Н.Ф. Катанову информаторов, например, певца-нищего (диванэ) Шах-Седика из Аксу (29 октября) [3, с. 237].

В предисловии к обработанному дневнику, датированному 5 ноября 1890 г., Н.Ф. Катанов привёл некоторые числовые данные, характеризующие его маршрут. От Красноярска до Урумчи и обратно до Бахтов было пройдено 6000 верст, израсходовано 1524 руб., полученных, преимущественно, от Факультета восточных языков и Азиатского музея. В экспедиции участвовало 5 человек, причём письмоводителю А.П. Бехтереву выплачивалось жалованье из расчета 50 коп. в сутки, а проводнику Исмаилу Мухаммед-бекову и рабочим – И. Катанову, Бек-Батыру и Тасыру полагалось в сутки 4 руб. 30 коп. на прокормление людей и тягловых животных [3, с. 34–35].

Начало публикации полного текста дневника туркестанского путешествия Н.Ф. Катанова открывает новые горизонты для изучения как его собственного наследия, так и духовной культуры тюркских народов Синьцзяна. Говоря об этой последней, трудно не согласиться с Н. Поппе, который в рецензии 1952 г. на второй том немецкого издания фольклорных текстов, собранных Катановым, особо отметил, что это – порождение более уже не существующей культуры [5, р. 525]. В этом – принципиальная особенность гуманитарных дисциплин: данные, фиксирующие состояние культуры на определённом этапе её существования, при условии, что наблюдатель был внимателен и следовал исследовательской процедуре, остаются актуальными навсегда. Значение их со временем только возрастает. Н.Ф. Катанов оказался истинным первооткрывателем духовной культуры уйгуров Синьцзяна, и впервые описал ряд диалектов и устных текстов, которые отражали их живое употребление. С. Вайнштейн в своё время категорично утверждал, что исследовательская работа Катанова сводилась к простому собиранию и описанию лингвистических и этнографических фактов. Более глубокое исследование наследия великого хакаского учёного показывает некоторую односторонность таких заключений. Н.Ф. Катанов превосходно осознавал свою роль как первооткрывателя, тем более, что к 1890-м гг. Восточный Туркестан был более или менее изучен в географическом отношении, но не этнографическом. Таким образом, накопленные Катановым материалы отражали определённый этап в развитии тюркологии и обобщении накопленных научных данных [2, с. 161].

Научный метод Н.Ф. Катанова можно характеризовать как экстенсивно-описательный. Излюбленным методом работы ученого был стационарный, когда информанты навещали ученого на дому и сообщали те или иные сведения, причём информантов искали через знакомых, что сразу же задавало определенный уровень доверия. Хакаский учёный, очевидно, был тонким психологом, поэтому его собеседники сообщали свой возраст, семейное положение и происхождение, чего не удавалось ни одному европейскому путешественнику того времени. Практически не стояло проблемы языкового барьера: будучи тюркологом-универсалом, Н.Ф. Катанов быстро прогрессировал в языке коренного населения либо пользовался услугами надёжного переводчика. Сюжеты, зафиксированные в дневнике, могут быть классифицированы по следующим направлениям: географические, административные, экономико-хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиоведческие. Однако антропологических сведений практически не встречается. Дневник путешествия в Урумчи 1890 г. представляет собой целую энциклопедию, наполненную детально-конкретными сведениями о многочисленных народах – уйгурах, казахах, киргизах, сартах, калмыках и даже маньчжурах и китайцах, хотя к последним Н. Катанов не скрывал

своего отрицательного отношения. Дневник также даёт представление о личности Н.Ф. Катанова, его скрупулезности, трудолюбии и высочайшем уровне исследовательской культуры.

Список литературы

1. Катанов Н.Ф. Среди тюркских племён // Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893. Т. XXXIX. С. 519–541.

2. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии / Науч. и отв. ред.: Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. Казань, Абакан: Алма-Лит, 2009. 354 с.

3. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н. Ф. Катановым / отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Подг. к изд., сост., комментарии, указатели Д.А. Данькиной, Р.М. Валеева, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой, Ф.Г. Миниханова, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. 734 с.

4. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года // Приложение к LXXIII тому Записок Импер. Академии наук. СПб.: Тип. Акад. наук, 1893. 114 с.

5. Poppe N. Review: Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan II. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov herausgegeben. Als Manuskript gedruckt. Berlin, 1943, 185 pages // Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 15, No. 3/4 (Dec., 1952), pp. 523–525.

Сведения об авторах: *Мартынов Дмитрий Евгеньевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Scopus ID: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56358370600> (420111, Российская Федерация, Казань, ул. Пушкина 1/55), e-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры татаристики и культуроведения Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, Scopus ID: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56358130700> (420111, Российская Федерация, Казань, ул. Татарстан, 2), e-mail: juliemartynova82@gmail.com

Валеев Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3462-6469> (420111, Российская Федерация, Казань, ул. Пушкина 1/55), e-mail: valeev200655@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

THE FIRST STAGE OF N.F. KATANOV SCIENTIFIC JOURNEY TO THE EASTERN TURKESTAN (JULY 10 – OCTOBER 16, 1890)

Dmitry Martynov, Yulia Martynova, Ramil Valeev

Kazan (Volga region) Federal University

Kazan, Russian Federation

dmitrymartynov80@mail.ru

Abstract. Having analyzed the contents of the diary of the trip from Bakhty (now Kazakhstan) to Urumqi (now Xinjian, People's Republic of China), and reconstruct the eventual side of the scientific journey by N.F. Katanov in the context of his methods the Turkic research.

Materials of the study consists the text of diary with facsimiles published in 2017, as well as unpublished manuscripts from the collection of the National Archive of the Republic of Tatarstan. The materials of the diary are first introduced into scientific circulation.

Results and scientific novelty: the results of Katanov journey to Eastern Siberia, Seven Rivers, Tarbagatai and Chinese Turkestan from 1889 to 1892. Folklore and ethnographic observations by Katanov were summarized in official letters to the Russian Geographical Society, and several articles and reports published shortly after the return. However, a significant part of the ethnographic materials and diary entries, in which the marching information was recorded in the order of arrival, remained in the manuscripts. Records of Khakass and Tuvan folklore in the original and in translation were published by V.V. Radlov in 1907. Some of the folk texts from Xinjiang were published in 1933 and 1943 in Germany in Latin scientific transcription and in a German translation by K. Menges.

Reconstruction of the stages and eventual daily routine of the Katanov scientific journey makes it possible to clarify the application of the extensional-descriptive method of ethnographic research to him. In the diary are recorded the names, occupation, origin and educational level of informants, as well as their fee.

Plots recorded in the diary can be classified in the following areas: geographical, administrative, economic and economic, linguistic, folklore, cultural, historical and religious studies. However, almost no anthropological information is found. Obtained N.F. Katanov's information is of immense value, since after all the political upheavals that have occurred in Xinjiang, the folklore materials he has extracted represent a disappeared layer of traditional culture.

Keywords: Oriental Studies, History of Culture, Ethnography, Folklore, Türkology, N.F. Katanov, Xinjiang

References

1. Katanov N.F. *Sredi tyurkskih plemyon* [Among the Turkic tribes], Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. St. Petersburg, A.S. Suvarin Typography, 1893, vol. XXXIX, pp. 519–541. (In Russian)
2. Valeev R.M. and Tuguzhekova, V.N. (eds). *N.F. Katanov i gumanitarnye nauki na rubezhe vekov: Ocherki istorii rossijskoj tyurkologii* [N.F. Katanov and the humanities at the turn of the century: Essays on the history of Russian Turkology], Kazan, Abakan, Alma-Lit, 2009, 354 p. (In Russian)
3. Katanov N.F. *Nasledie rossijskoj tyurkologii XIX v.: «Puteshestvie po Sibiri, Dzungarii i Vostochnomu Turkestanu». Dnevnik puteshestviya, sovershennogo po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva v 1890 g. chlenom-sotrudnikom onogo N.F. Katanovym* [The legacy of the Russian Turkology of the XIX century: “Journey through Siberia, Dzungaria and Eastern Turkestan”. Diary of a journey made on behalf of the Imperial Russian Geographical Society in 1890 by an associate member of this N.F. Katanov], Eds. by R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova, D.E. Martynov. Kazan, Publishing house “Artifact”, 2017, 734 p. (In Russian)
4. Katanov N.F. *Pis'ma N.F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana. CHitano v zasedanii istoriko-filologicheskogo otdeleniya 9-go yanvarya 1890 goda* [Letters by N.F. Katanov from Siberia and Eastern Turkestan. Articles, reads on the Session of the Historical and Philological Branch of the Imperial Academy of Science on January 9, 1890], Supplement to the LXXIII volume by Proceedings of Imper. Academy of Sciences, St. Petersburg, 1893, 114 pp. (In Russian)
5. Poppe N., *Review: Volkskundliche Texte aus Ost-Turkistan II. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov herausgegeben. Als Manuskript gedruckt. Berlin, 1943, 185 pages*, Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 15, No. 3/4 (December 1952), pp. 523–525. (In English)

About authors: *Martynov Dmitry Evgenyevich* – doctor of historical sciences, professor of Altaic and Chinese Studies Department of the Institute of International Relations of Kazan (Volga region) Federal University, Scopus ID:

<http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56358370600> (420111, Russian Federation, Kazan, Pushkin str. 1/55). e-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Martynova Yulia Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor of Tatar and Cultural studies of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga region) Federal University, Scopus ID: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56358130700> (420111, Russian Federation, Kazan, Tatarstan, 2). e-mail: juliemartynova82@gmail.com

Valeev Ramil Mirgasimovich – doctor of historical sciences, professor of Altaic and Chinese Studies Department of the Institute of International Relations of Kazan (Volga region) Federal University, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3462-6469> (420111, Russian Federation, Kazan, st Pushkin 1/55). e-mail: valeev200655@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

**ЛЕКСИКА КУРМАНТАУСКОГО ГОВОРА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
(ПСИХО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА)**

М.Р. Булатова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

m.r.bulatova@mail.ru

Резюме. В данной статье рассматриваются некоторые лексические особенности курмантауского говора среднего диалекта татарского языка, который распространен в центральной части республики Башкортостан, в основном в Гафурийском районе.

Ключевые слова: татарский язык, диалекты татарского языка, средний диалект, курмантауский говор, Башкортостан, лексика.

Республика Башкортостан является родиной для 1,3 миллиона татар¹. Это составляет треть населения республики. В Башкортостане проживают татары, говорящие на двух диалектах: а) среднем – белебеевский, янаульский подговора мензелинского говора, бакалинский подговор кряшен, бирский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, пританыпский, учалинский говоры и б) западном (мишарском): байкибашевский и стерлитамакский говоры. Система татарских говоров Башкортостана являет собой сложную группу в татарской диасистеме, что было обусловлено сложными экстралингвистическими и внутрилингвистическими факторами: историко-генетическая общность, особенность истории заселения края и др.

Курмантауский говор – впервые выявленный и исследованный автором М.Р. Булатовой, один из татарских говоров среднего диалекта, который распространен в Гафурийском районе данной республики. В этом районе находится «географический центр» Республики Башкортостан – равноудалённая точка от всех границ Башкортостана, середина республики, находящаяся на севере Гафурийского района, между реками Белая и Зилим, восточнее деревни Зириково, недалеко от границ с Архангельским и Кармаскалинским районами Башкортостана. На этом месте в 2009 году местные жители установили памятную стелу [1, с. 57].

¹ По официальным данным.

В Гафурийском районе, который находится в южной части Башкортостана, проживает довольно большая группа татарского населения. Район расположен на западных склонах Южного Урала. Узкая равнинная западная полоса занята долиной реки Белой и ее правых притоков – Зилим, Зиган и Усолка. Первоначально район носил название Красноусольский, в 1940 году был переименован в Гафурийский в связи с 60-летием народного писателя Мажита Гафури, родившегося в деревне Зилим-Караново этого района.

В ходе диалектологических экспедиций автором данных строк был исследован говор татарских деревень Бурлы, Абдуллино (тат. Абдулла // Таштамак), Курмантау (Кормантау), Зилим-Караново (Жилем-Каран), Новые Бурлы (Яңа Бурлы), Кызыл-Яр и др., расположенных в северной части района. Кроме изучения языковых особенностей, также были собраны материалы по этнографии, записаны легенды о заселении края и др. [1, с. 55–72, с. 217–225; 2].

Анализ собранного языкового материала показал, что говор северной части Гафурийского района имеет своеобразную систему диалектных особенностей, несколько отличающуюся от особенностей тепекеевского говора (распространенного в южной части названного района), что позволяет рассматривать говор северной части района как отдельный самостоятельный курмантауский говор среднего диалекта татарского языка (от названия деревни Курмантау и расположенной рядом горы Курмантау).

По исследованиям ученых, при реке Агидель в 1737–1738 гг. мишари основали деревню Курмантау. Чуть позже здесь осели тептяри и ясачные татары, платившие оброк владельцам земли. Всех жителей насчитывалось в 1783 г. – 90, в 1920 г. – 1074 человека, в 2009 году 451 человек [2, с. 44].

Название горы, по мнению лингвистов и по рассказам жителей Курмантау, образовалось от слов «Корбан + тау», т.е. «жертвенная гора». Состав находок и название горы, кстати, господствующей высоты на данном участке долины реки Белой, наводят на мысль о том, что эта гора некогда использовалась как место, где проводились большие праздники и жертвоприношения. Название Курмантау получила и деревня, находящаяся у подножия этой горы.

Носители говора в основе своей сохранили общие с татарским языком черты, хозяйственный уклад, язык, традиции, культуру, религию и т.д. Не последнюю роль сыграло в этом и самосознание населения данной группы деревень, считающего себя татарами, а язык – татарским.

Говор указанных деревень является отдельным говором, названным нами курмантауским. Название связано с тем, что эти населенные пункты расположены близ горы Курмантау.

Деревня Курмантау была основана мишарями, но с течением времени (с присоединением и тептяр, и ясачных татар, носителей среднего диалекта) их говор изменился, и по языковым особенностям они относятся к среднему диалекту татарского языка.

По составу языковых особенностей курмантауский говор стоит между белебеевским подговором мензелинского говора и златоустовским говором среднего диалекта татарского языка.

В ходе формирования курмантауского говора сложилась и характерная для него лексико-семантическая система. Основу его составляют общетатарские слова. Ниже приведем некоторые лексические особенности данного говора.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что в курмантауском говоре выделяется группа диалектизмов, совпадающих по фонетическому звучанию корня с соответствующими словами татарского литературного языка, но отличающихся а) либо по семантике, б) либо по морфологическому образованию, т.е. являющимися лексико-синтаксическими или морфологическими вариантами. Например:

А) *Жай* – кроме лит. ‘жай’ 1) порядок, 2) покой, 3) возможность, 4) основание, выход’, в курмантауском говоре употребляется и в значении ‘медленно’: *Жай эшлэ* ‘Медленно работай’;

Бәс – кроме лит. ‘иней, изморозь’ в курмантауском говоре означает и ‘коричневый цвет’ (по тат. *көрән, коңгырт*);

Эссе – кроме лит. *эссе (көн)* ‘жаркий (день)’, означает и *кайнар (чэй)* ‘горячий (чай)’ и др.

Б) *Қыстырма* – в лит. *кыстырғыч* ‘прищепка’; *тегемсе/тегемсе* – лит. *тегүче* ‘портной, швея’; *қартатай* – лит. *бабай/дәү әти* ‘дедушка’ и др.

Лексика, обозначающая характер и душевное состояние человека.

Әтрәғәләм ‘разгильдяи, бездельники, пьянствующие’;

Бәләс алу, бәләсник ‘плаксивый, капризный’ (о ребенке, маленьких детях);

Бүсмәт ‘медлительный’, ‘толстый’;

Бедәңнәгән – кыйланчык, хатын-кызга карата ‘кривляка’;

Жайман – ‘медлительный’;

Қапақ ‘кривляка’;

Қоно / улыр – бирән ‘обжора’;

Қызрас – кызучан кеше ‘вспыльчивый, горячий’;

Мыжық қуырған ‘худой, больной человек’;

Мыймылдық ‘делающий привлекающие на себя движения’;

Сақбай – колакка каты кеше ‘глухой человек’;

Саха // исәр – сантый ‘дурак, глупый’;

Сос – елгыр, сизгер ‘шустрый, бдительный, осторожный’;

Туйтаңнаган // қыйшағнаган (кыз) ‘кокетка’;

Шаталақ – ‘бойкий, несерьезный, легкомысленный’. Сравни: в пермском, бирском, дубязском, мензелинском, златоустовском говорах среднего диалекта татарского языка *шаталақ* – ‘отчаянный’, в мензелинском говоре еще и в значении ‘колокольчик’ [3, с. 780].

Шылгайақ – хәйләкәр алдакчы ‘хитрый вун, обманщик’.

Слова, связанные с физической характеристикой и действиями человека.

Тәпәш ‘низенький’; *мықтым* – ‘крепкий, здоровый’; *сөрхет* ‘худой высокий человек’; *сыйқыт* – ‘худой’, ‘очень слабый телом’; *сыбайлы* – жайдак ‘всадник, верховой’; *йарамсықлану* – ялагайлану ‘подлизываться, подхалимство’; *шақару* – каеру ‘вывернуть, скрутить’; *ашақлау* – аша чыгу ‘перешагнуть’; *кутару* ‘отодрать, разобрать’; *исләу* – искәрү ‘заметить, обратить внимание’; *нықыу* // *нықышыу* – туку ‘долбить, твердить одно и то же’.

Туңқайу – иелү ‘нагибаться, нагнуться’. Сравни: в восточных диалектах татарского языка *тәңкәйү* / *тәңрәйү* в таком же значении, а в тевризском говоре *төкәйү* – бөкрәю ‘сгорбиться’. В курмантауском говоре еще есть слово *туңқаңнау* ‘быть на четвереньках’. Сравни: в других говорах среднего диалекта – пермском *туңканнау*, балтасинском, каргалинском, тепекеевском *бүкәйләу*, бирском *чүмәкәйләтү* – мүкәләү ‘ходить на четвереньках’ [3, с. 657, 141].

Алаңнау – ялт-йолт килү (карану), тирә-якны күзәтеп, кешеләргә карау, аларны тикшерү ‘быстро оглядываться, наблюдать’. *Алаңнаган: Теге алаңнаган кешесе алаңнап килеп тә керде* [2, с. 226]. Сравни: в восточных диалектах татарского языка *алаңнау* – ахмак, кыюсыз, тарау, икеләнүчән булу ‘быть глупым, рассеянным, нерешительным’ и др. [3, с. 36].

Пыжым / *пыжу* – 1) шинү ‘завянуть’ (о цветах): *Тәрдә* (тәрәзә) *төбөндәге гөлләр пыжымасын, су сип!*; 2) в значении *пәжү* ‘несвежий, смягчиться, терять эластичность’: *Сатудагы бәрәңге-намидурлары пыжып беткән инде, йарарлык түгел*.

Хөстерү – яманлап талаштыруга котырту, өстерү ‘натравливать человека на кого-либо; подговорить, раздодорить, подзадорить’. Например: *Ике кеше сүдгә килдисә* (лит. килсә), *кемдер берсен хөстөрә дә башлай инде аламалыққа*. Употребляется также в значении ‘науськивать собаку на воров’ [2, с. 229].

Сүкәйү – чүгәләү ‘сесть на корточки’.

Қыйшаңнау – кылану, боргалану ‘кривляться, вертеться’: *Қыйшагнаган қыды қайтты* (крмн.) – (Ее) дочка-кокетка приехала.

Таким образом, из наблюдений над лексикой курмантауского говора среднего диалекта татарского языка следует, что основной фонд является общим с татарским литературным языком. Слова, обозначающие характер, физическое, душевное состояние и действия человека, представляют собой большое разнообразие как по происхождению, так и по их морфологическому и фонетическому звучанию. Диалектная лексика проявляет большую общность с говорами среднего и западного (мишарского) диалектов, также обнаруживается определенное число слов, общих с говорами восточных (сибирских) диалектов татарского языка. Некоторые слова восходят к древнетюркскому языку. Однако говор характеризуется большим количеством специфичных диалектизмов, не свойственных для других говоров татарского языка.

Список литературы

1. Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». Казань, 2013. 240 с.
2. Булатова М.Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. Казань: Изд. «Магариф-Вакыт», 2016. 384 с.
3. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.

Сведения об авторе: Булатова Миннира Рахимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, m.r.bulatova@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

THE LEXICAL PECULIARITIES OF THE KURMANTAU SUBDIALECT OF THE TATAR LANGUAGE (PSYCHO-PHYSIOLOGICAL CHARACTERISTIC OF A PERSON)

M. Bulatova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
m.r.bulatova@mail.ru*

Abstract. The article discusses some lexical peculiarities of Kurmantau subdialect of middle dialect of the Tatar language, which distributed in the central part of the Republic of Bashkortostan, mainly in the Gafuriysky district.

Keywords: the Tatar language, dialects of Tatar language, middle dialect, Kurmantau subdialect, Bashkortostan, lexical peculiarities.

References

1. Bulatova M.R. Morfologicheskie osobennosti tatarskih govorov areala «YUg Bashkortostana». Kazan, 2013. 240 s. (In Russian)

2. Bulatova M.R. Kurmantauskij govor srednego dialekta tatarskogo yazyka v ehtnolingvisticheskom aspekte. Kazan: Izd. "Magarif-Vakyt", 2016. 384 s. (In Russian)

3. Tatar teleneң zur dialektologik syzlege. Kazan: Tatar. kit. nāshr., 2009. 839 b. (In Tatar)

About the author: Munira Bulatova, Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Department of Lexicology and Dialectology of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation, m.r.bulatova@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

НАСЛЕДИЕ

МАХМУД АЛ-БУЛГАРИ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС»

(Ф.Ш. Нуриева, Э.Г. Сайфетдинова, И.Р. Галиулина)

Резюме. В представленном материале дается перевод истории Йосыфа и Зулейхи из сочинения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» – «Путь в рай», которое было написано в 1357–1358 гг. в золотоордынском городе Сарае. Автор, Махмуд бин Али ас-Сараи ал-Булгари ал-Кардари, согласно рукописным спискам, предположительно был сыном шейха города Сарая. «Нахдж ал-Фарадис» представляет собой не только религиозно-дидактическое сочинение, в котором описаны основные столпы мусульманской религии и история ислама, но и учебником по нравственно-этическому воспитанию.

Ключевые слова: Золотая Орда, литература, Махмуд ал-Булгари, «Нахдж ал-Фарадис», ислам.

Предлагается перевод отрывка 2 раздела 4 баб сочинения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» – «Путь в рай». Перевод истории Йосыфа и Зулейхи¹.

«Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») написан в 1357–1358 гг. в золотоордынском городе Сарае. Автор, Махмуд бин Али ас-Сараи ал-Булгари ал-Кардари, согласно рукописным спискам, предположительно был сыном шейха города Сарая. «Нахдж ал-Фарадис» представляет собой не только религиозно-дидактическое сочинение, в котором описаны основные столпы мусульманской религии и история ислама, но и учебником по нравственно-этическому воспитанию.

На данный момент известны 11 списков сочинения. Рукописи сохранились как в России, так и за рубежом. Одна из самых старинных рукописей, датированная 1360 г., находится в Турции. Она была обнаружена в библиотеке при Стамбульской мечети «Йани-Джами». Это один из наиболее полных списков. Он состоит из 4 глав (баб) и 40 разделов (фасл). Каждая глава начинается с хадисов пророка, их всего сорок. Первая глава посвящена жизни и добродетелям пророка, о получении пророком откровения, о первых подвижниках пророка и об их подвигах, объяснение причин выезда пророка из Мекки в Медину, чудеса пророка, завоевание Мекки пророком, вознесение пророка, путешествие пророка в ночь вознесения в рай и ад, помощь ангелов

¹ Перевод подготовлен Ф.Ш. Нуриевой, Э.Г. Сайфетдиновой, И.Р. Галиулиной.

пророку в битвах, о смерти пророка. Во второй главе даются биографические исторические данные о четырех халифах: Абу Бакре, 'Умаре, 'Усмани и 'Али, о членах семьи – дочери Фатиме, внуках Хасане и Хусейне и четырех основателях суннитского мазхаба: имаме Абу Ханифе, имаме Шафии, имаме Малике, имаме Ахмаде ибн Ханбале. Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к богу: о важности получения знания (гыйлм), намазе, закяте, исполнении постов (ураза), совершении паломничества (хадж), повиновении отцу и матери, о принятии только дозволенной еды, совершении добрых дел, о подобающем проведении времени, о терпении в несчастьях. В четвертой главе – рассказывается о поступках, отдаляющих человека от бога: пролитие невинной крови, прелюбодеянии, о вреде хмельного, надменности, лжи, привязанности к земной жизни, богатстве, злопамятности, гордости и уповании на отдаленные надежды.

А история Йосыфа и Зулейхи следующая. Когда Йосыфу было семь лет, он видел сон, будто одиннадцать посохов воткнуто в землю. Среди них один двенадцатый – маленький. Будто кто-то сказал Йосыфу, что этот маленький посох его, а другие одиннадцать – его братьев. Через некоторое время маленький посох стал расти, и стал выше всех и достал до небес и даже стал ветвиться. Ветви разрослись очень широко, на них появились плоды. Собравшийся народ стал вкушать эти плоды. Этот свой сон Йосыф рассказал отцу. Отец Йосыфа, пророк Йакуб так истолковал его сон: «Сын мой, сказал он, – ты будешь пророком и царем. Ты будешь почитаем всеми людьми, а имя твоё будет известно всему миру. Многим людям ты принесешь пользу». Братья Йосыфа, услышав об этом сне, стали завидовать ему черной завистью [353]. Даже достигнув двенадцати лет, Йосыф все еще спал вместе с отцом. Йакуб любил младшего сына больше других своих детей. Ни днем, ни ночью Йакуб не отпускал от себя Йосыфа, потому что мать его Рахили умерла, и отец, пытаясь хоть немного смягчить его печаль, чрезмерно баловал его. Однажды ночью Йосыф проснулся от страшного сна. «Что случилось, Йосыф, что тебе приснилось?» спросил отец. «Мне приснился странный сон, – сказал Йосыф, – будто я нахожусь на вершине, высокой горы. Меня окружают прекрасные деревья, текут реки, кругом зеленая трава и яркие цветы. И вдруг луна, солнце и одиннадцать звезд спускаются с неба и кланяются мне. Йакуб сказал: – О, сын мой, пожалуйста, ни в коем случае не вздумай рассказывать этот сон братьям. Не навредили бы они тебе как-нибудь. Шайтан всегда искушает дитя человеческое, он может испортить твои отношения с братьями. Но об этом сне слышала дочь Йакуба и рассказала братьям. Враждебное отношение братьев к Йосыфу еще более усилилось. Собрались они вместе и стали советоваться: Наш отец Йакуб Йосыфа любит больше, чем нас. Йосыфу снятся вещие сны, которые говорят о том, что в будущем он будет управлять нами. Давайте опередим эти события и уведем его или отвезем куда-нибудь подальше и оставим там.

Старший брат Ягуда сказал: «Давайте бросим его в колодец. Проезжающий мимо караван его подберет и увезет от нас подальше. Потом покаемся в этом грехе, и будем снова чисты». И вот сказали они Йосыфу: «Эй, брат наш Йосыф, не хочешь ли ты пойти с нами на природу, в лес? До сколько лет ты собираешься сидеть дома? [354] Мы будем пасти скот, будем резвиться среди цветов на зеленой траве, из лука постреляем. Пошли с нами. Йосыф соблазнился. Тогда братья пошли к отцу и сказали: – Отец, отпусти с нами Йосыфа, пусть развеется немного. Мы же братья ему, он самый младший, мы будем заботиться о нем. Поверь нам. Пророк Йакуб сказал: – Сыны мои, эта ваша затея взять с собой в лес Йосыфа меня очень беспокоит. Боюсь, вы не уследите и Йосыфа съест волк. – Ну что ты, отец, как же его может съесть волк на глазах у одиннадцати братьев, убеждали они. Йакуб посмотрел на Йосыфа и увидел, что он очень хочет пойти вместе с братьями, и дал свое согласие. Один из братьев по имени Равиль посадил Йосыфа на плечи, и они двинулись в путь. Пророк Йакуб проводил сыновей, наказывая им быть поласковее с Йосыфом, не огорчать его, ведь он растет без матери. Они все согласились и продолжили путь, а из глаз Йакуба закапали крупные слезы. – О, Всевышний, единственный из единственных, защищающий нас от адского огня, спаси и сохрани моего сына Йосыфа, помолился он и со слезами на глазах долго смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Потом пошел домой. Когда братья ушли так далеко, что отец уже не мог их видеть, Равиль сбросил с плеч Йосыфа так грубо, что у Йосыфа затрещали кости. Йосыф поднялся и пошел было к брату Шамгуну, но тот дал ему пинка, и Йосыф упал лицом вниз и в кровь разбил нос. Он вновь поднялся и с плачем обратился к братьям: «Эй, братья мои, какой грех я совершил, что вы меня [355] так избиваете. Скажите мне, я покаюсь в своем грехе, попрошу у вас прощения». Братья посмеялись: «Пусть те одиннадцать звезд, луна и солнце из твоего сна придут и спасут тебя от нас». Йосыф ничего не ответил на это. Он очень хотел пить. Ведь они так долго шли по жаре. Он умолял братьев дать ему воды, но они не дали, а только били его и говорили: «Сейчас мы с тобой покончим». Йосыф разрыдался, подошел к старшему брату Ягуде: «О, Ягуда, вы мой самый старший браг, вы мне вместо матери, я ведь еще маленький, пожалуйста, пожалейте меня, дайте мне хоть глоточек воды, я и ведь умру от жажды», – взмолился он плача. «Дайте ему воды, – распорядился Ягуда». «Смотри, Ягуда, если ты не заодно с нами, мы и с тобой покончим», пригрозили братья Ягуде. Ягуда испугался и ничего не сказал. Потом они все уселись в одном месте и стали совещаться, как убрать Йосыфа. Ягуда сказал: «Послушайте меня. Не убивайте его. Здесь есть один колодец. Туда его и бросьте, там он сам умрет». Шамгун схватил Йосыфа за руку и начал его тянуть к краю колодца. Йосыф воскликнул: «О, Ягуда, и ты не спасаешь меня!» – и заплакал еще сильнее. Никто его не поддержал. Тогда Йосыф обратился за помощью к Тенгри Та'алы: «О, Тенгри, ты, спасший

моего деда пророка Ибрагима, спаси меня от них!» При этих словах Йосыфа Ягуда заплакал, остальные стояли, оцепенев от ужаса. Шамгун подвел Йосыфа к краю колодца, снял с него одежду, обвязал его веревкой вокруг пояса и стал опускать в колодец. Йосыф [356] схватился руками за край колодца и взмолился еще раз: «Не губите меня, клянусь, с этого дня я согласен быть вашим рабом, служить вам. Никто не сжалился над ним. Шамгун ударил камнем по обеим его рукам, обрезал ножом веревку на поясе, и Йосыф с воплем упал в колодец. Колодец имел глубину в четыреста аршин. Ангелы, наблюдавшие за всем этим с небес, собрались все вместе и стали молить за него Аллаха. Всевышний приказал Джабраилу, ангелу смерти: – Джабраил, поддержи раба моего! В тот же миг Джабраил спустился с седьмого неба к Йосыфу и задержал его на середине колодца, затем тихонечко опустил на дно. На дне колодца был огромный камень. Джабраил достал этот камень и приспособил его, сделав удобное сиденье. Еще там были змеиные норы. Их он углубил и укрепил и сказал Йосыфу: – Я Джабраил, по воле Аллаха, явившийся к отцу твоему Пророку Йакубу, мир ему, а так же явившийся к деду твоему, пророку Ибрагиму, *мир ему*. Теперь по воле Аллаха тебе явился. Ты должен выдержать все эти беды, терпи, Аллах спасет тебя, как спас он деда твоего Ибрагима из ада. Еще Аллах благословит тебя быть пророком и царем. Братья твои, раскаявшись, придут к тебе и с плачем будут просить прощения, тогда ты расскажешь им обо всем этом. У Йосыфа поднялось настроение. Через некоторое время Джабраил собрался уходить. «О, Джабраил, не оставляй меня здесь одного, мне страшно», – сказал Йосыф. – О, Йосыф, теперь ты постоянно будешь с Хак Та‘аля, не расставайся с ним. Я научу тебя одной молитве. Все время повторяй её. Джабраил [357] произнес: «Скажи Йосыф:

*اللهم يا كاشف كل كرب و يا مجيب كل دعوة و يا جابر كل كسير و يا ميسر كل عسير و يا صاحب
سبحانك اسالك ان تجعل لي فرجا و مخرجا و ان تقذف حباك كل غريب و يامونس كل وحيد يا لا اله الا انت
و لا ذكر غيرك و ان تحفظني و ترحمني يا ارحم الراحمين في قلبي حتى لا يكون لي هم*

Пророк Йосыф, *мир ему*, неустанно повторял эту молитву. Когда стемнело, Ягуда сказал: – О, братья, пойду-ка я к колодцу, позову его, узнаю, жив ли он. Братья не возразили. Ягуда подошел к колодцу и позвал Йосыфа. Йосыф отозвался. «Как дела?» – спросил Ягуда. – Вот сижу в темноте один. Ради бога, Ягуда, не рассказывайте отцу об этих делах, не разрывайте ему душу, он этого не выдержит, – попросил Йосыф со дна колодца. Услышав это, Ягуда горько заплакал. Три дня Йосыф прожил в колодце. Через три дня пришел караван из Дамаска, направлявшийся в Египет. Они расположились возле колодца. Вожака каравана звали Малик Дагырь. Отправил он слугу с ведром к колодцу за водой. Слуга спустил ведро в колодец, Йосыф зацепился за ведро. Вытянули ведро, смотрят – а в него вцепился руками ребенок, мальчик.

Тут вернулись к колодцу братья Йосыфа. – Это наш беглый раб, – сказали они Малику ибн Дагыйрю, – он сбежал от нас и спрятался в колодце. – Что-то это дитя не похоже на раба, – усомнился Малик. – Он в нашем доме родился и жил, – сказали братья. Малик не поверил и спросил Йосыфа: – Ты и вправду раб? – Да, раб, – ответил Йосыф, [358] и это была чистая правда, потому что он имел в виду, что он раб Тенгри. Тогда Малик сказал: – Продайте мне вашего беглого раба, куплю его с его преступлением. – Ладно, продадим, – согласились братья. У Малика было всего лишь 20 монет мелких денег. «При мне только 20 копеек, – сказал Малик, – если за 20 копеек продадите, возьму», – сказал он. Братья продали Йосыфа за 20 копеек и предупредили, «Он очень любит убежать, пожалуйста, наденьте оковы ему на ноги, на шею и заверните его в палас». Малик так и сделал. Йосыф попросил Малика ибн Дагыйря: «Разрешите мне проститься с ними. Я ведь очень долго был у них в услужении». Малик разрешил. С оковами на ногах, с цепью на шее, с покрывалом на плечах Йосыф подошел к братьям, пал к их ногам и плача сказал: «Простите меня, не сумел я служить вам, как следует». Ягуда тоже плакал, глядя на него и сказал: «Какое подлое дело мы сделали, от родного брата отреклись, отцу нанесли смертельный удар». Караван двинулся в путь. Йосыфа посадили на верблюда. Когда караван проходил мимо кладбища, где была похоронена мать Йосыфа – Рахия, Йосыф спрыгнул с верблюда, подошел к могиле матери и обняв ее заплакал: «О, матушка, знаешь ли ты, что происходит со мной, мне на шею, на ноги нацепили оковы, на плечи накинули палас, разлучили меня со старым отцом». В это время подошел к Йосыфу слуга Малика, пнул его сзади и, сказав: «Правду говорят, что ты любишь убежать», – грубо усадил его обратно на верблюда.

Когда караван приблизился к одному из египетских городов, Малик приказал своим спутникам снять с Йосыфа оковы и палас [359] и хорошенько помыть его. Так и сделали. Малик надел на Йосыфа шелковый халат, подпоясал его ремнем и отвел на рынок рабов. Торговцы рабами, увидев Йосыфа, пришли в крайнее изумление. «Нам в жизни не приходилось видеть такого красивого раба, – сказали они. – Если мы продадим его, не показав прежде визирю царя, нам может за это попасть». Они пошли к визирю по имени Кыйтфир и сказали: «Продается один раб, яхуд (еврей), никогда нам не приходилось видеть такого красавца». Кыйтфир сказал на это: «У меня нет ни сына, ни дочери. Жена моя Зулейха просила меня купить какого-нибудь хорошенького мальчика, мы бы воспитывали его как своего собственного сына. Так что, может быть, я куплю его». Кыйтфир сам пришел на рынок и, увидев Йосыфа, очень удивился и воскликнул: «Разве дитя человеческое может быть таким прекрасным!» Потом собрались все надсмотрщики и хозяева, оценили его и объявили: цена этого раба – золото весом с его собственный вес, такого же веса серебро, такого же веса шелк и столько же ароматических веществ. Визирь Кыйтфир согласился дать за Йосыфа эту

цену, Йосыфа взвесили, он оказался весом в двести батманов. Ему тогда было тринадцать лет. Кыйтфир отдал все, что от него потребовали и, забрав Йосыфа, радостно направился домой. Дома он сказал жене Зулейхе: «Называй этого мальчика сыном. У нас нет детей, воспитывай его хорошенько, как своего сына». С утра до вечера Зулейха занималась воспитанием Йосыфа, мыла его, причесывала, одевала в красивые одежды. Она его очень полюбила. Кыйтфир думал, что Зулейха слишком много внимания уделяет Йосыфу как ребенку, однако Зулейха питала к Йосыфу любовную страсть. День и ночь, глядя в лицо Йосыфа, слушая его голос, причесывая его волосы, Зулейха переполнилась любви настолько, что уже не могла ее таить, но некому было открыть свой секрет. [360] У Зулейхи была кормилица. Она заметила, что с Зулейхой что-то происходит. «Зулейха, что с тобой, ты таешь с каждым днем», – сказала она. Зулейха заплакала. «Почему ты плачешь?» – спросила няня. «Я хотела бы кое-что сказать тебе, но не смею», – сказала Зулейха. «Скажи, может быть, я смогу тебе помочь». Тогда Зулейха во всем призналась. «Я страстно влюблена в Йосыфа, если всего один час его не вижу, то теряю рассудок». «Ты говорила об этом Йосыфу?». «Нет, он не знает», – сказала Зулейха. Тогда кормилица предложила свой план: «Ты иди в дом одна, пригласи туда Йосыфа, запри дверь изнутри и признайся ему. Он должен войти в твое положение, а если нет, он же твой раб, ты ему воли не давай». Зулейха выбрала дом, загороженный тремя заборами, и в нем одна стала дожидаться Йосыфа. Кормилица сказала Йосыфу: «Йосыф, Зулейха тебя зовет, хочет отправить к Кыйтфиру с поручением». Йосыф вошел в дом. Смотрит – никого нет, только Зулейха одна, наряженная, нарумяненная. Йосыф почувствовал, что в этой интимной обстановке есть что-то непристойное. Одной ногой вступил на порог, а другую ногу держал за порогом. Зулейха подошла к Йосыфу, взяла его за руку. Кормилица подтолкнула его сзади, дверь закрыла и ушла. Йосыф с Зулейхой остались одни в доме. Йосыф сел рядом с Зулейхой, но смотрел вниз, не смея поднять на нее глаза. Зулейха сказала: «О, Йосыф, какое у тебя красивое лицо!». «Когда я сойду в могилу, пролежу в ней три дня, то мое лицо станет столь безобразным, что никому не захочется взглянуть на меня» – ответил Йосыф. «Какие у тебя красивые глаза!», – сказала Зулейха. «Прежде всего в могиле гаснут глаза», – ответил Йосыф. «Какие у тебя красивые волосы!» – сказала Зулейха. «Прежде всего в могиле осыпаются волосы» – ответил Йосыф. [361] Тогда Зулейха сказала: «Йосыф, я тебя очень люблю, почему ты прячешься от меня?» «Если я приближусь к тебе, я отдаюсь от Аллаха, мне лучше быть ближе к Аллаху, чем к тебе» ответил Йосыф. Тогда Зулейха сказала: «Йосыф, ты для меня такой же желанный, а ты на меня даже не взглянешь, все вниз смотришь. Взгляни же на меня разок». «В судный день боюсь ослепнуть», – сказал Йосыф. Тогда Зулейха сказала: «О, Йосыф, положи руку на мою грудь, пусть мое сердце успокоится». На это Йосыф сказал: «В судный день, боюсь,

свяжут мои руки и бросят в огонь». Тогда Зулейха сказала: «Я же купила тебя за свое добро, почему ты мне не подчиняешься?» На это Йосыф ответил: «В том вина моих братьев, которые продали меня как раба, но я не раб, я свободный человек, сын пророка. Называть меня рабом неправильно. Мой отец – пророк Йакуб, мой дед пророк Исхак, мой прадед пророк Ибрагим. Так что я потомок пророков в трех поколениях». Зулейха не нашла, что сказать на это, и вцепилась в Йосыфа. Йосыф, желая убежать от нее, подбежал к двери. По воле Аллаха, замок с двери сорвался и шлепнулся на пол. Когда Йосыф стал выходить из двери, Зулейха схватила его за подол одежды и подол оторвался. Йосыф вышел за дверь, за ним Зулейха. Смотрят, Кыйтфир стоит у двери. Йосыф не проронил ни слова. Зулейха сказала мужу: «Кыйтфир, этот твой раб замышлял непристойность по отношению ко мне». Кыйтфир сказал: «Йосыф, я о тебе забочусь как о сыне, а ты так непристойно ведешь себя с моей женой. Не оправдал ты моего доверия». На это Йосыф ответил: «У меня не было никаких плохих намерений. Она сама ко мне привязывалась, но я, боясь Тенгри и не желая оскорбить вашу честь, отказался». Кыйтфир [362] пришел в замешательство, не зная, кому верить. «Если вам нужен свидетель, войдите в дом», – сказал Йосыф. «Где же твой свидетель?» – сказал Кыйтфир. Йосыф показал на ребенка, лежащего в колыбели. «Он все видел», сказал Йосыф. «Да ты что, Йосыф, глупый, что ли, как может быть свидетелем этот грудной ребенок?» – улыбнулся Кыйтфир. «Эй, малыш, – обратился Йосыф к ребенку, – скажи, кто прав: я или Зулейха?» И тут, по воле Аллаха, грудной ребенок заговорил: – Если подол Йосыфа оторван спереди, значит Йосыф не прав, права Зулейха, если подол оторван сзади, прав Йосыф, Зулейха не права». Кыйтфир посмотрел, у Йосыфа подол был оторван сзади. Кыйтфир очень рассердился и накричал на жену: «Ах ты, греховодница, это ты пыталась совратить этого чистого отрока! Иди и молись Аллаху, чтобы он простил тебе этот великий грех! А ты, Йосыф, впредь не приближайся к ней, отворачивай от нее лицо, проходя мимо».

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

FRAGMENT FROM MAHMUD AL-BULGARI'S WORK «NAHJ AL-FARADIS»

(F. Nurieva, E. Sayfedinova, I. Galiullina)

Abstract. In the material the translation of the history of Joseph and Zuleikha from the work of Mahmud al-Bulgari "Nahj al-Faradis" – "The Way to Paradise", which was written in 1357–1358 in the Golden Horde city of Sarai. The author,

Mahmud bin Ali al-Sarai al-Bulgari al-Kardari, according to handwritten lists, obvious was the son of the Sheikh of the city of Sarai. "Nahj al-Faradis" is not only a religious and didactic work, which describes the main pillars of the Muslim religion and the history of Islam, but also a textbook on moral and ethical education.

Keywords: Golden Horde, literature, Mahmud al-Bulgari, "Nahj al-Faradis", Islam.

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

РЕЦЕНЗИИ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
БУРАЕВ А.И. ДРЕВНИЕ ТЮРКИ МОНГОЛИИ
(РЕКОНСТРУКЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА
ПО ДАННЫМ СКУЛЬПТУРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ) /
ОТВ. РЕД. П.Б. КОНОВАЛОВ. УЛАН-УДЭ:
ИЗД-ВО БНЦ СО РАН, 2016. 207 С.**

В.В. Тишин

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
tihij-511@mail.ru*

Резюме. Статья представляет собой рецензию на книгу А.И. Бураева «Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений)» (Улан-Удэ, 2016). Основное внимание обращено на попытки автора выявить этническую принадлежность прототипов скульптурных изображений на основе антропологического облика. По мнению автора рецензии, такая методика не является корректной в отношении кочевнических народов в целом ввиду специфики этнических процессов, характерных для кочевнических обществ.

Ключевые слова: древние тюрки, этническая история, физическая антропология, кочевники

Рассматриваемая книга принадлежит крупному специалисту по физической антропологии А.И. Бураеву. Специализация автора во многом обусловила и задачи книги – кроме «ознакомления широких научных кругов с уникальными изображениями средневековых кочевников Центральной Азии тюркского времени», это, прежде всего, рассмотрение антропоморфных 28 скульптурных изображений, обнаруженных при раскопках кургана Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) из Заамар сомона Центрального аймака МНР в качестве антропологического источника.

Раскопанный в 2009 г. курган Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I), как и раскопанный в 2011 г. курган Майхан-Уул (Шороон Бумбагар-II), являются уникальными памятниками в условиях полного отсутствия погребальных комплексов знати эпохи существования на пространствах Центральной Азии таких политических образований, как Тюркские каганаты (2-я половина VI – первая половина VIII вв.) [14]. Значение комплекса Шороон Дов значительно

возрастает в связи с фактом наличия в его составе эпитафийного теста на двух гранитных плитах на китайском языке [17], позволившим не только четко датировать, но и атрибутировать этот комплекс.

Не являясь специалистом по физической антропологии, автор настоящей работы не считает себя в праве обсуждать вопросы соответствующего характера. Вместе с тем, нам кажется очень важным обратить внимание на саму проблему места биологических, – в частности, именно физико-антропологических, – исследований для изучения этногенетических процессов в евразийских степях.

Наше внимание с этой точки зрения привлекли отдельные встречающиеся в книге формулировки, которые позволяют думать, что ее автор пытается использовать физико-антропологические характеристики для этнической атрибуции их носителей: «метисированный тип со значительным европеоидным влиянием, что согласуется с современными представлениями о происхождении тюркских народов» (с. 19), «возможность расово-этнической идентификации прототипов» (с. 52), «определить их этническую принадлежность» (с. 54), «в целом изображения монголоидны, но детальная этническая интерпретация затруднительна» (с. 202). Это подвигает вернуться к вопросу о правомерности использования таких методов вообще.

Книга А.И. Буроева носит название «Древние тюрки Монголии» и, несмотря на то, что эпитафия посвящена лицу по имени Пу-гу И-гу 僕固乙突, происходившему соответственно из племенной группировки *пу-гу* 僕固 (< **boqu*; ср. *пу-гу* 僕骨 < **boqut* [31, р. 2, note 2(7); 32, р. 27], хот.-сак. *bākū* [19, р. 17]), которая, в свою очередь, входила в состав племенной группировки *те-лэ* 鐵勒 (< **t'iet-lək*, ср.: *тэ-лэ* 特勒 [*Tè-lè*] < **d'ək-lək* < **tägräg* 'cerceau, grande roue légère' [32, р. 25–26, 51, note 6]; в эпитафии: *те-цинь* 鐵勤)¹, это совершенно правильно.

В эпитафии Пу-гу И-гу 僕固乙突 говорится, что мемориант происходил из «людей из Цзинь-шань» (*цзинь-шань жэнь* 金山人, букв. 'Золотые горы'), принадлежа к 'особому племени из *те-цинь*' (*те-цинь чжи бе-бу* 鐵勤之別部). Топоним *Цзинь-шань* 金山 является достаточно распространенным в китайских источниках относительно к территории Центральной Азии, но обычно так именовался Алтай или реже хр. Богдо (на севере Турфанской котловины) [101, с. 39, 173, комм. 251; 11, с. 39, 166, комм. 244]. Упомянутый в эпитафии округ Цзинь-вэй-чжоу 金徽州, наместником (*ду-ду* 都督) которого был мемориант, известен из китайских хроник и назван так по наименованию

¹ Сам факт написания *те-цинь* 鐵勤 (< **tegin*) вместо казалось бы привычного *те-лэ* 鐵勒, является очевидной опiskeй, хотя чаще встречается обратная замена [35, Bd. I, S. 8, Bd. II, S. 496–497, Anm. 48].

соответствующих гор Цзинь-вэй-шань 金微山 [11, с. 25, 26, 138–139, комм. 50]. Теперь может быть четко определена территория кочевания племенной группировки *пу-гу* 僕固/僕骨 [4, с. 65]. Не имеем ли мы в эпитафии пропуск иероглифа: Цзинь-[вэй-]шань 金[微]山? Мемориант никак не мог происходить из гор Алтая, как указывается в переводе, которому следует А.И. Бураев (с. 10, 21). Впрочем, автор пользовался выполненным по его просьбе Е.В. Сундуевой переводом с монгольского (с. 12, 21).

В помещенной в танских историях биографии Пу-гу Хуай-энь 仆固懷恩 (ум. в 765 г.) сам мемориант именуется выходцем из племени (*бу* 部) *пу-гу* 仆骨 [из] *те-лэ* 鐵勒 (*те-лэ пу-гу бу* 鐵勒仆骨部) и великим вождем «девяти фамилий» *те-лэ* 鐵勒 (*те-лэ цзю син да шоу-лин* 鐵勒九姓大首領) [35, Bd. I, S. 212, Bd. II, S. 592, Anm. 831]. При всей заманчивости вопрос об отношении последних к *toqiz oʻuz* памятников древнетюркской рунической письменности не может быть решен однозначно. Поэтому, что понимать под наименованием *те-лэ* 鐵勒 – какую-то племенную конфедерацию или просто обобщающее название определенного круга племен, – прояснить пока невозможно, как собственно невозможно определить количество объединенных под эти названием племен и употребление в отношении как всей этой группы, так и каждого из отдельных племен числа *девять*. Однако, вероятнее всего речь идет об эволюции содержания термина *те-лэ* 鐵勒 на протяжении VII в., при этом объединение *цзю син те-лэ* 九姓鐵勒, по-видимому, имеет искусственный характер [15]¹.

Мы не ставим задачу углубляться в обсуждение содержания эпитафии и касаться смежной проблематики, поскольку это не имеет прямого отношения к предмету самой рецензируемой книги. Для нас кажется важным остановиться именно на вопросах этнической истории кочевнических народов.

Дискуссию в этом отношении может вызвать лишь неоднозначное понимание дефиниции *тюрки*. Как известно, в зависимости от конкретного контекста термин имеет три основных значения: (1) политическая категория, относящаяся к самоназванию племенной группировки на территории Алтая в VI–X вв., использовавшаяся также как общее название для всех народов, входивших в возглавленное этой группировкой политическое объединение, а позже применявшееся к отдельным племенным группам различных кочевнических народов евразийских степей как в собственно степной традиции, связывающей данные племенные группы с существовавшим некогда политическим объединением, так и иноземными авторами, применявшими это

¹ Цитируемая статья является ранней работой автора рецензии и в значительной степени устарела из-за ряда неточностей и неполноты приведенных данных, однако, в общем виде она достаточно неплохо суммирует основные вопросы. Сейчас, несомненно, должна быть подготовлена новая, более обстоятельная работа.

слово в качестве обобщающего названия или штампа [30, р. 40–42; 29, р. 115–116]; (2) лингвистическая категория, используемая для обозначения группы родственных языков; (3) этническая категория, употребляющаяся при обозначении самоназвания тюркоязычного населения Турецкой республики (в русском языке здесь искажение: *турок*) [2], а также самоназвания этнографической группы тюркоязычного населения, проживающей на территории Узбекистана и южного Таджикистана (*тўрк*) [9].

Несмотря на распад политического образования, во главе с группировкой *тюрк*, именуемой в исследовательской литературе «Великий Тюркский каганат» на так называемые Восточно-тюркский и Западно-тюркский каганаты уже к началу VII в., не только в период их существования, в середине VI – середине VIII вв., но и далее – достоверно вплоть до X в. – археология четко фиксирует распространение на территориях, входивших в сферу политического влияния каганатов – Монголии, Алтае, Туве, Минусинской котловине, – общих черт материальной культуры и погребальной обрядности, а тот факт, что население этих территорий принадлежало к общему языковому кругу, характеризовалось единством системы письменности, духовной культуры и форм ее воплощения, общностью социально-политических институтов. Все это позволило в свое время А.Д. Грачу охарактеризовать эпоху существования ряда этих локальных общностей как древнетюркское время [5], при четком понимании различий между собственно общностями, осознававшим себя принадлежащим к конкретным племенным группировкам – собственно *тюрк*, *уйгур* и т.д.

Как исследователями давно уже отмечалось, мало того, что никаких универсальных краниометрических показателей, коррелирующих с этнической принадлежностью даже в рамках одной расы не существует [7, с. 19–20], а «культурное и языковое единство отнюдь не предполагает обязательно единства расово-антропологического» [7, с. 20]. По отношению к кочевническим обществам ввиду их мобильности и текучести качественных этносоциальных характеристик вообще бессмысленно говорить об этнической, – в привычном понимании этой дефиниции, – принадлежности и, тем более, выделять какие-либо устойчивые физические признаки. Как, например, было показано в статье С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова, археологические, изобразительные и иконографические источники свидетельствуют в целом о смешанном антропологическом типе населения территорий, входивших в состав Тюркского каганата, на соответствующем хронологическом этапе – преобладание монголоидного или европеоидного облика отмечалось в отдельных районах, с преобладанием, конечно, первого, но какой-либо общей тенденции наметить невозможно [3, с. 177–178].

Попытки выделять признаки физической антропологии как критерии определения этничности возвращают нас к уровню науки XIX в., когда еще недостаточно устоялся категориальный аппарат, разграничивающий сферы

этнографии, антропологии, лингвистики, и не была разработана методика исследования кочевнических обществ. Соответственно это объективно порождало попытки поиска критериев классификации кочевнических народов, в том числе и на основе расовых признаков [26, p. 81–82; 37, S. 30; 6, с. IV]. Впрочем, даже когда этот метод был подвергнут критике [8, с. 39, 43; 21, p. 20; 20, p. 106–107], подобные попытки установить корреляцию между этничностью и расовым обликом можно было встретить в тенденциозных работах, например, турецких националистических историков [38, s. 7, 48–49; 33, s. 46–47; 28, s. 105–106].

Очевидно, что привязка определенного расового типа к какому-либо этнониму с научной точки зрения совершенно некорректна, поскольку предполагает сведение под один знаменатель двух параллельных и независимых друг от друга исторических явлений – антропогенеза и эволюции этнонима. И столь же очевидно, что к изучению кочевнических народов следует подходить с иных позиций. Постоянные миграции и процессы метисации сделали антропологическую карту Центральной Азии очень разнообразной. В отношении кочевнических обществ не может быть методологически оправданно применение таких терминов как *этнос*, *народность* и, тем более, *нация* в понимании, основанном на традиционных критериях, т.к. сам подвижный образ жизни исключает возможность сохранения постоянной территории и целостности той или иной общности. Важной и наиболее устойчивой характеристикой является *язык*, т.к. изменения в языке требуют наиболее длительного хронологического периода. Однако важно, что, например, главенство тюркоязычного племени в объединении, включавшем и нетюркоязычные племена, могло способствовать усвоению ими какого-либо тюркского диалекта, но и не исключало не только равноправного употребления различных локальных диалектов, но и также усвоения главенствующей верхушкой другого языка (например, согдийского) [27, p. 2]. Распространение элементов материальной культуры также не свидетельствует о расселении одного условного «этноса», а может быть объяснено как заимствование подчиненными группами населения стиля доминирующей группы [1].

Здесь важно понимать именно специфику механизмов социальной организации кочевников, выявленную еще Г. Вамбери и В.В. Радловым, которые, наблюдая соответственно за узбеками и казахами, независимо друг от друга отметили *аул* – кочевую группу от одной до нескольких родственных или не родственных семей – в качестве основной социальной единицы кочевников евразийских степей, объединения, перегруппировки, перекочевки которых определяют всю динамику формирования крупных политических единиц в степи [40, S. 181–185; 13, с. 68–75; 12, с. 337–340; 39, S. 513–517]. Передвижения, объединения, распады, перегруппировки различных по численности кочевых групп были обычными и постоянными явлениями, обусловленными экологическими, хозяйственными или политическими факторами.

Наиболее сильные в хозяйственном (а, значит, – и военном) отношении группы объединяли вокруг себя другие, на которые в качестве своеобразного политонима распространялось название первых, при этом внутри образовавшегося объединения они, как правило, сохраняли свои прежние названия и внутреннюю структуру [25, 10–19. о.; 24, s. 162–167]. Поскольку это были группы различных форматов, внутри они также могли быть сегментированы, и, следовательно, состав самого объединения всегда был текучим и в количественном, и в качественном отношении за счет включения новых сегментов или выхода из состава (откочевки) каких-то групп. При этом вышедшие из состава группы могли принимать в качестве основного как свое прежнее наименование, так и брать в качестве самоназвания имя группы более высокого таксономического уровня, в том числе исходный политоним. Это объясняет появление в разных географических регионах и даже в составе новых объединений группировок с одинаковыми названиями. Доминирующая группа могла утратить свое положение и после племенной борьбы это же объединение могла возглавить другая группа, с другим названием, что влияло на смену названия всего объединения [36, 28–44. о.]. Это иногда создает у исследователей ложное впечатление исчезновения самого народа, а потом его внезапного появления, хотя следует различать историю кочевого коллектива и историю имени [23, 27–28. о.; 22, p. 43; 18, с. 118, 125–126]. Отдельную проблему представляет выявление модели социальной организации, функционирующей в конкретной исторической ситуации, – иерархии и соотношения между собой отдельных таксонов, составляющих в совокупности то или иное политическое объединение [16, с. 217–219; 34, p. 119–122].

Поэтому наиболее верным кажется рассматривать в качестве своеобразных этнодифференцирующих маркеров три признака в совокупности: (1) самоназвание конкретной кочевнической группы; (2) язык (диалект); (3) погребальный обряд.

Формирование кочевнических политических объединений происходит исключительно в рамках единства хозяйственного уклада: хозяйственно более слабая или побежденная общность, представленная кочевой группой или объединением таких групп, входит в состав победившей общности, сохраняя свою внутреннюю организацию. Процессы метисации и языковой ассимиляции не имеют закономерностей и уникальны для каждого исторического региона.

Таким образом, этническую историю кочевнических народов следует рассматривать исключительно в контексте социальной истории, с пониманием того, что все этнические процессы у кочевников характеризуются прямой зависимостью от особенностей процессов социальных.

Едва ли уже может поставлен под сомнение и потому не должен быть подвержен обсуждению тот факт, что механизмы жизнедеятельности кочевнических обществ имеют значительные отличия от обществ оседло-

земледельческих, потому отличающиеся закономерности связанных с кочевниками исторических – этно-, социо- и культурогенетических – процессов требуют особой методики. Рассмотрение этих процессов, отталкивающееся от имеющихся представлений об оседло-земледельческих обществах и сложившихся на этой основе схем, может привести к неверному пониманию их сущности. По этой же причине нет никаких оснований придавать физико-антропологическим характеристикам какое-либо значение при решении проблем этнической истории народов степного пояса Евразии.

Из всего сказанного следует заключение, что сама цель, поставленная перед собой автором книги, не может иметь научного обоснования, что лишает научной ценности всех мнимых результатов.

Список литературы

1. *Азбелев П.П.* К интерпретации заимствования ремесленных традиций в среде центральноазиатских кочевников (I тыс. н.э.) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988. С. 75–76.
2. *Благова Г.Ф.* Вариантные заимствования *турок ~ тюрк* и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского / Ред. кол. А.Н. Кононов (отв. ред.), С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. М., 1973. С. 93–140.
3. *Вайништейн С.И., Крюков М.В.* Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова / Ред. кол.: С.Г. Кляшторный (отв. ред.), Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. М.: Наука, 1966. С. 177–187.
4. *Васютин С.А.* Киданьское городище Хэрмэн Дэнж и Тогу-Балык кошо-цайдамысских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. № 4. С. 63–71.
5. *Грач А.Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова / Ред. кол.: С.Г. Кляшторный (отв. ред.), Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. М.: Наука, 1966. С. 188–193.
6. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Гос. рус. Геогр. Об-во, 1926.
7. *Ельницкий Л.Б.* Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск: Наука, 1977.
8. *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и

о взаимных отношениях этих двух народов). 2-е дополн. изд. Л., 1926 (Труды туркологического семинария. Т. I).

9. Кармышева Б.Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков (Историко-этнографические данные) // Советская этнография. 1960. № 1. С. 3–22.

10. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981.

11. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989.

12. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / Пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой; примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна; топонимич. Редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г.И. Донидзе; указатель этнич. названий Е.П. Батякова. М.: Наука, 1989.

13. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893.

14. Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2(18). С. 60–74.

15. Тишин В.В. К проблеме соотношения племенных названий *уйгур* и *токуз огуз* и их отношения к «деяти племенам» китайских источников // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2014 (Ученые записки отдела Китая. Вып. 14). С. 131–140.

16. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

17. Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Исследование гробниц с захоронениями вельмож аймака «Пугу» // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 455–462.

18. Юдин В.П. Могулы // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 96–136.

19. Bailey H.W. The Staël-Holstein Miscellany // Asia Major (New Series). 1951. Vol. 2. Pt 1. P. 1–45.

20. Bazin L. Les calendriers turcs anciens et medievau. Lille: Service de reproduction des thèses, Université de Lille, 1974 (Université de Lille III).

21. [Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg / Compl. by A.P. Cohen. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979.

22. Czeglédy K. From East to West: the Age of Nomadic Migrations in Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. T. III. P. 25–125.

23. Czeglédy K. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969 (Kőrösi Csoma kiskönyvtár 8).

24. *Deér J.* İstep Kültürü // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya, Fakültesi Dergisi. 1954. Cilt 12. Sayı 1–2. S. 159–176.
25. *Deér J.* Pogány magyarság, keresztény magyarság. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1938.
26. *Desmoulins A.* Histoire naturelle des races humaines du nord-est de l'Europe, de l'Asie boréale et orientale, et de l'Afrique australe, d'après, des recherches spéciales d'antiquités, de physiologie, d'anatomie et de zoologie, appliquée à la recherche des origines des anciens peuples, à la science étymologique, à la critique de l'histoire, etc. Paris: Méquignon-Marvis, 1826.
27. *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston : Brill, 2004 (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3).
28. *Esin E.* İslâmiyetten Önceki Türk Kültür Tarihi ve İslâma Giriş (Türk Kültür. El-Kitabı, II, Cild I/b'den Ayrı Basım). İstanbul : Edebiyat Fakültesi Matbaası, 1978.
29. *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples : Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. Bd. 9).
30. *Golden P.B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Çinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 37–76.
31. *Hamilton J.R.* Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris: Presses Universitaires de France, 1955 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises, vol. X).
32. *Hamilton J.* Toquz-Oyuz et On-Uyyur // Journal Asiatique. 1962. T. CCL. Pt. 1. P. 23–63.
33. *Kafesoğlu, İ.* Türk Milli Kültürü. 4. bk. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 1997 (Ötüken Neşriyat; Yayın Nu : 376. Kültür serisi; 128).
34. *Khazanov, A.M.* Nomads and the Outside World / Transl. by J. Crookenden; with a foreword by E. Gellner. 2-nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. xlix, 382 p.
35. *Liu, Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe) / Liu Mau-tsai. I. Buch. Texte; II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Band 10).
36. *Németh, Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása / Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.
37. *Neumann, C.F.* Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Eine von dem Königlichen Institut von Frankreich Gekrönte Preisschrift. Zweite Auflage. Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1855.

38. *Ögel B.* İslâmiyetten Önce Türk Kültür Tarihi (Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre). 2. bk. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basımevi, 1984.

39. *Radloff W.* Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Zweite Ausgabe. 1 Bd. Mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationen. Leipzig: T.O. Weigel Nachfolger, 1893.

40. *Vámbéry H.* Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885.

Сведения об авторе: Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, e-mail: tihij-511@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

BOOK REVIEWS.

**BURAEV A.I. ANCIENT TURKS OF MONGOLIA
(RECONSTRUCTION OF ANTHROPOLOGICAL
COMPOSITION ACCORDING TO SCULPTURAL FIGURES),
ED. P.B. KONOVALOV, ULAN-UDE, BURYATIA SCIENTIFIC
CENTER OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RAS PRESS, 2016, 207 P.**

Vladimir Tishin

*Institute of Mongolology, Buddhology and Tibetology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation
tihij-511@mail.ru*

Abstract. The article is a review of the book “Ancient Turks of Mongolia (Reconstruction of Anthropological Composition According to Sculptural Figures)” (Ulan-Ude, 2016) by of A.I. Buraev. The main attention is drawn to the attempts of author of the book basing on a data of a physical anthropology to reveal the ethnicity of prototypes of sculptural figures. According to the author of the review, this method is not correct using in relation to nomadic peoples as a whole because of the specifics of the ethnic processes of nomadic societies.

Key words: ancient Türks, ethnic history, physical anthropology, nomads

References

1. Azbelev P.P. K interpretacii zaimstvovaniya remeslennyh tradicij v srede central'noaziatskih kochevnikov (I tys. n.eh.) // Drevnee proizvodstvo, remeslo i trgovlya po arheologicheskim dannym: tezisy dokladov IV konferencii molodyh uchenyh IA AN SSSR. M., 1988. S. 75–76. (In Russian)
2. Blagova G.F. Variantnye zaimstvovaniya turok ~ tyurk i ih leksicheskoe obosoblenie v russkom yazyke (K stanovleniyu obobshchayushchego imeni tyurkoyazychnyh narodov) // Tyurkologicheskij sbornik. 1972. Pamyati P.M. Melioranskogo / Red. kol.: A.N. Kononov (otv. red.), S.G. Klyashtornyj, YU.A. Petrosyan, S.S. Cel'nik. M., 1973. S. 93–140. (In Russian)
3. Vajnshtejn S.I., Kryukov M.V. Ob oblike drevnih tyurkov // Tyurkologicheskij sbornik. K shestidesyatiletiju A.N. Kononova / Red. kol.: S.G. Klyashtornyj (otv. red.), YU.A. Petrosyan, S.S. Cel'nik. M.: Nauka, 1966. S. 177–187. (In Russian)
4. Vasyutin S.A. Kidan'skoe gorodishche Hehrmehn Dehnzh i Togu-Balyk kosho-cajdamskih nadpisej: k voprosu o proiskhozhdenii i ehtnokul'turnoj prinadlezhnosti goroda nachala VIII v. na r. Tole // Vestnik BNC SO RAN. 2011. № 4. S. 63–71. (In Russian)
5. Grach A.D. Hronologicheskie i ehtnokul'turnye granicy drevnetyurkskogo vremeni // Tyurkologicheskij sbornik. K shestidesyatiletiju A.N. Kononova / Red. kol. : S.G. Klyashtornyj (otv. red.), YU.A. Petrosyan, S.S. Cel'nik. M.: Nauka, 1966. S. 188–193. (In Russian)
6. Grumm-Grzhimajlo G.E. Zapadnaya Mongoliya i Uryanhajskij kraj. T. II. Istoricheskij ocherk ehtih stran v svyazi s istoriej Srednej Azii. L.: Gos. rus. Geogr. Ob-vo, 1926. (In Russian)
7. El'nickij L.B. Skifiya evrazijskih stepej. Istoriko-arheologicheskij ocherk. Novosibirsk: Nauka, 1977. (In Russian)
8. Inostrancev K.A. Hunnu i gunny (razbor teorij o proiskhozhdenii naroda Hunnu kitajskih letopisej, o proiskhozhdenii evropejskih gunnov i o vzaimnyh otnosheniyah ehtih dvuh narodov). 2-e dopoln. izd. L., 1926 (Trudy turkologicheskogo seminariya. T. I). (In Russian)
9. Karmysheva B.H. EHtnograficheskaya gruppa «tyurk» v sostave uzbekov (Istoriko-ehtnograficheskie dannye) // Sovetskaya ehtnografiya. 1960. № 1. S. 3–22. (In Russian)
10. Malyavkin A.G. Istoricheskaya geografiya Central'noj Azii (materialy i issledovaniya). Novosibirsk: Nauka, 1981. (In Russian)
11. Malyavkin A.G. Tanskije hroniki o gosudarstvah Central'noj Azii: teksty i issledovaniya. Novosibirsk : Nauka, 1989. (In Russian)
12. Radlov V.V. Iz Sibiri: stranicy dnevnika / Per. s nem. K.D. Civinoj, B.E. CHistovoj; primech. i poslesl. S.I. Vajnshtejna; toponimich. redakciya, skhemy marshrutov ehkspedicij i annotir. ukazatel' geografich. nazvanij G.I.

Donidze; ukazatel' ehtnich. nazvanij E.P. Bat'yakova. M.: Nauka, 1989. (In Russian)

13. Radlov V.V. K voprosu ob uigurah. Iz predisloviya k izdaniyu Kudatku-Bilika. Prilozhenie k LXXII-mu tomu Zapisok Imperatorskoj Akademii Nauk № 2. SPb., 1893. (In Russian)

14. Seregin N.N. «EHlitnye» pogrebal'nye komplekсы tyurkskogo vremeni v Mongolii: itogi i perspektivy issledovanij // Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij. 2017. № 2(18). S. 60–74. (In Russian)

15. Tishin V.V. K probleme sootnosheniya plemennykh nazvanij uigur i tokuz oguz i ih otnosheniya k «devyati plemenam» kitajskih istochnikov // 44-ya nauchnaya konferenciya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». T. XLIV. CH. 1. M.: IV RAN, 2014 (Uchenye zapiski otdela Kitaya. Vyp. 14). S. 131–140. (In Russian)

16. Hazanov A.M. Kochevniki i vneshnij mir. Izd. 3-e, dop. Almaty: Dajk-Press, 2002. (In Russian)

17. Ehrdehnebold L., Cehrehndorzh C. Issledovanie grobnic s zahoroneniyaми vel'mozh ajmaka «Pugu» // Aktual'nye voprosy arheologii i ehtnologii Central'noj Azii: Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Ulan-Udeh, 7–8 aprelya 2015 g. / Otv. red. B.V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2015. С. 455–462. (In Russian)

18. Yudin V.P. Moguly // Yudin V.P. Central'naya Aziya v XIV–XVIII vekah glazami vostokoveda. Almaty: Dajk-Press, 2001. S. 96–136. (In Russian)

19. Bailey H.W. The Staël-Holstein Miscellany // Asia Major (New Series). 1951. Vol. 2. Pt 1. P. 1–45.

20. Bazin L. Les calendriers turcs anciens et medievauх. Lille: Service de reproduction des thèses, Université de Lille, 1974 (Université de Lille III).

21. [Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg / Compl. by A.P. Cohen. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979.

22. Czeglédy K. From East to West: the Age of Nomadic Migrations in Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. T. III. P. 25–125.

23. Czeglédy K. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969 (Kőrösi Csoma kiskönyvtár 8).

24. Deér J. İstep Kültürü // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya, Fakültesi Dergisi. 1954. Cilt 12. Sayı 1–2. S. 159–176.

25. Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1938.

26. Desmoulins A. Histoire naturelle des races humaines du nord-est de l'Europe, de l'Asie boréale et orientale, et de l'Afrique australe, d'après, des recherches spéciales d'antiquités, de physiologie, d'anatomie et de zoologie, appliquée à la recherche des origines des anciens peuples, à la science étymologique, à la critique de l'histoire, etc. Paris: Méquignon-Marvis, 1826.

27. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004 (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3).
28. Esin E. İslâmiyetten Önceki Türk Kültür Tarihi ve İslâma Giriş (Türk Kültür. El-Kitabı, II, Cild I/b'den Ayrı Basım). İstanbul: Edebiyat Fakültesi Matbaası, 1978.
29. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples : Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. Bd. 9).
30. Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Çinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 37–76.
31. Hamilton J.R. Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris: Presses Universitaires de France, 1955 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises, vol. X).
32. Hamilton J. Toquz-Oyuz et On-Uyyur // Journal Asiatique. 1962. T. CCL. Pt. 1. P. 23–63.
33. Kafesoğlu, İ. Türk Milli Kültürü. 4. bk. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 1997 (Ötüken Neşriyat; Yayın Nu: 376. Kültür serisi; 128).
34. Khazanov, A.M. Nomads and the Outside World / Transl. by J. Crookenden; with a foreword by E. Gellner. 2-nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. xlix, 382 p.
35. Liu, Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe) / Liu Mau-tsai. I. Buch. Texte; II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen : Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Band 10).
36. Németh, Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.
37. Neumann, C.F. Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Eine von dem Königlichen Institut von Frankreich Gekrönte Preisschrift. Zweite Auflage. Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1855.
38. Ögel V. İslâmiyetten Önce Türk Kültür Tarihi (Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre). 2. bk. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basımevi, 1984.
39. Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Zweite Ausgabe. 1 Bd. Mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationen. Leipzig: T.O. Weigel Nachfolger, 1893.
40. Vámbéry H. Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885.

About the author: Vladimir Tishin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of Department of History and Culture of Central Asia Institute's of Mongolology, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation, e-mail: tihij-511@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.

Х Р О Н И К А

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТАТАРСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО: ИГО»

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
lusiia@mail.ru*

Резюме. В материале повествуется о работе круглого стола «Татарское владычество: иго», проведенного 17 апреля 2018 г. в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ, в рамках данного мероприятия обсуждалась проблема научной обоснованности использования термина «иго» по отношению к периоду владычества Золотой Орды над Русью.

Ключевые слова: Татарское иго, Золотая Орда, русско-ордынские отношения.

17 апреля 2018 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ прошел Круглый стол «Татарское владычество: иго». Основным докладчиком выступил доктор исторических наук, доцент Воронежского государственного университета Селезнёв Юрий Васильевич, тема доклада: «Татарское иго: мифы и реальность». В работе Круглого стола приняли участие научные сотрудники Института истории АН РТ: к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им.М.А. Усманова И.М. Миргалеев; к.и.н., с.н.с. А.В. Аксанов; к.и.н., с.н.с. Э.Г. Сайфетдинова; к.и.н., с.н.с. И.Р. Гибадуллин; к.и.н., с.н.с. Б.Р. Рахимзянов) и приглашенные гости (к.и.н., доцент Казанского (Приволжского) федерального университета М.С. Гатин; к.и.н., доцент Казанского (Приволжского) федерального университета Л.Ф. Абзалов; к.и.н., доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Т.Ф.Хайдаров; к.и.н. Т.Р. Галимов). За круглым столом была обсуждена проблема научной обоснованности использования термина «иго» по отношению к периоду владычества Золотой Орды над Русью, а также речь зашла о необходимости популяризации научных достижений, сделанных в изучении русско-ордынских отношений в последние десятилетия. Более подробно с основными достижениями в области изучения русско-ордынских отношений можно ознакомиться на страницах следующих изданий: научный ежегодник «Золотоордынская цивилизация» [2], научный журнал «Золотоордынское обозрение»[3], коллективная монография «Золотая Орда в мировой истории» [1].

В рамках Круглого стола в конференц-зале Института истории состоялась презентация книги Ю.В.Селезнёва («Картины ордынского ига»: монография / Ю.В. Селезнёв; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 437 с. Рецензенты: доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН И.В. Зайцев; доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета А.В.Майоров) [6].

С приветственным словом открыл мероприятие заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, д.и.н. Р.Р. Салихов. Затем последовало выступление руководителя Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств, к.и.н. И.М.Миргалеева, который представил Ю.В. Селезнева и высоко оценил его вклад в изучение русско-ордынских отношений.

Монография Ю.В. Селезнева посвящена рассмотрению места русских князей в системе общественно-политических отношений Джучиева Улуса. В центре внимания находятся русские князья, которые после «Батыева пленения», стали частью высшего слоя ордынского общества. Именно выяснению степени включенности, правам и обязанностям иноземных правителей (на примере русских князей) посвящена работа.

Книга интересна для научных работников, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется российской историей и историей русско-ордынских отношений.

«Книга создает уникальную картину жизни Руси под игом кочевников. Все, что можно найти в источниках, восполнить логическими построениями – отражено в тексте книги с академической точностью и научной правдивостью. И поэтому ознакомиться с ней будет интересно не только специалистам-профессионалам, но и всем, кто интересуется историей России и жизнью русского народа».

На презентации были представлены и другие монографии автора:

1. История Джучиева Улуса (Золотой Орды) в памятниках исторической мысли. – Воронеж: «Новый взгляд», 2018. – 262 с. (Учебное пособие) [4].
2. Княжеские убоицы в Древней Руси 977-1132гг. – М.: Руниверс, 2017. – 232 с. (в книге впервые рассмотрены причины, ход и последствия 62-х вооруженных конфликтов X XII столетий (977-1132 гг.) и представлена их уникальная визуализация в виде карт и генеалогических схем) [5].

Список литературы

1. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.
2. Золотоордынская цивилизация. 2008–2017. Вып. 1–10 // [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://civil.goldhorde.ru/category/arxiv-nomerov/> Дата обращения: 14.05.2018.

3. Золотоордынское обозрение. 2013–2018 // [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://goldhorde.ru/RU/arxiv-nomerov/> Дата обращения: 14.05.2018
4. История Джучиева Улуса (Золотой Орды) в памятниках исторической мысли. Воронеж: «Новый взгляд», 2018. 262 с.
5. Княжеские уобицы в Древней Руси 977–1132 гг. М.: Руниверс, 2017. 232 с.
6. Селезнёв Ю.В. («Картины ордынского ига»: монография / Ю.В. Селезнёв; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 437 с.

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация), e-mail: lusiia@mail.ru

Дата поступления материала 04.06.2018.

Принят к публикации 26.07.2018.

THE ROUND-TABLE: "TATAR RULE: YOKE"

L. Giniyatullina

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

Abstract. The material tells about the work of the round table "Tatar rule: yoke", held on April 17, 2018 in the Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, in the framework of this event discussed the problem of scientific validity of the use of the term "yoke" in relation to the period of the Golden Horde over Russia.

Key words: The Tatar yoke, The Golden Horde, Russian-Horde relations.

References

1. Zolotaya Orda v mirovoj istorii. Kollektivnaya monografiya. Kazan: Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2016. 968 s. + 28 s. cv. vkl. (In Russian)
2. Zolotoordynskaya civilizaciya. 2008–2017. Vyp. 1–10. // [Elektronnyj resurs] Adres dostupa: <http://civil.goldhorde.ru/category/arxiv-nomerov/> Data obrashcheniya: 14.05.2018. (In Russian)

3. Zolotoordynskoe obozrenie. 2013–2018. // [Elektronnyj resurs] Adres dostupa: <http://goldhorde.ru/RU/arxiv-nomerov/> Data obrashcheniya: 14.05.2018
4. Istoriya Dzhuchieva Ulusa (Zolotoj Ordy) v pamyatnikah istoricheskoy mysli. Voronezh: «Novyj vzglyad», 2018. 262 s. (In Russian)
5. Knyazheskie usobicy v Drevnej Rusi 977–1132 gg. M.: Runivers, 2017. 232 s. (In Russian)
6. Seleznyov Yu.V. («Kartiny ordynskogo iga»: monografiya / Yu.V. Seleznyov; Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2017. 437 s. (In Russian)

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation), e-mail: lusiiia@mail.ru

Received June 04, 2018.

Accepted for publication July 26, 2018.